

П.Н.КРАСНОВЪ.

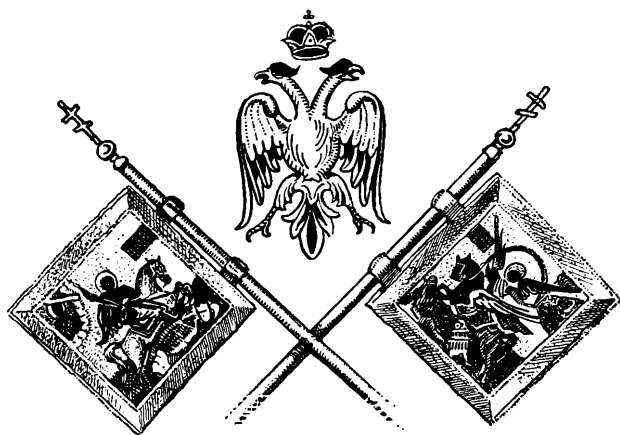
СЪЕРТАКОМЪ НА СИБИРЬ.

С.Ермова

П. Н. КРАСНОВЪ

СЪ ЕРМАКОМЪ НА СИБИРЬ!

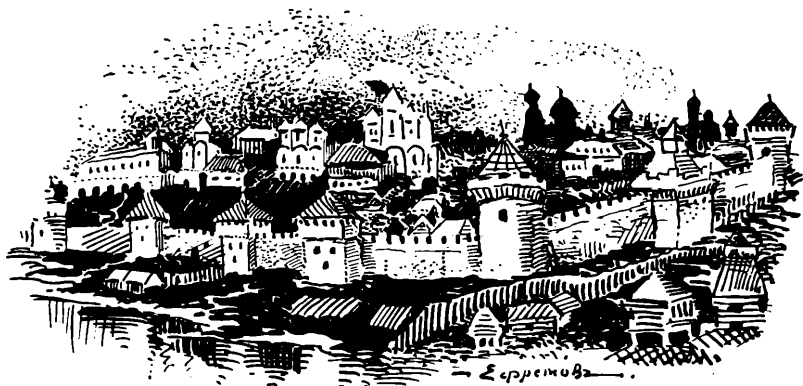
Повѣсть

ИЗДАНИЕ В. СІЯЛЬСКАГО

ПАРИЖЪ.

*Всѣ права, въ томъ числѣ права перевода на иностранные
языки и постановки на фильмъ, сохранены за авторомъ*

Copyright by author

Іоаннова Москва бѣлокаменная.

I.

ПОЖАРЪ ВЪ МОСКВѢ ВЪ 1581 ГОДУ

— Ай, батюшки!.. Горимъ!..

Съ трескомъ откинулось окно, забрунжало слюдою, и тревожный, душу раздирающій женскій крикъ понесся по ночной улицѣ.

— А-а-а-й!.. Спаси-ите!

Въ тѣсное узкое окно дѣвичьяго терема во второмъ ярусѣ бревенчатой избы съ натугой протиснулась перина въ красной кумачовой наволочкѣ и полетѣла на снѣгъ. За периной стала пролѣзать простоволосая женщина въ бѣлой сорочкѣ... Застряла въ окнѣ... Мукой исказились громадныя глаза. Она завизжала еще разъ протяжно: — «спасите»... и смолкла.

Разомъ въ окно метнулось широкими алыми языками пожарное пламя и женщина исчезла въ немъ. Надъ крышею повалилъ черный дымъ. Загудѣлъ огонь.

На сосѣдней церковной колокольнѣ забилъ набатный колоколъ. Зимнее небо подернулось розовымъ заревомъ, отражая пожаръ.

Москва горѣла.

Еще прошло нѣсколько мгновений. Улица оставалась пустой. Крѣпко спала древняя Москва. Не сразу услышали въ теплыхъ и душныхъ покояхъ мѣдныя зовы набата. Крики гибнущихъ на пожарѣ людей заглушены были воемъ пожарнаго пламени.

Но вотъ — то тутъ, то тамъ стали растворяться ворота. Испуганные, на спѣхъ одѣтые люди выбѣгали на улицу, выносили сундуки и увязки. Другіе съ ведрами въ рукахъ лѣзли на крыши, готовясь заливать летящія изъ костромъ пылающихъ домовъ красныя пожарныя «галки» — раскаленные головки.

Москва была деревянная. Бревенчатые срубы, тесовыя крыши, соломой крытые амбары, сѣно и солома на сѣновалахъ, деревянные смоленые частоколы, сосновыя бревна, — давали пищу пожару.

Загорѣлось въ торговыхъ рядахъ, близъ Яузы, въ мѣховой палатѣ купца Чашника.

Бороться съ огнемъ?.. Чѣмъ?.. Пожарныхъ насосовъ Иоаннова Москва не знала. Кто поближе къ пожару — спасалъ, что можетъ. Запрягали сани, грузили домашнюю рухлядь, выючили лошадей — уходили, куда глаза глядятъ. Подальше отъ огня.

Кого еще не настигло пламя, тотъ таскалъ ведрами воду, отстаивалъ что можно. Снѣгомъ забрасывали стѣны домовъ.

Тихая ночь наполнилась крикомъ и гамомъ людей. Ржали потревоженные лошади. Прискакали царскіе опричники, сгоняли народъ заливать огонь, топорами рубить и баграми раскидывать крыши.

Народъ стоялъ толпами въ улицахъ и смотрѣлъ, какъ утихало пламя въ одномъ мѣстѣ и вспыхивало въ другомъ, какъ черными остовами рисовались въ огнѣ дома и съ трескомъ рушились, посылая въ небо столбы пламени и тучи опасныхъ зловѣщихъ галокъ.

Плакали, причитая, женщины. Изъ церквей выходило духовенство и съ молебнымъ пѣніемъ обходило церковную ограду. Только Богъ могъ спасти отъ пожара.

При первыхъ звукахъ набата стрѣлецкій сотникъ Стефанъ Филипповичъ Исаковъ растворилъ настежь въ морозную ночь окно и высунулся по поясъ посмотреть, гдѣ горить.

Горѣло далеко на Яузѣ, за пять кварталовъ отъ него, за большимъ садомъ князя Серебрянаго. Исаковъ широко перекрестился, досталъ изъ кармана мѣдную расческу, расчесалъ волосы и бороду и крикнулъ слугѣ.

— Взбудите-ка Марью Тимофеевну, да Наталью Степановну. Пускай одѣваются... Мало-ли что? До грѣха не долго — и вся Москва запылаетъ. Да сбѣгайте за Селезнеевымъ, пусть придетъ...

Исаковъ надѣлъ теплую шубу и сѣлъ у окна наблюдать за пожаромъ. Зарево бросало розовые отсвѣты въ горницу, играло на окладахъ иконъ, на оружіи и оловянныхъ блюдахъ, висѣвшихъ по стѣнамъ.

Жена Исакова и дочь — дѣвочка четырнадцати лѣтъ — Наташа — кутаясь въ щубы, спустилась изъ терема. Стрѣлецкій жилецъ*) вошелъ въ избу и доложилъ о приходѣ Селезнеева.

— Войди, Василій Ярославичъ.

Старый дворянинъ вошелъ въ потертой шубѣ.

— Садись, Ярославичъ... Спать все одно не придется. Видишь, какъ пылаетъ, — сказалъ Исаковъ.

— А знаешь гдѣ? — хриплымъ со сна голосомъ сказалъ Селезнеевъ.

— Ну?.. Въ торговыхъ рядахъ подлѣ Китай-города.

— Во... во! У самыхъ у Чашниковъ! Вотъ оно гдѣ! На Яузѣ. Я шелъ — опричникъ Егоровъ съ пожара скакалъ, сказывалъ — всѣ погорѣли... Чашники-то!

Марья Тимофеевна тихо опустилаcь на колѣни передъ иконами. Дѣвочка горько заплакала.

— Не скули, Наташа... Можетъ, и живы, — сумрачно сказалъ дочери Исаковъ. — На все предѣлъ отъ Господа положенъ.

*) Конный стрѣлецъ, они набирались изъ дворянскихъ дѣтей Московскихъ.

— Пусть плачетъ, — обернулась отъ иконъ Марья Тимофеевна. — Счастливъ, кто, умиляясь душою, можетъ плакать и молиться... Сколько людей опять погибнетъ! А Чашники, чай, не чужіе люди, самъ знаешь!

— Лучшій другъ. Старый нашъ боевой соратникъ... Казанскій, — точно про себя, негромко сказалъ Исаковъ. — Да не вижу надежды, чтобы спаслись... Какъ пылаетъ Москва! Такое несчастливое видно уже выдалось царствованіе царю Ивану Васильевичу... А помнишь, Ярославичъ, страшный 7055-й годъ?*). Какая тогда ужасная была весна!.. 12 апрѣля сгорѣли лавки въ Китай-городѣ съ богатыми товарами, гостинные казенные дворы, Богоявленская обитель и множество домовъ отъ Ильинскихъ воротъ до Кремля и Москвы-рѣки. Высокая башня, гдѣ хранился порохъ, взлетѣла на воздухъ съ частью городской стѣны, упала въ рѣку и запрудила ее кирпичами.

— И теперь не мало погорить товара, — вздохнулъ Селезнеевъ. — Однихъ Чашниковъ взять — сколько мѣховъ погибнетъ!.. Драгоценныхъ!..

— А мнѣ все та весна поминается. Великіе тогда были пожары! 20-го апрѣля всѣ улицы, гдѣ жили гончары и кожевники обратились въ пепелъ. Помнишь?.. Уже не поджогли-ли то были, чтобы досадить молодому царю?.. 21-го іюня, около полудня, въ страшную бурю загорѣлось за Неглинною, на Арбатской улицѣ, у церкви Воздвиженія. Вспыхнули Кремль, Китай-городъ и Большой Посадъ. Вся Москва пылала. Отъ дыма было черно, какъ ночью. Я уже юношей былъ, — хорошо тѣ пожары помню. Деревянные зданія сгорали, какъ солома, каменные рушились, желѣзо рдѣло, какъ въ горнилѣ. Расплавленная мѣдь текла. Ревъ бури, трескъ пламени, вопль сгорающихъ людей временами заглушались взрывами пороха. Спасали только жизнь. Богатства гибли. Царскія палаты, казна, сокровища, оружіе, иконы, древнія хартіи, кни-

*) До Петра Великаго лѣтосчисленіе въ Россіи шло отъ сотворенія міра, которое считалось за 5508 лѣтъ до Рождества Христова. Такимъ образомъ 7055-й годъ соотвѣтствовалъ 1547-му году.

ги, даже мощи святыхъ истлѣли въ томъ ужасномъ огнѣ. Митрополитъ молился въ храмѣ Успенія. Онъ задыхался отъ дыма. Его силою вывели изъ храма и хотѣли на веревкѣ спустить съ тайника къ Москвѣ-рѣкѣ. Онъ упалъ, расшибся и едва живой былъ отвезенъ въ Новоспасскій монастырь. Изъ собора вынесли только образъ Маріи, писанный Св. Петромъ Митрополитомъ, и «Правила Церковныя», привезенныя Кипріаномъ изъ Константинополя. Владимірская икона Богоматери оставалась въ храмѣ. Но огонь, разрушивъ кровлю и паперти, не проникъ внутрь церкви. Отъ Арбата и Неглинной до Яузы и до конца Великой улицы, Варварской, Покровской, Мясницкой, Дмитровской и Тверской ничего не уцѣлѣло. Деревя садовъ обратились въ уголь, трава въ золу. Сгорѣло 1700 человекъ, не считая младенцевъ!

— Господи! — простонала у божницы Марья Тимофеевна, — буди милостивъ намъ грѣшнымъ!

— Оттого, Ярославичъ, какъ пожаръ въ Москвѣ, неспокойно мое сердце. Все тѣ времена мнѣ вспоминаются. Все вижу людей съ опаленными волосами, съ черными лицами, все слышу ихъ дикій звѣриный вой. Ходили они по пепелищамъ и не находили близкихъ...

— Нынче, — сказалъ Селезнеевъ, — зима. Все снѣгъ какую ни на есть препону огню положить.

— А Москва погорить?.. Сколько лишенныхъ крова людей замерзнуть!..

— Погорить и снова отстроится. Помнишь, — въ тоже лѣто стали отстраивать Кремлевскій дворецъ, богатые возстановляли свои хоромы.

— А о бѣдныхъ забыли! И отъ того — бунты и кровавыя казни! Помню, какъ въ толпѣ кричали царю, что Глинскіе*) жгли Москву. Мать ихъ, Анна, будто вынимала сердца изъ мертвыхъ, клала въ воду и кропила тою водою улицы, ѣздя по Москвѣ — и отъ того пожары! Какъ все было страшно тогда! Тридцать четыре года прошло съ той поры. Изъ

*) Родственники матери Іоанна IV — Елены Глинской, второй жены князя Василя Іоаннова, бывшей правительницей въ дѣтство Іоанново.

отрока сталъ я старикомъ — вотъ дочь невѣста растеть, а какъ услышу набатные зовы — не найду нигдѣ покоя.

— Молись! — сурово сказала Марья Тимофеевна, все не встававшая съ колѣнъ. — Молись за Чашниковъ! Ужели приняли они смерть въ губительномъ огнѣ?

Страшно было ея лицо, искаженное мукой. Изъ окна набѣгали на него красные, огневые отсвѣты. Отъ иконы, отъ затепленныхъ свѣчей лился мягкій, теплый свѣтъ и ложился на блѣдныя щеки и на потухшіе глаза. Рядомъ горько, неутѣшно плакала ея дочь. Дѣтскимъ сердцемъ любила она Ое-дю, сына Чашниковъ, и знала изъ рассказовъ нянь, что Ое-ддоръ Чашникъ, ея суженный — ея будущій женихъ.

Всю ночь полыхало зарево. Набатный звонъ гудѣлъ надъ Москвою. Всю ночь полны шума, крика и тревожныхъ вѣстей были улицы Москвы. Приходили вѣсти и въ домъ Исакова. — И первая была вѣсть: Чашники всѣ погорѣли!..

Къ утру огонь сталъ стихать. Остановленный садомъ князя Серебрянаго онъ еще вспыхивалъ то тутъ, то тамъ, на пепелищѣ, гдѣ дымились красные уголья пожарищъ.

Исаковъ съ Селезнеевымъ поѣхали въ саняхъ разыски- вать останки погорѣвшихъ Чашниковъ.

II.

ОЕДЯ И ВОСЯИ

Оедя.

Домъ Чашниковъ — цѣлая усадьба. Пять большихъ, бревенчатыхъ срубовъ стояли подъ одной высокой, старой, тесовой, крѣпко просмоленной кр-шей. Въ трехъ перед-

Восяи.

нихъ, выходившихъ на улицу были устроены лавки и склады мѣхового товара. Гаврила Чашникъ, когда-то удалой дворян-

скій сынъ Государева коннаго полка, славный соратникъ князя Андрея Курбскаго въ бояхъ подъ Казанью, уже лѣтъ двадцать какъ занимался скупкой сибирскихъ мѣховъ и торговлей ими въ Москвѣ. У него былъ единственный сынъ Ѳедоръ. Шелъ Ѳедору пятнадцатый годъ и Гаврила Леонтьевичъ приучалъ его къ своему торговому дѣлу. На Ѳедорѣ лежало наблюдение за самыми дорогими мѣхами, и обыкновенно онъ спалъ въ лавкѣ, гдѣ съ длинныхъ жердей, протянутыхъ подъ потолкомъ свисали нѣжныя шкурки серебристаго соболя, пушистыя, съ длинными хвостами шкуры черной лисицы, куньи мѣха, бѣлые горностаи съ черными кисточками на концѣ хвоста, котиковыя шкурки и другой товаръ. Здѣсь у Ѳеди, за оконнымъ ларемъ, запиравшимся на ночь тяжелыми желѣзными болтами въ боковушѣ была устроена постель, накрытая бараньимъ мѣхомъ. Въ боковушѣ крѣпко и терпко пахло мѣхами. Ѳедя привыкъ къ этому запаху. Сбоку, вверху было длинное узкое окно съ рамою, заклеенною прожированною бумагою. Окно выходило во дворъ, окруженный частоколомъ. Дверь изъ лавки вела въ дощатый проходъ, заваленный старыми ящиками, рогожами, стружками и разнымъ хламомъ, за проходомъ была двухъярусная изба со свѣтлицами его родителей. По другую сторону двери въ длинной и узкой избѣ помѣщались мѣховщики — татары Зыранъ, Мичкинъ и Качъ. Дворъ замыкался конюшнями. Надъ ними были устроены сѣновалы.

Въ эту ночь Ѳедя, какъ всегда послѣ ужина, помолился вмѣстѣ съ отцомъ и матерью, получилъ отъ нихъ благословение на ночь и со слюдянымъ фонаремъ обошелъ дворъ и лавки и осмотрѣлъ всѣ запоры. Черная мохнатая сибирская лайка провожала его, слѣдуя за нимъ шагъ за шагомъ.

Ѳедя по скрипящему подъ сапогами снѣгу подошелъ къ боковушѣ и открылъ дверь.

— Ну!.. спокойной ночи Восяй! — сказалъ онъ, ставя фонарь на землю. — Хорони насъ крѣпко!

Собака поднялась на заднія лапы, уперлась передними въ грудь Ѳеди и завиляла хвостомъ. Фонарь искорками отразился въ черныхъ умныхъ глазахъ, и Ѳедѣ показалось, что

Восяй этимъ взглядомъ не то спрашиваетъ у него что то, не то самъ ему что то говорить.

— Слушай, Восяй. Если недобрый челоѡѡкъ къ намъ заберется, а я твоего лая не услышу, прыгай въ окно, — показаль Ѳедя на узкое окно боковуши. — Ты вѣдь чуткій.

Восяй подняль глаза къ окну. Бѣлокъ показался внизу чернаго зрачка. Восяй посмотрѣль на бумажный переплетъ, потянулся, упираясь передними лапами въ Ѳедину грудь, вильнулъ хвостомъ, точно сказалъ:

— Ладно ужъ! Не учи. Самъ знаю, какъ поступить. Не маленькій. Третій годъ съ вами живу.

Ѳедя поняль Восяя.

— Ну да не мнѣ тебя учить, — сказалъ онъ. — Ну, прощай. Покойной ночи!

Восяй спрыгнуль на землю и стояль подлѣ Ѳеди. Онъ зналь, что еще не все кончено. Еще надо попрощаться, какъ слѣдуетъ.

— Ну... лапочку!

Восяй протянулъ правую лапу и Ѳедя пожалъ ее.

— Холодная какая!

Восяй прищурившись, — посмотрѣль на Ѳедю.

— Ну еще бы: — со снѣгу-то! Я вѣдь, Ѳедя, валенокъ не ношу, — какъ будто сказалъ онъ.

— Другую!

Ѳедя пожалъ поданную ему лѣвую лапу и, сѣвъ на корточки, прижался губами къ широкому лбу собаки. Нѣжна была короткая шерсть на лбу. Руками Ѳедя гладиль собаку по спинѣ и груди и чувствовалъ, какъ билось маленькое собачье сердце.

Ѳедя вздохнулъ и всталъ. Прямо въ глаза смотрѣла ему собака и такъ глубока и выразителенъ былъ ея взглядъ, что Ѳедя подумалъ: — «да собачья-ли у нея душа»? Онъ подхватилъ фонарь, отворилъ дверь и быстро шагнуль въ боковушу.

Крѣпко и горячо помолившись у иконы, за батюшку съ матушкой, за Исаковыхъ, за Селезнеева, за Мичкина, Кача и Зырана, православныхъ татаръ, и — мысленно, — не называя, — за Восяя, — Одея задулъ восковую свѣчу и улегся на бараными шкурами покрытую постель. Кожаную подушечку «думку» подложилъ подъ щеку.

Хорошо! Тепло и уютно.

Изъ наступившаго мрака синимъ прозрачнымъ пятномъ обрисовалось окно. Студеная январьская ночь стояла за нимъ.

Что то Восяй? Не холодно-ли ему въ конурѣ?

И сталъ вспоминать Восяя.

Слѣпымъ щенкомъ изъ далекой Сибири, изъ-за Каменнаго пояса — Уральскихъ горъ — привезли мѣховщики вогулы Оедѣ эту забавную игрушку. Оедя поилъ его молокомъ съ пальца и было нѣжно обжатіе маленькаго чернаго рта и щекоталь Оединъ палець крошечный розовый язычекъ.

Восяй пріоткрылъ глаза.

И какъ то весною, когда уже на дворѣ иглами изъ черной сырой земли стала пробиваться молодая зеленая травка и сладокъ былъ духъ вдругъ набухшихъ тополевыхъ почекъ, а солнце свѣтило по весеннему ярко, Восяй, лежавшій на колѣняхъ у Оеди вдругъ пріоткрылъ глаза. Огоньками заискрились они, отражая солнце. Восяй потянулся, прищурился, оглядѣлся, и черныя изюминки его остановились на добрыхъ сѣрыхъ Оединыхъ глазахъ. Восяй завизжалъ отъ охватившаго его восторга.

Надъ Москвою плыли звоны колоколовъ. Была Пасха.

И солнечный свѣтъ, и нѣжное весеннее тепло, и запахъ молодой травы и тополя, синева безконечнаго неба и эти плавные колыханія воздуха гдѣ то въ далекой вышинѣ — все это для Восяя слилось съ мягкимъ прикосновеніемъ Ое-

диныхъ рукъ, съ его сіяющими глазами и все было понято Восемь — по-своему. Все отъ него, отъ этого мальчика. И Одея сталъ для Восяя какъ бы богомъ!

Потомъ пошелъ быстрый собачій вѣкъ. За мѣсяцъ собака развивалась, какъ человѣкъ за годъ; — многое она поняла и переощѣнила, но первое впечатлѣніе осталось и вылилось въ безконечную любовь и собачью преданность Оедѣ.

Восяй не разставался съ Оедей. Куда Оедя, туда и онъ. Трудновато сначала давались маленькому неуклюжему пушистому щенку съ короткими еще лапами высокіе пороги Чашниковскаго дома. Едва переваливался онъ черезъ нихъ, а когда уже не было подъ силу, жалобно пищалъ, прося, чтобы его перебросили на ту сторону, за Оедей.

Щутя учился собачьимъ наукамъ и собачьему баловству. Скоро узналъ, кто свои, кто чужіе. Было забавно смотрѣть, какъ этотъ совсѣмъ маленькій, пушистый черный щенокъ, злобно ерошилъ шерсть и хрипло таякалъ, еще не умѣя лаять, на чужого, входившаго во дворъ.

Играя научился подавать лапку, носить поноску, приносить разныя вещи. Часами слушалъ, что говорятъ люди и понемногу узнавалъ мудренныя слова человѣческаго голоса. И зналъ ихъ уже не мало.

Къ двумъ годамъ научился по запаху различать мѣха и приносить изъ кладовой тотъ, который ему назовутъ. Скажутъ ему: — «Восяй, принеси лисицу!..» И Восяй кидался въ кладовую, если могъ, самъ доставалъ лисій мѣхъ, хваталъ осторожно зубами и несъ хозяину, виляя хвостомъ, съ улыбкой подъ бѣлыми острыми зубами. Покупатели, приходившіе въ лавку Чашника, всегда спрашивали:

— А что собачка ваша дома?

— Дома. Куда же ей дѣваться.

— А ну, покажите, какъ она мѣха выбираетъ.

Оедя звалъ со двора Восяя.

— А ну, Восяй, тащи намъ связку собольковъ.

Связки собольковъ висѣли высоко подъ потолкомъ, между другихъ шкурокъ.

Восяй подбѣгалъ къ нимъ, становился подъ ними и ла-

яль до тѣхъ поръ, пока Зырянъ, или Качъ, или Мичкинъ не доставали длиннымъ крюкомъ соболей и не давали торжествующему Восюю.

— А ну-ка, Восяй?! — бѣлку!

И черезъ минуту уже стоялъ Восяй, чуть держа, едва касаясь зубами, нѣжный сѣрый бѣличій мѣхъ. А покупатель, или самъ Гаврила Леонтьевичъ возьмутъ и пошутятъ:

— Что же ты, Восяй, обмишулился вѣдь. Тащишь бѣлку, а я тебѣ приказалъ лисицу.

Какой упрекъ тогда былъ въ глазахъ Восяя! Вылупить ихъ, станутъ они большими, бѣлки заиграютъ въ углахъ. Глядитъ то на Оедю, то на Гаврилу Леонтьевича и точно говорить:

— Зачѣмъ смѣтется надо мною? Я же отлично слышалъ, какъ вы сказали: — бѣл-ку! У васъ и ротъ оскалился трубочкой... я знаю. Лисица... Совсѣмъ другое у васъ: — лисица... Тогда ваша пасть въ — рас-тя-жку!..

И Оедя не выдержитъ. Бросится обнимать Восяя.

Все это вспомнилось въ эту холодную зимнюю ночь Оедѣ. Тихо было въ Москвѣ. Порывами подувалъ вѣтерокъ, напиралъ на бумагу окна, шелестѣлъ по ней снѣжинками, разгонялъ думы и воспоминанія. Тяжелѣла Оедина голова, крѣпче прижималась къ нагрѣвшейся кожѣ подушки. Стали неясны, обрывисты думы и крѣпкій сонъ точно унесъ Оедю въ какое то сладкое и отрадное небытіе.

III.

ВОСЯЙ УМНИЦА

Сквозь сонъ услыхалъ Оедя: — точно пушка ударила. Еще... и еще... Не открывалъ еще глазъ. Подумалъ, — когда послы англійскіе къ царю Іоанну Васильевичу пріѣзжали, палили изъ пушекъ съ Кремлевскихъ башень и вотъ такъ отдавалось о бумагу окна.

Понемногу прояснялась, отходила отъ сна голова. Какъ

же это ночью? Кто же придет ночью?.. А может быть?.. Не напали-ли татары на Москву? Одея вспомнил рассказы отца... Дѣдъ еще помнилъ, какъ до самой Москвы доходила татарская орда. Тогда прогоняли ее войскомъ!

Открылъ глаза и вскочилъ.

Въ розовомъ свѣтѣ было окно. Полыхалось тѣнями. Будто бы рано быть солнцу? Ужели онъ такъ проспалъ?

Черная тѣнь метнулась за окномъ. Съ силой ударила въ бумагу... Буммъ!.. Вотъ оно что! — пушки напомнило. Что же это такое?

За окномъ лаялъ, визжалъ и вылъ Восяй. Это онъ кидался на окно, стараясь пробить головою бумагу и вскочить къ Оедѣ въ боковушу.

Первая мысль Оеди была: — разбойники!.. Воры!.. Наскоро обувшись, накинувъ кафтанчикъ, подпоясавшись и засунувъ за поясъ ножъ — все это разомъ, въ одно мгновенье, не размышляя, Оедя раскрылъ окно и Восяй стремительно прынулъ въ него и ворвался въ боковушу.

За окномъ пылало небо и былъ пожаръ.

Оедя хотѣлъ открыть дверь въ проходъ, чтобы бѣжать въ родительскія горницы, но Восяй бросился на него, вцѣпился зубами въ руку и зарычалъ... Не пускаетъ.

— Да что ты, Восяй?! — крикнулъ Оедя. — Взбѣсился что-ли?

Онъ отшвырнулъ Восяя, но Восяй снова съ визгомъ и плачемъ бросился между Оедей и дверью.

— Восяй! Угроза была въ голосѣ Оеди.

Онъ не видѣлъ, какими страшными, умоляющими глазами посмотрѣла на него собака. Онъ откинулъ ее въ уголъ боковуши и быстро распахнулъ дверь.

Яркое пламя пылающихъ стружекъ и ѣдкій дымъ ворвались въ боковушу и сразу опалили волосы и лицо Оеди. Онъ зашатался. Огонь отрѣзалъ Оедѣ путь къ двери во дворъ. Задыхаясь отъ дыма, онъ готовъ былъ упасть. Восяй бросился къ Оедѣ, прикрылъ собою отъ огня, лизнулъ въ лицо, и эта ласка въ такой страшный мигъ вернула Оедѣ сознание.

Собака тянула его къ окну.

Өедя влѣзъ на постель, ухватился руками за подоконникъ и, протиснувшись въ узкое оконце, выпрыгнулъ на снѣгъ... Боковуша занялась огнемъ.

— Батюшка!.. Матушка!.. — крикнулъ Өедя.

Никто не отозвался. Кругомъ бушевало пламя. Конюшня, горницы родителей, изба, гдѣ жили татары были объ-
яты пожаромъ. Крыши обвалились. Изъ всѣхъ оконъ гудѣ-
ло пламя.

«Если они раньше меня не выскочили — всѣ сгорѣли», — холодною змѣйкой пробѣжала мысль. Отмякли и стали безсильны руки и ноги. Өедя оглянулся.

Путь былъ одинъ — черезъ частоколъ — въ переулокъ. Өедя перелѣзъ черезъ бревна, спрыгнулъ и, все позабывъ, въ животномъ ужасѣ, побѣжалъ по переулку. Онъ задыхался отъ дыма. Кругомъ горѣли дома. Было душно и жарко.

Пробѣжавъ шаговъ двѣсти, Өедя выбрался на болѣе спокойныя мѣста. Здѣсь стали попадаться ему такіе же обезумѣвшіе люди, съ черными отъ копоти лицами, съ опаленными волосами. Кто бѣжалъ едва одѣтый, кто тащилъ какой то ненужный хламъ, а самъ былъ безъ шапки.

Здѣсь тише былъ вой и ревъ пламени. Раздавались плачь, вопли и причитанія женщинъ, въ огнѣ потерявшихъ дѣтей.

У высокихъ березъ за дощатымъ заборомъ сада князя Серебрянаго стало совсѣмъ тихо и Өедя упалъ въ сугробъ, охлаждая снѣгомъ опаленное огнемъ лицо.

Безъ шубы и валенокъ, въ легкомъ кафтанчикѣ - одно-
рядкѣ*), въ простыхъ козловыхъ сапожкахъ, Өедя сталъ замерзать. Вся величина, вся ужасная правда вдругъ обрушившагося на него несчастья стала передъ нимъ и онъ, закрывъ лицо руками, заплакалъ первыми слезами.

— Батюшка!.. Матушка!.. гдѣ вы?..

Сердце мальчика сжималось отъ ужаса. Онъ слышалъ

*) Кафтанъ-однорядка — однобортная одежда, напоминающая кавказскій бешметъ, надѣваемый подъ черкеску.

гуль пожара, набать, крики и вопли людей и боялся открыть глаза, повернуться туда, точно боялся увидѣть во всей страшной грозности свое великое сиротское горе.

Вдругъ Ѳедя почувствовалъ такое знакомое прикосновеніе лапъ Восяя. Онѣ стали ему на спину. Жаркое дыханіе коснулось Ѳедина уха, языкъ полохнулъ по щекѣ. Ѳедя повернулся и открылъ глаза.

Отъ пожара было совсѣмъ свѣтло. Восяй, опаленный, съ посѣрѣвшей, скатавшейся въ шарики шерстью стоялъ противъ Ѳеди.

— Восяй?! — сказалъ Ѳедя... Какъ же ты?.. Черезъ чаштоколь?

Восяй легъ у ногъ Ѳеди и зализывалъ раны на брюхѣ.

— Поцарапался... Ободрался... Восяй?!.. Чуть не погибъ... Да вѣдь сироты мы съ тобою!.. Круглыя сироты!.. Нищіе! Все потеряли... Некуда намъ съ тобою головы преклонить...

Восяй поднялъ морду. Онъ посмотрѣлъ на небо въ кровавомъ заревѣ, потомъ въ глаза Ѳеди. Былъ строгъ и упоренъ взглядъ черныхъ собачьихъ глазъ.

Попомъ Восяй уперся передними лапами въ грудь Ѳеди, смотрѣлъ ему прямо въ глаза и ласково вилялъ обожженнымъ, въ лохмотьяхъ шерсти хвостомъ.

Точно говорилъ:

— Не бойся! Со мною не пропадешь!.. Я же остался... Я твой... Весь твой?!..

— Да такъ то такъ, Восяюшка!.. А только! — и Ѳедя съ рыданьемъ легъ въ снѣжный сугробъ.

IV.

НА ПОЖАРИЩѢ

Исаковъ съ Селезнеевымъ на широкихъ розвальняхъ, запряженныхъ крѣпкимъ, сытымъ, караковой масти бахма-

томъ*) раннимъ утромъ подъѣзжали къ пожарищу. Они не узнавали улицъ. Тамъ, гдѣ вчера была путаница тѣсныхъ улочекъ и переулковъ, гдѣ, прижавшись другъ къ другу, стояли одноярусные и двухъ-ярусные дома съ высокими чердаками, чередуясь съ длинными крѣпкими бревенчатыми заборами, гдѣ у лавокъ и кружалъ**) было всегда шумно отъ народа и снѣгъ былъ растоптанъ до самой деревянной мостовой — теперь были широкіе просторы курившіеся низкимъ и ѣдкимъ синеватымъ дымомъ. Кое-гдѣ каменные и кирпичныя основы показывали мѣста домовъ. Тутъ и тамъ валялись обгорѣлыя балки и пламя еще перебѣгало по нимъ. Высокія, почернѣвшія трубы, точно кладбищенскіе памятники торчали по пожарищу. Уцѣлѣвшая береза съ обуглившимся стволомъ и пожженными вѣтвями печально стояла на черномъ дворѣ. Подъ развалинами конюшенъ и коровниковъ виднѣлись обгорѣлые трупы животныхъ.

Груды черепковъ битой посуды, еще неостывшіе желѣзные обручи бочекъ, оковки сундуковъ, обода колесъ лежали кучами — печальные остатки людского богатства.

Сани тихо ползли то по песку, то по обломкамъ бревенчатой мостовой, проваливались въ неуспѣвшія замерзнуть лужи воды. Сильный бахмать съ трудомъ вытягивалъ ихъ изъ вязкой почвы. На сытомъ крупѣ морщилась мокрая шерсть. Дымною, жаркою гарью тянуло отовсюду. Пахло паленымъ волосомъ.

Люди пробирались по пожарищу. Длинными баграми растаскивали они свалившійся хламъ, искали останки дорогихъ людей, не сгорѣвшія вещи. Навстрѣчу Исакову попали сани. Въ наскоро сколоченныхъ гробахъ везли найденныя на пожарищѣ кости, — чьи неизвѣстно.

Два опричника проѣхали верхомъ. Одинъ былъ знакомый Селезнеева, и тотъ спросилъ, велики ли убытки?

*) Крѣпкая, широкая Русская лошадь. Типа легкаго битюга, невысокая ростомъ.

**) Кружала — кабаки.

— Сотни четыре людей погорѣло, — сказалъ опричникъ. — Вотъ они, каковы убытки.

Другой опричникъ поправилъ:

— Больше, за полъ тысячи будетъ. Эва! сколько домовъ выхватило! Не счесть... Да и ночью!..

— Чашники, не знаете, случайно, живы, или нѣтъ?

— Не знаю, не слыхалъ.

Другой, молодой, красивый, съ широкимъ, наглымъ, краснымъ отъ мороза лицомъ, сидѣвшій на горячей лошади съ высокимъ сѣдломъ, съ привязанными къ потнику собачьей головой и метлой*), обернулся къ Исакову и сказалъ:

— Это какіе Чашники-то?.. Что мѣхами торговали?

— Они самые.

— Всѣ какъ есть погорѣли. Съ нихъ и началось. Тамъ развѣ выскочишь? Мѣха, чай, селитрою смазаны. Люди говорили, что порохъ вспыхнуло. Товаръ сухой.

— Никто и не выскочилъ. Сколько народу тутъ жило-обитало, — сказалъ первый опричникъ, — а глядите сколько по пожарищу бродить, добро свое ищеть. Прогнѣвили, значить, Господа.

Они тронули храпящихъ, напуганныхъ дымомъ лошадей, а Исаковъ съ Селезнеевымъ поѣхали дальше.

У церкви Василья, обгорѣлой снаружи, съ порушеннымъ заборомъ церковнаго погоста медленно и печально звонилъ къ заупокойной обѣднѣ колоколъ. Туда свозили въ гробахъ и просто въ ящикахъ найденные на пожарищѣ останки людей.

Привязавъ лошадь къ каменному, еще теплomu столбу ограды, уцѣлѣвшему отъ пожара, Исаковъ съ Селезнеевымъ зашли въ церковь. Въ жаркомъ сумракѣ пахло гарью. Растерянный священникъ въ обожженной рясѣ и епитрахили давалъ указанія, какъ ставить гробы. Человѣкъ тридцать погорѣльцевъ съ темными обожженными лицами, плохо

*) Знакъ опричника: — вѣрны царю, какъ собаки и метутъ крамолу метлами.

Они увидели лежащего на сугробѣ чловѣка (стр. 23).

одѣтыхъ, стояли въ церкви. Женщины плакали. Исаковъ съ Селезнеевымъ обошли всѣхъ, спрашивая про Чашниковъ. Никто не слыхалъ, чтобы они остались живы.

— Развѣ кого угадаешь? — сказалъ старикъ съ темнымъ и скорбнымъ лицомъ, и глазами показалъ на гробы съ почернѣвшими костями. — Вотъ хоронимъ. А кого хоронимъ? Ихъ же имена Ты, Господи, вѣси.

Когда вышли изъ церкви на улицѣ валилъ снѣгъ.

Онъ падалъ на черную, раскаленную землю, гасилъ долѣвающія бревна. Отъ земли шло легкое шипѣніе и низкій, бѣлый паръ тянулся надъ нею, закрывая дали.

— Поѣхали домой, — сказалъ Исаковъ. — Свою панихиду надо заказывать. Уцѣлѣлъ Гаврила, Леонтьевичъ на Казанскомъ штурмѣ, а тутъ, какую страшную смерть принялъ.

— Ѳеодю мнѣ жалко, — жидкимъ теноркомъ жалобно сказалъ Селезнеевъ. — Славный мальчикъ былъ.

Они выѣхали съ пожарища и крупною рысью поѣхали по узкому переулку мимо ограды сада князя Серебрянаго. Садъ загибалъ налево, имъ надо было поворачивать направо, къ Яузѣ.

— Постой, — сказалъ Селезнеевъ, накладывая руку на длинный рукавъ охабня*) правившаго лошадей Исакова. — Никакъ... Восяй?

— Да что ты! — Исаковъ круто осадилъ лошадь.

Въ глубинѣ узкаго переулка, гдѣ съ обеихъ сторонъ были сады и серебрянымъ сводомъ свѣшивались сучья заиндевѣвшихъ, облипшихъ снѣгомъ деревьевъ, стояла, насторожившись, черная собака. Уши были подняты торчкомъ и она нерѣшительно виляла обгорѣлымъ хвостомъ.

— Восяй? — крикнулъ Исаковъ.

Собака бросилась къ нимъ и, маша хвостомъ, все оглядываясь, точно просила слѣдовать за ней.

— Какъ будто зоветъ, — сказалъ Селезнеевъ, — про-

*) Охабень — верхняя одежда съ длинными полами, высокимъ воротникомъ и длинными рукавами.

ѣдемъ за ней. Песъ-то чудной, не обыкновенный, можетъ, чего и начуялъ.

Исаковъ свернулъ въ переулокъ. Восяй съ радостнымъ, веселымъ лаемъ, прыгая къ самой мордѣ лошади бросился передъ ними. Они проѣхали шаговъ двѣсти и увидали лежащаго на сугробѣ человѣка, засыпаннаго снѣгомъ.

— Стой, Степанъ! Да вѣдь это Ѳедоръ, — крикнулъ Селезнеевъ и выскочилъ изъ саней?

Ѳедя спалъ полуобморочнымъ сномъ на снѣжномъ сугробѣ. Блѣдное лицо еще хранило слѣды копоты, и обгорѣлыя брови и рѣсницы придавали ему чуждый, болѣзненный видъ.

Исаковъ едва могъ растолкать его.

Увидавъ друзей своего отца, Ѳедя заплакалъ.

— Все погибло, — всхлипывая, говорилъ онъ. — Некуда мнѣ, сиротѣ, голову преклонить.

— Свѣтъ, другъ мой Ѳедя, — сказалъ, усаживая его въ сани, Исаковъ, — не безъ добрыхъ людей. Да и ты намъ не чужой. Поѣдемъ къ намъ. Помолимся за въ огнѣ погибшихъ, а тамъ — Господь укажетъ, что тебѣ дѣлать. Благодарю Господа, что направилъ къ намъ твоего пса и скоро тебя нашли. А то, не погорѣвъ на пожарѣ, ты бы замерзъ на морозѣ.

V.

ВОСПОМИНАНІЯ

Сорокъ дней прошли въ слезахъ и молитвѣ. По утрамъ отправлялись Исаковъ съ Марьей Тимофеевной и Ѳедей къ ранней обѣднѣ, выстаивали ее, служили заказную панихиду, а потомъ возвращались домой. Каждый садился за свое дѣло, а Ѳедя подсоблялъ Марьѣ Тимофеевнѣ по хозяйству, или ходилъ съ Исаковымъ по двору, на конюшни, помогалъ сѣдлать, запрягать. Иногда Исаковъ приказывалъ и ему посѣдлать коня и ѣздилъ съ нимъ по Москвѣ, по жилецкимъ избамъ, осматривая все ли въ порядкѣ въ его конной сотнѣ.

По вечерамъ приходилъ къ Исакову Селезнеевъ. Марья Тимофеевна поднималась на верхъ въ теремъ, гдѣ у Наташи собирались сѣнныя дѣвушки, а Исаковъ съ Селезнеевымъ садились въ горницѣ за дубовымъ столомъ. Слуга приносилъ свѣчу въ мѣдномъ шандалѣ, доставалъ кувшинъ пѣнной браги и оловянные чары. Ѳедя садился въ углу,

Исаковъ съ Селезнеевымъ.

подъ окномъ на лавкѣ. Въ горницѣ была полутьма. Освѣщены были только лица старыхъ сотниковъ. Серебромъ отливали сѣдые виски Исакова, свѣтилась розовая лысина Селезнеева. Сначала было тихо въ избѣ. За большою печью въ цвѣтныхъ, зеленыхъ съ розами изразцахъ трещалъ сверчокъ. Сверху чуть доносилось визгливое протяжное пѣніе дѣвушекъ въ терему. На улицѣ потрескивалъ февральскій морозъ.

Вдругъ скажетъ Селезнеевъ: — «а помнишь?» и подмигнетъ — Ѳедѣ-то съ темноты все видно — Исакову. А Исаковъ уже понялъ, о чемъ думалъ Селезнеевъ и скажетъ.

— А Расскажи-ка, Ярославичъ, какъ Казань брали.

Селезнеевъ закиваетъ лысой головой, удивительно напоминающей Ѳедѣ молодую рѣпу, и заговорить своимъ дребезжающимъ теноркомъ:

— Охъ не рѣчисть я, куда не рѣчисть, Степанъ. Гдѣ мнѣ рассказывать!

И разсмѣется ребячески чистой усмѣшкой. Всплеснетъ черными, загорѣлыми руками и вскрикнетъ, срываясь на визгъ.

— Подъ Арскомъ! Добычи! Добычи-то!.. Князя Романа Михалыча ранили... Въ ножкахъ то стрѣлы... Конь въ кро-

ви... Ровно бѣшенный!.. Въ тоже лѣто и померъ волею Божію князь Романъ Михалычъ отъ столькихъ то ранъ!..

Дрожащей рукой нальетъ изъ кувшина въ чарку брагу. Стучить горлышкомъ по оловянному краю. Пѣна течетъ на дубовый столъ.

Любопытство Ѳеди задѣто. Онъ встаетъ и несмѣло дѣлаетъ изъ своего угла два шага къ Исакову.

— Степанъ Филипповичъ, — говорилъ онъ и голосъ его ломается, — дозвожь мнѣ слово молвить.

— Ну? — хмуритъ Исаковъ сѣдья брови. Нельзя молодому, отроку еще, въ бесѣду старыхъ мужей мѣшаться.

— Ну? — потворяетъ онъ строго. Но Ѳедя видитъ, что сѣрые глаза его вовсе не строги и лучами расходятся маленькія морщинки отъ ихъ угловъ. Значитъ, улыбнется сейчасъ Исаковъ. А Селезнеевъ заливается, смѣется добрымъ ласковымъ смѣхомъ. Онъ знаетъ, что попроситъ сейчасъ Ѳедю. Разсказать про Казань! — Онъ и самъ того хочетъ. И знаетъ онъ, что для Исакова нѣтъ лучше бесѣды, какъ вспоминать про казанскія побѣды.

— Степанъ Филипповичъ, не вели казнить, дозвожь слово молвить... Разскажи мнѣ, сиротѣ неученому, какъ Казань городъ брали.

Исаковъ не глядитъ на Ѳедю. Онъ смотритъ на Селезнеева. Уже распустились морщинки. Все лицо въ свѣтлой улыбкѣ.

— Ярославичъ! Ярославичъ! — говоритъ онъ. — А вѣдь такіе, какъ онъ, молодые мы были... И царь, и князь Андрей Михалычъ Курбскій, и братъ его Романъ Михалычъ — со-всѣмъ отрокъ... и Ермакъ — помнишь... Все — кому двадцать четыре, кому двадцать пять сравнялось... Роману Михалычу и всего то восемнадцать. — Такимъ то, Степанъ, и дѣла дѣлать! Намъ, старикамъ, — печь да завалинка! Намъ то съ тобой и по двадцати тогда не сравнялось.

— Что говорить! — одушевленно сказалъ Исаковъ, — молодежь!.. Пылъ!.. Какъ крикнемъ: — Москва! да, освободя повода, устремимъ коней во весь духъ, — бѣжить та-

тарва!!!.. Ну слушай?! Богъ съ тобой! расскажу ужъ, какой царь тогда былъ!.. Какія побѣды!..

— Да стаканчикъ ему, сиротѣ, налей, Степанъ. Можно, засуетился Селезнеевъ. — Пусть мозги прояснитъ, почувствуетъ, что и какъ было. Охъ, не рѣчистъ я, не рѣчистъ, а то бы и самъ уклеилъ, что, гдѣ, какъ, почему и по чемъ!.. Ну сказывай, Степанъ... А мы слушаемъ... Уши развѣсимъ.

Обнявъ за станъ Федю онъ притянулъ его къ себѣ и усадилъ рядомъ на лавку.

VI.

«ПРЕДАНЬЯ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ»

— Казань у Москвы, что болячка на носу, — началъ рассказъ Исаковъ. — Запирала она намъ Волгу. Некуда было кораблямъ нашимъ податься. Стерегла насъ Казань... Да мало того, что стерегла, вѣчною угрозою стояла, мѣшала бороться съ Перекопскимъ ханомъ, тревожила Рязанцевъ, держала въ страхѣ Москву. И надо было ту Казань взять!.. А какъ возьмешь?.. Крѣпость!.. Царь поставилъ на пути къ Казани городъ Свияжскъ и тамъ заготовилъ рать и большіе военные запасы, а въ двѣнадцатый мѣсяцъ — «заревъ» *) съ большою ратью подошелъ къ Волгѣ. Три дня мы стояли на Волгѣ, собирали суда, вязали плоты, готовились къ переправѣ, а на четвертый день, — Господи благослови, — стали переправляться. Въ лѣсныхъ дубровахъ на лѣвомъ берегу Волги сталъ раскидываться нашъ станъ. Сто пятьдесятъ тысячъ насъ было — конныхъ и пѣшихъ! Небывалая сила!!

Яртаулъ — передовой полкъ съ двумя воеводами — князьями Юріемъ Пронскимъ и Федоромъ Львовымъ, — тоже юношами пылкими, пошелъ берегомъ рѣки къ Казани.

*) Это было въ августъ 1552 года. Съ XV вѣка годъ начинался съ 1-го сентября — и августъ, по тогдашнему — заревъ — былъ двѣнадцатымъ мѣсяцемъ.

Не легкоъ былъ путь. Много ручьевъ и рѣчекъ впадаетъ здѣсь въ Волгу. Мосты и гати, которые тутъ были, всѣ были повреждены казанцами и нашему Яртаулу пришлось мостить и гатить ихъ заново. Три дня шли походомъ и на четвертый вышли изъ лѣсовъ и вотъ они! — открылись передъ нами великіе и пространные, и гладкіе, зѣло веселые луга и по нимъ бѣжитъ рѣчка Казанка. Господи! Красота несказанная! Осеннимъ, яркимъ послѣднимъ цвѣтомъ цвѣли луга. Трава по колѣно коню. Метелками машетъ, сладкимъ духомъ въ лицо пышетъ — и умирать не велитъ! Дыши — наслаждайся!!.. А мы молоды, — всѣ объ одномъ думаемъ — услужить царю, разбить басурманъ, подарить побѣдою Москву - Матушку!.. И передъ нами Казань! Крѣпкое мѣсто... Съ восхода Казань рѣка, съ заката тинистый, глубокий, непроходимый вязкій протокъ Булакъ, вытекающій изъ немалаго озера Кабана и надъ всѣмъ этимъ за высокими бревенчатыми стѣнами на горѣ, бѣлый, каменный городъ съ высокими башнями и съ тонкими стройными минаретами мечетей! Красота, Ѳеда! На зеленомъ лугу горитъ, сверкаетъ на горѣ городъ, — блистаютъ острія и полулунія на мечетяхъ — и манитъ обманною тишиною. Ибо знали мы, что тамъ схоронилось все войско татарское.

— Князю Андрею Михайловичу было поручено устроить правый Рогъ — и было у него, молодого, подъ начальствомъ двѣнадцать тысячъ пѣшихъ стрѣльцовъ и шесть тысячъ казаковъ. Наше крыло должно было переѣхать черезъ Казань рѣку и стать отъ Казани-рѣчки до моста на Галицкой дорогѣ. Досталось намъ, Ѳедоръ, ровное, болотистое мѣсто и надо намъ было всячески оберегаться отъ огневой пальбы со стѣнъ города. Понарыли и понасыпали мы кругомъ Казани до полутораэта большихъ и малыхъ шанцевъ и укрылись ими отъ пушечной стрѣльбы и отъ стрѣль, пускаемыхъ изъ луковъ.

— Такъ пошли дни и недѣли. Дня, Ѳеда, не проходило, чтобы не беспокоили насъ татары. Много погибло уже нашихъ храбрыхъ воиновъ, много полегло и коней нашихъ, которыхъ убивали татары всякій разъ, какъ ходили ротми-

стры*) наши на развѣдку, или ѣздили за травою для корма лошадямъ. Стали и мы въ ту пору тощать. Затянулась осада Казанская. И пошли въ тѣ поры дожди. Пухнуть стали болота, и отъ сырости болотной стала у людей хворь. И какъ примѣтили татары, что мы отъ тѣхъ дождей терпимъ лютое горе — стали колдовствомъ напускать на насъ дожди.

Исаковъ вздохнулъ, истово перекрестился на темную икону, гдѣ малиновымъ огонькомъ въ веницейскомъ стеклѣ чуть билось пламя лампы, и продолжалъ.

— Прости мнѣ Господи, что поминаю этакую пакость! Да вѣдь, говорится: — изъ пѣсни слова не выкинешь, что было — то было. Сразились ангельскія силы съ силами бѣсовскими и побѣдилъ Честной Животворящій Крестъ! Какъ только зажелтѣетъ небо на востокѣ, за лѣсомъ, предвѣщая восходъ, — стѣны города наполнялись татарскими мужами и бабами и начинали они кричать сатанинскія слова, махать на наше войско своими одеждами, дико и страшно вертѣться.. И тогда вдругъ поднимается прохладный и влажный вѣтеръ, и хотя бы день начинался ясный и солнечный, нагонитъ тотъ вѣтеръ облака, затянетъ, заслонитъ небо темными тучами и польетъ такой дождь, что и сухія мѣста обратятся въ болота, а низины наполнятся водою. И дождь идетъ только надъ нашимъ войскомъ, а кругомъ, вдали видать свѣтлое небо и нѣту дождя. Тогда бывшіе при царѣ священникъ, протопресвитеръ Новгородскій Сильвестръ и мужъ добрый Алексѣй Адашевъ присовѣтовали царю послать въ Москву и привезти Крестъ съ частицею Древа Креста Господня. Тотъ Крестъ всегда хранился при царскомъ вѣнцѣ. И сбѣгано, за Божьею помощію, зѣло скоро. Водою шли до Новгорода Нижняго три дня на Вятскихъ быстроходныхъ корабляхъ, а отъ Новгорода до Москвы погнали лошадьми. И двухъ недѣль не прошло, — вотъ онъ, — привезли къ Государеву стану крестъ чудотворный. И тогда всѣ пресвите-

*) Стрѣлецкія головы. Исаковъ, соратникъ Курбскаго, называетъ ихъ такъ же, какъ и Курбскій нѣмецкимъ именемъ — ротмистровъ, взятымъ имъ изъ Польши.

ры соборнѣ отслужили при походной церкви литургію, отпѣли молебенъ, освятили тѣмъ крестомъ воду. Войска были построены кругомъ Казанскихъ стѣнъ... Ахъ Ѳеодоръ! Ѳеодоръ! Надо было видѣть красоту тогдашняго воинства нашего. Конница на крѣпкихъ бахматахъ въ сіяніи панцирей и бахтерцовъ, въ шапкахъ съ золотыми шишаками, Государевъ полкъ на стройныхъ легкихъ аргамакахъ *) съ саблями на-голо, союзные намъ Черемисы въ алыхъ халатахъ на крѣпкихъ татарскихъ коняхъ, стрѣльцы съ лучнымъ боемъ, ружейники съ огневымъ боемъ, копейщики съ копьями и съ круглыми стальными щитами въ броняхъ изъ цѣпочекъ — все горитъ на осеннемъ солнцѣ, блистаетъ, играетъ разноцвѣтными красками, что цвѣтами весенній лугъ. И мимо нихъ, кропя ихъ святою водою и кропя въ направлении стѣнъ Казанскихъ, медленно шествуетъ духовенство и царь со всѣмъ синклитомъ воинскимъ. Въ воздухѣ, Ѳедея, тишина. Съ голубизны небесной паутинка осенняя плыветъ. Тихо колышутся тяжелыя хоругви золототканья и пестрые наши стяги. Къ небу несется согласное пѣніе. И съ того нашего моленного часа исчезли, пропали безъ вѣсти ихъ чары поганскія!..

Селезнеевъ, напряженно слушавшій Исакова (а уже который разъ онъ слушалъ этотъ разсказъ и все съ новымъ и полнымъ вниманіемъ) тяжело вздохнулъ и прошепталъ:

— Побѣдили Христось и Божія Матерь тѣ силы бѣсовскія...

Исаковъ разгладилъ сѣдѣющую бороду и сказалъ съ разстановкой:

— Вотъ тогда бы тебѣ, Ѳедея, быть съ нашими преславными воинами, въ несказанно счастливый день Казанской побѣды.

И замолчалъ. Въ горницѣ стало тихо и чуть доносился ѣе со второго яруса тонкій чистый дѣвичій голосокъ. Глѣла тамъ пѣсню дочь Исакова.

*) Лошади восточныхъ породъ — кавказскія, персидскія, турецкія и арабскія.

Өедоръ, въ разсказахъ стараго жилецкаго головы за-
бывшій о своемъ сиротскомъ горѣ, тихо спросилъ:

— А какъ же взяли Казань, Стефанъ Филипповичъ?

VII.

ЕРМОЛАЙ ТИМОФЕЕВИЧЪ — ПО ПРОЗВАНІЮ ЕРМАКЪ

Ермолай Тимофеевичъ.

Точно отъ охватившей его дре-
мы съ чудесными снами о быломъ,
очнулся Исаковъ и продолжалъ:

— Съ того молебна пошли у
насъ дѣла. Будто Крестъ Животво-
рящій съ частицею спасеннаго дре-
ва, на немъ же Господь Иисусъ Хри-
стосъ плотію страдалъ за человѣ-
ки — принесъ намъ мудрый совѣтъ.
Царь приказалъ князю Александру
Суздальскому и воеводѣ князю Се-
мену Микулинскому изъ Тверскихъ
князей собрать войско и ударить на
татарскую засѣку, что была къ во-
стоку отъ Казани, проломить ее и идти къ Арскому городу.
Два часа бились наши, то поражая непріятеля ружейнымъ
огнемъ, то кидаясь въ рукопашную схватку. Но это пусть
разскажетъ тебѣ Василій Ярославовичъ, онъ ходилъ тогда
со своимъ полкомъ въ Арскъ.

У Селезнеева на полномъ лицѣ заблестали огнемъ удо-
вольствія маленькіе медвѣжьи глазки. Онъ пріосанился, вы-
прямился и откашлялся.

— Охъ, не рѣчиствъ я, не рѣчиствъ, Степанъ! Гдѣ мнѣ за-
тобою угоняться. Краснолѣвецъ ты настоящій. Я что... Ко-
ротенько развѣ, какъ суть да дѣло было... Пока на засѣкѣ
были татары — то и дрались... А какъ сбили ихъ оттуда —
такъ потекли — на конѣ не угонишь. Ну... Подошли мы, зна-
чить къ Арскому городку... А онъ пусть... И тамъ ханскіе

дворы и села татарскія преизобильныя и богатя. Чего-чего тамъ мы не забрали! А войдешь, Одея, въ избу: — духъ тамъ особый. Ладаномъ пахнетъ, водою розовою, чисто, по бѣлымъ, гладко струганнымъ лавкамъ платы пестрые, золотомъ шитые висятъ, а по ларямъ въ закромахъ чего-чего не напхано. И изюмъ, и сушеный персикъ, и груши и яблоки, и фисташки и ото всего сладкій духъ ванилевый. Хлѣбовъ же всякихъ забрали мы тамъ множество, и скотины много, и мѣховъ кунныхъ и бѣличьихъ и медовъ, и пряниковъ сладкихъ! Ей-ей! Во истину удивленія достойно какой то богатый край. Поправилось войско наше. Ну продолжай, Степанъ Филипповичъ... Мой зарядъ вышелъ.

— Да поправилось съ той добычи царское войско, — сказалъ Исаковъ. — А вотъ уже и Октоврій — Листопадъ подходитъ. Живи, братъ, съ оглядкой. Пошли холодные утренники. Потемнѣлъ, побурѣлъ, оголился Арскій лѣсъ. Татарамъ то въ домахъ хорошо. Видно, какъ по утрамъ у нихъ столбами изъ трубъ валить бѣлый дымъ, а намъ въ холщевыхъ шатрахъ люто приходится. Вотъ въ ту пору и рѣшено было повести подкопъ подъ стѣны Казанскія и взорвать самую большую ихъ башню. Заготовили пушкарѣ 48 бочекъ, пудовыхъ, пороха.

— Стоялъ я тогда въ одномъ шатрѣ съ княземъ Курбскимъ. Былъ у насъ совѣтъ, какъ лучше устроить подкопъ. Въ шатрѣ на столѣ былъ разложенъ чертежъ Казанской крѣпости и были собраны всѣ полковые воеводы. Вдругъ въ шатеръ просунулась голова сторожевого жильца, и къ князю: — «Князь, тебя атаманъ казачій видѣть желаетъ». — «Проси», — сказалъ князь. Вошелъ Ермакъ. Былъ онъ тогда, Одея, какъ ты моложавый. Роста средняго, коренастый, крѣпкій. Пухлыя алыя губы, черные большіе глаза. Скинулъ шапку, въ поясъ поклонился.

— На добромъ совѣтѣ!

— Садись, атаманъ. Что присовѣтуешь? — ласково сказалъ ему Курбскій и указалъ мѣсто на лавкѣ.

— Слыхалъ я, князь, — началъ Ермакъ. Говорилъ онъ негромко, но какъ то голосъ его весь шатеръ наполнилъ. —

Слыхалъ я, что ты, князь, сорокъ восемь пудовъ пороха заготовилъ и тѣмъ порохомъ хочешь стѣны Казанскія и башню взорвать?

И усмѣхнулся.

— Такъ что-же? — сказалъ князь. — Мало что-ли по твоему?

— Ты, князь, тѣмъ порохомъ только развѣ мало-мало тряхнешь стѣны... Только шума надѣлаешь. Татарокъ въ теремахъ переполошишь.

— Да, что ты, атаманъ!

— Вѣрное мое слово... Я еще отъ отца, да отъ дѣда слыхалъ... Имъ-ли не знать! Къ Трапезонту, да подъ самый градъ Константинополь ходили... Воинское дѣло знали хорошо.

Ермакъ замолчалъ. И мы какъ то примолкли. Нарушилъ вѣру въ наши силы атаманъ. Внесъ пагубное сомнѣніе въ сердца.

Ермакъ точно въ мысляхъ нашихъ прочелъ.

— Ты вотъ что князь... Ты такъ подкопъ подведи, чтобы тѣ бочки съ порохомъ, подъ ихъ пороховую казну поставить. Тогда взорвется нашъ порохъ и отъ того огня подорветъ всѣ ихъ запасы. Вотъ тогда будетъ дѣло. Царицы Сумбеки башня наибольшая, гляди, какъ бы и та не свалилась.

— А почему же мы узнаемъ, гдѣ пороховая казна у нихъ хоронится?

— Обожди три дня — скажу.

— Дождаться, правду сказать, — намъ не хотѣлось, а сомнѣніе таки зародилось. А кто усумнится въ побѣдѣ — тотъ уже не побѣдитъ. Рѣшили мы на совѣтѣ подождать, что скажетъ черезъ три дня атаманъ. Какъ то сумѣлъ онъ намъ внушить въ себя вѣру. Ну да и то: — мы молоды — и онъ молодой — и во всѣхъ насъ была такая дружеская вѣра другъ въ друга.

— Вотъ, значитъ, и прошли эти три дня. Вечерѣло. По станамъ зажигали костры. Засвѣтили свѣчи по шатрамъ и стали они просвѣчивать. Я сидѣлъ у князя Андрея Михай-

ловича. Вдругъ шумъ у шатра. Толпа казаковъ ведетъ какихъ то двухъ оборванцевъ, старыхъ, нищихъ татаръ. Есаулъ, подошелъ къ князю и говорить:

— Князь, изъ Казани перебѣжало два старыхъ татарина. Желаютъ непременно тебя видѣть.

Казаки раступились. Изъ ихъ толпы вышли татары. Они сложили руки, приложили ладонь ко лбу, потомъ къ сердцу — значить — худого не бойся — что въ мысляхъ, то и на сердце и преклонили колѣни.

— Ассала - малейкумъ ! — Сѣдые усы свѣсились внизъ къ угламъ губъ. Сѣдая жидкая бороденка, желтый, морщинистый, грязный лобъ. Едва ли не прокаженный.

— Я схватилъ князя за руку.

Едва-ли не прокаженный.

— Князь, — говорю ему, — не пускай его въ свой шатеръ. Мало-ли что нанесетъ тебѣ — проказу, чуму? Развѣ не бывало такихъ случаевъ?

— Пустое, — говоритъ князь. — Волковъ бояться въ лѣсъ не ходить. — Малейкумъ-ассала, — и махнулъ рукою татарину, чтобы тотъ слѣдовалъ за нимъ.

— Вошли мы въ шатеръ. Татаринъ задернулъ полу шатра, провелъ руками по лицу... И — навожденіе! Борода, усы въ рукахъ остались. Вынулъ изъ-за пазухи полотенце, обтеръ лицо: — передъ нами Ермакъ. Въ углахъ рта дрожитъ заборная, гордая ухмылка.

— Ермакъ!

— Я, князь!

— Да, какъ же ты?..

— Три дня, князь, нищимъ татаринѣмъ ходилъ по Казани. Все узналъ.

Ермакъ подошелъ къ столу, раскинулъ чертежъ, пододвинулъ ставцы со свѣчами и долго разсматривалъ, изучая,

чертежъ. Потомъ протянулъ толстый короткій, почернѣлый палецъ и показалъ: — «вотъ здѣсь у нихъ хранилище пороховой казны. Сюда и надо довести подкопъ». А, когда будетъ у васъ все готово, зажги двѣ ровныхъ свѣчи воску яраго и одну поставь у себя въ шатрѣ, съ другою пошли въ подкопъ. Пусть поставятъ ту свѣчу въ бочку съ порохомъ. Какъ догоритъ свѣча у тебя въ шатрѣ, такъ догоритъ и свѣча въ подкопѣ и упадетъ пламя фитиля на порохъ. И взлетятъ и стѣны Казанскія и та, самая большая ихъ башня... Тогда, съ Богомъ! На приступъ!»

Вотъ онъ какой былъ Ермакъ!

Одея, съ волненіемъ слушавшій рассказъ Исакова, схватился за голову, вскочилъ со скамьи, прошелся по горницѣ и, ставъ противъ Исакова, задыхаясь выкрикнулъ:

— Дальше?.. Дальше то какъ!?.. Ахъ!.. Ермакъ!... Ермакъ!..

VIII.

ШТУРМЪ КАЗАНИ

— Покровъ не лѣто, а Срѣтенье не зима, — продолжалъ свой рассказъ Исаковъ. — Ночь на Покровъ была холодная и ясная. Звѣзды по небу легли сіяющимъ узоромъ. Большой Котель *) опрокинулся прямо надъ нами, разстелились волосы Богородицы *) и играли тихимъ блескомъ. За два часа до свѣта пѣшее войско выступило для штурма. Стрѣльцы и лучники несли лѣстницы, крючья и веревки, чтобы лѣзть на стѣны. Князь Андрей Михайловичъ Курбскій съ 12-ю тысячами коннаго войска, въ старинныхъ, дѣдовскихъ доспѣхахъ, пошелъ вверхъ по рѣкѣ Казанкѣ, чтобы оттуда кинуться въ проломъ. Передъ самымъ солнечнымъ восходомъ, або мало что уже начало солнце являться — какъ бы громъ загремѣлъ надъ Казанью. Къ ясному небу

*) Созвѣздіе Большой Медвѣдицы, Волосами Богородицы наши предки называли Млечный Путь.

высоко метнуло жолтое пламя, клубами поднялся бѣлый пороховой дымъ и на нѣсколько времени закрылъ собою городъ. Тогда ударили въ большіе и малые литавры, затрубили въ трубы и бросились Іоанновы войска на приступъ. Татары такъ растерялись, что пока наши подходили къ стѣнамъ и къ пролому не было дано ни одного выстрѣла и не было въ насъ пущено ни одной стрѣлы. Но какъ только подошли мы къ стѣнамъ и пролому, то такая туча стрѣлъ понеслась въ насъ, какъ будто бы полилъ частый дождь. Вмѣстѣ со стрѣлами полетѣлъ въ воиновъ градъ камней. Казалось камни затмили самое небо. Свѣта Божьяго не стало видно. Когда же начали мы съ большими потерями лѣзть на стѣны — татары лили кипящую смолу и бросали со стѣнъ бревна. Богъ помогалъ намъ. Онъ даровалъ намъ храбрость, крѣпость и запамятованіе смерти... Полъчаса шелъ бой подъ стѣнами. Ружейнымъ огнемъ и стрѣлами мы отбили татаръ отъ бойницъ. Наши пушки громили въ это же время татаръ изъ шанцевъ. Мы подставили къ башнѣ лѣстницы и первымъ полѣзъ молодой князь Романъ Михайловичъ Курбскій, за нимъ бросились стрѣльцы... Басурманы не выдержали нашего натиска и побѣжали на гору, къ каменному ханскому дворцу.

За первой дружиной Романа Михайловича пошли въ городъ всѣ тѣ, кто оставался еще за шанцами. Кашевары и коноводы, бывшіе при лошадяхъ и частные люди, торговцы, — все бросилось не ратнаго ради дѣла, но ради корысти и грабежа. Какъ ворвались мы въ городъ — сразу попали въ торговые ряды, къ богатымъ купцамъ. Золотые кубки и чаши, золотыми узорными бляхами украшенные конскіе уборы, арчаки въ золотѣ и самоцвѣтныхъ камняхъ, въ голубой бирюзѣ, въ прозрачномъ халкедонѣ и темномъ агатѣ, женскіе уборы, шелка разноцвѣтные, цѣлыя связки темныхъ пушистыхъ собольихъ шкуръ — метнулись намъ въ глаза. Мы бѣжали съ княземъ Курбскимъ мимо всего этого, мы гнали по тѣснымъ улицамъ басурманъ, ни о чемъ другомъ не помышляя, какъ о побѣдѣ, но, то тутъ, то тамъ вбѣгали воины въ лавки, трещали деревянные ставни, раскрывались

окна и падали на землю короба, а изъ нихъ сыпались драгоценности. Кто сказалъ въ обозы и коноводамъ объ этомъ богатствѣ? — Надо быть — вѣстники, посланные къ царю, — крикнули о томъ, какія несмѣтныя богатства дала намъ Казань. Все больше и больше пришло, безоружнаго народа наполняло улицы и набирало полныя полы кафтановъ вещей и бѣжало обратно. И по два и по три раза продѣлывали такъ, пока мы бились съ татарами. Татарскій царь укрѣпился за Тезицкимъ рвомъ, гдѣ очень было трудно его одолѣть. И уже два часа мы бились, и все слышали сзади шумъ, крики и споры грабителей. Многіе наши воины начали покидать ряды и идти назадъ. Татары, увидавъ, что насъ, бойцовъ осталось мало, съ неистовымъ крикомъ бросились на насъ, потѣснили и ворвались въ тѣ улицы, гдѣ были наши «корыстовники». Они побѣжали въ разсыпную, бросая добычу.

— Сѣкутъ!.. Сѣкутъ!.. — кричали они и вносили повсюду смятеніе.

Я былъ недалеко отъ стѣны Казанской, у самыхъ воротъ, нами настѣжъ растворенныхъ, и влѣво отъ меня, за проломомъ видны были Казанскіе луга. И вдругъ въ сумятицу боя, въ вопли о пощадѣ, въ отчаянные крики «корыстовниковъ» ворвался глухой, ровный гулъ... Раздались звонкіе трубные гласы — и то, что я увидѣлъ — того, Одея, никогда не забуду...

Исаковъ вздохнулъ и замолкъ.

Слышнѣе сталъ голосъ Наташи. Она теперь плѣла одна и Исаковъ слушалъ пѣніе дочери. Тихая улыбка играла на его губахъ.

— Будетъ-ли еще на Москвѣ когда такая красота, Одея?.. — вздохнувъ, сказалъ онъ. — Чаю, что не будетъ такой. Государевъ полкъ, двадцать тысячъ юношей, дворянъ Московскихъ, Тверскихъ, Костромскихъ и Рязанскихъ, всѣ въ пресвѣтлыхъ броняхъ, въ золото тканыхъ шелковыхъ однорядкахъ подъ ними, на убранныхъ серебромъ дорогахъ аргамакахъ, сѣрыхъ, рыжихъ, гнѣдыхъ и вороныхъ, раздѣлились на «гуфы» — отряды, по тысячѣ въ каждомъ,

Къ дому царя Казанскаго медленно ѣхалъ царь Іоаннъ Васильевичъ (къ стр. 39).

съ саблями наголо, спорою рысью шелъ къ Казани по дугу. И въ серединѣ широко рѣяла громадная золотая царская хоругвь, и подъ нею, на росломъ аргамакѣ ѣхалъ молодой нашъ царь Иванъ IV Васильевичъ... Въ доспѣхахъ, въ шапкѣ съ крестомъ, что икона свѣтлый, запечатлѣлся онъ въ моей памяти, какъ появился онъ въ воротахъ и однимъ появленіемъ своимъ остановилъ бѣгущихъ нашихъ воиновъ. Кругомъ, по пролomu, по грудамъ навороченныхъ камней, по этой сыпучей розсыпи шли кони и дворяне Государева полка вливались въ улицы, вытѣсня татаръ.

— И мы, усталые, воспрянули духомъ! Мы примкнули къ Государеву полку и погнали татаръ ажъ до самыхъ мечетей, что на площади. Тамъ на стѣны мечетей вышли ихъ князья Обазы, Сеиты и священники - муллы и съ ними ихъ епископъ — великій эмиръ Кулшерифъ - мулла. Ихъ царь затворился въ каменномъ дворѣ. По другую сторону площади, чтобы смутить и прельстить насъ, размягчить наши сердца стали ихъ жены и дѣвушки въ самыхъ красивыхъ своихъ уборахъ. По улицамъ вездѣ валялись — трупы. Наши и татарскіе. Разметались руками и ногами, легли кто навзничъ, кто ничкомъ въ лужахъ темной крови, глядятъ въ небо опустѣлыми, вылитыми глазами, страшны своею блѣднотою и спокойствіемъ. На стѣнахъ тонкій гомонъ женскій, насурмленныя брови, нарумяненныя щеки, синіе и алые шелка сарафановъ, бѣлые убрусы, прозрачныя чадры... Подъ ними рать казанская быстро устраивается для боя. Готовятъ «нарядъ»^{*)}. Улицы же тѣсныя. И нельзя намъ сразу многимъ приступить къ нимъ и неспособно драться на коняхъ.

И слышу — крики по Государеву полку: — «къ пѣшему бою!..» «къ пѣшему бою!..».

Мы съ рушницами побѣжали впередъ. За нами слѣзшіе съ коней дворяне Государева полка — и видимъ — уже и сзади наши заходятъ на татаръ и тамъ идетъ большая сѣча. Татары не выдержали ни сѣчи въ тылу, ни нашего рѣшительнаго и смѣлаго удара спереди. Произошло какое то за-

^{*)} Артиллерію.

мѣшательство. Тогда вдругъ ударили татары въ большіе литавры, подняли руки и стали въ разъ кричать:

— Алла!.. Алла!.. Алла!..

И пали на колѣни, прося пощады...

У насъ же затрубили въ трубы и къ дому царя Казанскаго улицей медленно ѣхалъ нашъ юноша царь Іоаннъ Васильевичъ. Отъ Казанскаго царя отдѣлилась толпа татаръ. Они вели подъ руки какихъ то богато одѣтыхъ людей.

Шагахъ въ пятидесяти отъ Его Царскаго Величества они остановились. Отъ нихъ отдѣлился мулла въ зеленой чалмѣ.

Онъ подошелъ къ царю и, сложивъ на груди, въ знакъ покорности, руки, сказалъ:

— Пока былъ цѣль нашъ Кремль, гдѣ былъ Царевъ Престоль мы боролись до смерти за царя и отечество! А нынѣ, — какъ заняли вы Кремль отдаемъ мы вамъ нашего царя цѣлымъ и невредимымъ. — А мы, оставшіеся, выйдемъ на широкое поле испить съ вами послѣднюю чашу!..

И сдали намъ своего царя Едигера и съ нимъ мальчика сына князя Зеніешъ, а при немъ двѣ кормилицы — Имил-деши.

— Ты знаешь, — сказалъ Селезнеевъ, — тотъ Едигерь вѣрой и правдой служилъ царю Ивану Васильевичу и храбро сражался за Русское дѣло съ Ливонцами.

— Да, былъ милостивъ тогда нашъ царь и къ врагу побѣжденному. И вотъ пока шли эти разговоры — вся рать Казанская бросилась вонъ изъ города и стала переходить въ бродъ рѣку Казанку и за нею въ чистомъ полѣ устраиваться для лучнаго и рукопашнаго боя. Вижу, стороною наши коноводы идутъ, ведутъ нашихъ коней и князь Андрей Михайловичъ, молодо, весело, будто въ опьяненіи и ликованіи побѣдой крикнулъ: — «молодцы, ребята мои, по конямъ!»

Мы посѣли на коней. Впереди князь Андрей Михайловичъ Курбскій съ братомъ Романомъ, а за нимъ набралось насъ тогда немного больше двухсотъ всадниковъ. Татаръ же за Казанкой стало около шести тысячъ. Но такова, Ѳеда,

запомни это, милой, власть побѣды, что не числится она врага. Смѣлымъ Богъ владѣеть. Развернули мы конный строй, по колѣна лошади перешли рѣку Казанку и «всѣми уздами распустя коней»*) — во весь скокъ кинулись на татаръ.

— Только топотъ конскій, да мощный нашъ крикъ «Москва!» раздался по зеленому, блеклому осенней травой лугу!

— Туча стрѣлъ насъ встрѣтила. Пали кони. Но мы врубались въ татаръ и саблями ихъ рубили, и конями топтали. Вижу: — Романъ, князь Курбскій упалъ съ конемъ. Коня положили татары копьемъ. Въ ногахъ у Курбскаго стрѣлы впились, кровь рудою бьетъ. А тутъ подлѣ бѣжитъ чей то порожній конь. Я ухватилъ его за узду, веду къ Роману Михайловичу.

— Князь, — кричу... — Раненъ, что-ль?

— Ничего, — отвѣчаетъ... — Давай коня! Я еще хочу!!

А былъ онъ мальчикъ еще, какъ ты, — прелестный юноша! Стрѣлы — по пяти вонзилось ихъ въ ноги князя Романа, — повывергалъ, вскочилъ на коня, поднялъ саблю и снова кинулся въ сѣчу...

Татары побѣждали въ лѣса. Поле опустѣло. Гляжу: — конь бѣлый, рослый, одинъ безъ сѣдока стоитъ на полѣ. Какъ не узнать того коня! Князя Андрея Михайловича конь!.. Поскакалъ я туда. Лежитъ князь на травѣ, лицо бѣлое и чуть дышетъ. Соскочили мы съ Селезнеевымъ съ лошадей, сняли тяжелый княжескій доспѣхъ. Кто-то изъ жильцовъ за водой поскакалъ. Ротмистры наши съѣхались. Уже вечерѣло. Туманъ поднимался надъ полемъ. Испилъ князь воды, приподнялся, рукою по лбу провелъ, вздохнулъ и глаза раскрылъ.

— Что татары? — спросилъ.

— Утекли по лѣсамъ. Наша Казань, — сказалъ я. — Какъ ты, князь?

— Ранъ много, — сказалъ князь, морщась отъ боли, — но живъ. Збройка на мнѣ была праотеческая, зѣло крѣпка!

И перекрестился.

— А болѣе того, — сказалъ, — благодать Христа моего

*) Т. е. пославъ лошадей полнымъ скокомъ.

такъ благоволила, что Ангеламъ своимъ заповѣдалъ сохранить мя недостойнаго во всѣхъ путяхъ...

Князь поникъ головой. Дурно ему стало. Попросилъ воды. Испивъ воды, спросилъ:

— Романъ, что?

Я отвѣтилъ : — раненъ князь Романъ Михайловичъ, но живъ».

— Послужили мы Царю и Отечеству... И помирать не стыдно... Ну... несите меня къ царю. Хочу поздравить царя моего съ пресвѣтлою побѣдой.

— Такъ была взята царемъ Иваномъ Васильевичемъ твердыня татарская — Казань.

IX.

ЗА РАТНОЮ ЧЕСТЬЮ

Послѣ длиннаго разсказа о взятіи Казани, всегда такъ волновавшаго Исакова и Селезнеева, наступило долгое молчаніе. Наверху, въ терему, было тихо.

Слышнѣе сталъ въ Исаковскомъ покоѣ сверчокъ и потрескивали, нагорая, свѣчи. Возбужденный разсказами о былой славѣ, о битвахъ и побѣдахъ Ѳедя сидѣлъ въ углу, тарачилъ глаза и ерошилъ густые волосы. Хотѣлъ онъ спросить о многомъ, сказать старому стрѣleckому головѣ всѣ свои мысли и не смѣлъ. Онъ тяжело вздыхалъ, не сводя блестящаго взгляда съ Исакова.

Исаковъ сидѣлъ на лавкѣ, опутивъ голову на грудь, и о чѣмъ то глубоко задумался. Пальцами онъ барабанилъ по дубовому столу, выбивая дробь. Наконецъ, онъ поднялъ голову, внимательно посмотрѣлъ на Ѳедю, и, казалось, понималъ все, что происходило въ душѣ мальчика.

— Вотъ, — тихо сказалъ онъ, — кабы тѣ-то времена теперь, Ѳедоръ, были...

Онъ тяжело вздохнулъ, помолчалъ и другимъ, спокойнымъ, ровнымъ голосомъ, сказалъ:

— Что-жь, Ѳедоръ, — сорокъ дней мы молились за родителей твоихъ, присматривались къ тебѣ, надо намъ теперь и о житейскомъ подумать... Какъ въ одночасье лишился ты родителей своихъ, опору свою и заступу, и всего богатства и дѣла родителемъ твоимъ заведеннаго. Значить — такова воля Божія. Надо свое дѣло начинать. Не можетъ быть человѣкъ безъ труда. Такъ ему отъ Господа заповѣдано за грѣхи прародителя нашего Адама: — въ потѣ лица твоего будешь добывать хлѣбъ свой... Тебѣ теперь шестнадцать... Не надумалъ ли и самъ чего?

Ѳедя вспыхнулъ. Онъ вскочилъ съ лавки, сдѣлалъ два шага впередъ, вернулся на мѣсто, провелъ рукою по лбу, откидывая отъ глазъ свѣтлую прядь волосъ. Наконецъ, собравъ силы и стараясь говорить густымъ «мужскимъ» голосомъ, онъ выпалилъ:

— Хочу послужить царю батюшкѣ! Хочу идти за ратною честью!..

И точно испугавшись того, что онъ сказалъ, Ѳедя закрылъ лицо ладонями.

Исаковъ внимательно осмотрѣлъ мальчика съ головы до ногъ.

— Такъ, такъ... — сказалъ онъ. — Мудрое, красивое твое слово, Ѳедоръ. И послѣ разсказовъ нашихъ о Казанской побѣдѣ другого слова и не ждалъ я отъ тебя услышать. Искать ратной чести! Да... вѣрно. Нѣтъ выше того, какъ воинская честь и слава побѣды... Нѣтъ больше счастья, какъ душу свою положить за вѣру православную, за Государя и за Родину! Нѣтъ честиѣ могилы, какъ могила воинская, въ чистомъ полѣ подъ ракизовымъ кустомъ... А только... Не тѣ нынѣ времена. Гдѣ искать ратной чести? Вездѣ у насъ неудачи и пораженія. И шведъ, и ливонецъ, и полякъ насъ тѣснятъ... Царь?.. Страшно мнѣ говорить такія слова... а какъ?.. какъ?.. гдѣ, Ѳедоръ ты ему будешь служить?.. и съ кѣмъ? Князь Андрей Михайловичъ Курбскій, кажется, уже честиѣ не было человѣка!.. Свѣтлый нашъ князь — объявленъ измѣнникомъ и бѣжалъ къ ляхамъ... Гдѣ честное наше воинство? Гдѣ Государевъ свѣтло-брон-

ный полкъ? Числомъ наше войско умножилось, дошло уже до трехсотъ тысячъ, а побѣдъ нѣтъ. При царѣ — опричники съ Малютой Скуратовымъ, заплечныхъ дѣлъ мастеромъ, метлой, не разбирая кого, метутъ. Выметаютъ и честь, и славу, и мудрое правдивое слово... Собачью вѣрность показывая, какъ псы грызутся между собою изъ-за брошенной кости. Куда же ты пойдешь искать ратной чести? Если бы ты былъ помѣщикомъ и были у тебя люди и средства — «людный, конный и оружный»*) ты явился бы въ полевое войско... Не идти же тебѣ холопомъ?.. Не Малютѣ же Скуратову мнѣ отдать тебя учиться пытатъ крамольниковъ по застѣнкамъ?..

— Степанъ Филипповичъ, — сказалъ, пунцовѣя, Ѳедя, — Степанъ Филипповичъ!.. Я... я... желалъ бы... Ермакъ... Къ Ермаку-бы меня!...

— Ермакъ?.. Ищи вѣтра въ полѣ, а казака на волѣ... Гдѣ онъ твой Ермакъ-то? Шутъ его знаетъ! Тридцать лѣтъ прошло со штурма Казанскаго, когда царь наградилъ Ермака золотою именною медалью... А потомъ?.. Чѣмъ живутъ казаки? Съ травы, да съ воды**) много не напитаешься. Живутъ они своимъ рукоесломъ. Ходятъ — зипуна добывать. Воровскимъ дѣломъ занимаются станичники. Слухъ такой былъ — и Ермакъ на Волгѣ пошаливаетъ. Что-же и ты къ нимъ? «Сарынь на кичку!»***), кричатъ, да купцовъ шемаханскихъ ножами полосовать? Казанскій воевода Мурашкинъ по Государеву указу по всей Волгѣ ту сарынь гонялъ. Какъ бы и Ермака не гонялъ съ ними? Ну, а попались бы? Пожаловалъ бы и Ермака твоего и тебя самого царь хоромами высокими, что двумя-ли столбами съ переклади-

*) Русскіе дворяне по Царскому указу должны были выступать въ походъ со своими вооруженными и, кому положено, конными людьми: людные, конные и оружные.

**) Съ травы — т. е. скотоводствомъ, съ воды — рыбною ловлею.

***) Сарынь — чернь, гольтыба, незнатные люди. Кичка — кикъ — носъ судна. Отсюда и глаголъ — кикнуть. «Сарынь на кичку» — разбойничій кличъ волжскихъ гулебщиковъ при нападеніи на суда.

ной! Понимаешь? Чай видалъ на лобномъ мѣстѣ что дѣлають?

— Видалъ, — прошепталъ Оедея.

— Ну, значить, о Ермакѣ, да о томъ, чтобы идти казаковать тебѣ надо изъ головы выкинуть. Твое дѣло торговое. Только вотъ не придумаю, куда тебя опредѣлить, чтобы молодецкую удадь твою не засушить за прилавкомъ, да за бирками.

— Слушай, Степанъ, — поднялся съ мѣста Селезнеевъ, — что я глупымъ умишкой своимъ подумалъ... Охъ не рѣчистъ я, не рѣчистъ... Мыслей то много, а какъ на языкъ, что тараканы разбѣгутся. Не соберешь. Знаешь, куда намъ Оедора-то опредѣлить въ науку?

— Куда?

— А вотъ куда, Степанъ. Помнишь, какъ Казань то мы взяли, и шести лѣтъ не прошло снарядилъ царь купцовъ Строгоновыхъ на Каму солянымъ дѣломъ заниматься.

— Ну?

— Ты, братъ, не нукай на меня, я тебѣ не лошадь, — пошутилъ Селезнеевъ и вся его голова-рѣпка покрылась маленькими морщинками, — не нукай на меня, потому, самъ знаешь, не рѣчистъ я. Слова то, что камни ворожаю. Такъ вотъ и пошли, значить, туда Яковъ и Григорій Строгоновы. И вѣдь двадцать три года срокъ не малый. Ба-ольшое, говорятъ, тамъ дѣло поставили. И пушниной торгуютъ, и камнями уральскими самоцвѣтными, и кожами и солью... Будто царь имъ разрѣшилъ даже свое войско наемное держать — нѣмцевъ, да шведовъ, чтобы вогуловъ да остяковъ гонять, когда нападутъ. Старые то Строгоновы и померли тамъ, ну а дѣло то осталось. Меньшой братъ Семенъ съ племянниками Максимомъ Яковлевичемъ и Никитой Григорьевичемъ то дѣло ведутъ. А Оедоръ то нашъ какъ разъ на пушномъ дѣлѣ собаку съѣлъ. И по татарски говорить умѣетъ... А у Максима Яковлевича въ Москвѣ палата есть. Каждую осень въ нее туда товары гонять, а весною изъ Москвы везутъ, что надо. Заходилъ я туда по дѣлу. Сказываютъ и нынѣшней весною человѣка на Каму посылать будутъ. Тамъ

Федоръ то нашъ и торговое и воинское ремесло постигнуть можетъ... А? Что я такъ говорю?

Селезнеевъ гордо поднявъ свою морщинистую голову, Узкая и жидкая борода стала хвостикомъ и на стѣнѣ откинулась тѣнью — ну совсѣмъ какъ рѣпка съ пучкомъ листьевъ.

Исаковъ посмотрѣлъ на эту тѣнь отъ свѣчи и сказалъ, улыбаясь:

— Рѣпа ты рѣпа, Ярославичъ, а голова у тебя умная... жалко молодца въ далекий Пермскій край посылать... А и тамъ люди живутъ.

— Хорошіе, Степанъ, люди живутъ!..

— И мы, когда на Казань шли тоже думали — на край свѣта попадемъ. А нашли преславное и богатое, всѣмъ изобильное царство... Что жъ, Федоръ, неволить тебя не хочу. Желаетъ самъ поѣхать служить у купцовъ Строгоновыхъ?

— Вы мнѣ, Степанъ Филипповичъ, вмѣсто отца стали, — кланяясь въ поясъ, сказалъ Федя. — Худого вы мнѣ не пожелаете. Поѣду служить, гдѣ укажете. А, поможетъ Господь, и тамъ ратной чести буду искать въ Строгоновскихъ дружинахъ.

— Ну и ладно!.. Вотъ это по нашему, — весело сказалъ Селезнеевъ. — А и добрый бы изъ тебя, Федоръ, воинъ вышелъ. Потому — послушаніе первая добродѣтель воинская! Люблю молодца за хватку!

И сталъ прощаться, идти домой.

— Ну, гаси, Федоръ, свѣчи, засвѣчивай лучину и ай-да по постелямъ. Пора и намъ на покой.

Х.

УГНЕТЕННАЯ МОСКВА

Незамѣтно, за домашними работами подошелъ и Великій постъ. Запахло по дому рѣдкой. Зашуршали большія связки сушеныхъ бѣлыхъ грибовъ, повезли по московскимъ

улицамъ сани съ мороженымъ судакомъ Яицкимъ *), со снѣтками Бѣлозерскими, съ Ладожскими сигаами и лососями, съ бѣломорской бѣлужиной.

Отъ церкви Воздвиженья, что на Арбатской улицѣ, ударилъ плавный великопостный звонъ къ часамъ. На этой недѣлѣ Марья Тимофеевна и Наташа говѣли.

Имъ были поданы широкія сани съ мохнатымъ темнымъ ковромъ. Одея съ Исаковымъ пошли въ церковь пѣшкомъ.

Въ церкви было тепло. Пахло ладаномъ, воскомъ и лампаднымъ масломъ. Стариною пахло. По одну сторону стояли женщины, по другую мужчины.

Гулко гудѣлъ подъ каменными низкими сводами голосъ чтеца. Слышно было, какъ покашливалъ въ алтарѣ старый священникъ.

Куда ни глянетъ Одея — всюду видѣлъ темныя «кручинныя»**) платья. Глубокіе вздохи раздавались по церкви. У иконы Божіей Матери, какъ рухнула на колѣни боярыня, такъ и стояла не шелохнувшись. Одея видѣлъ блѣдное, совсѣмъ бѣлое лицо и слезы, бѣжавшія по впалымъ щекамъ. Полна была горемъ Москва!

Одея слышалъ шопотъ о казняхъ и пыткахъ. Слышалъ, какъ говорили о томъ, какъ исподлился народъ, идетъ съ доносами и кляузами, братъ предаетъ брата, сынъ отца. Зналъ Одея, что по тѣмъ доносамъ хватали въ Москвѣ по ночамъ людей и везли къ Малютѣ Скуратову на допросъ.

«Гдѣ же тотъ свѣтлый, смѣлый юноша царь, что на статномъ аргамакѣ, что икона залитой золотомъ, явился въ Казанскихъ воротахъ и однимъ появленіемъ своимъ оставилъ бѣгство ратныхъ людей? Или подмѣнили царя? Гдѣ же царскій свѣтлобронный полкъ юношей, дворянъ Московскихъ? Гдѣ радость и счастье молодого, побѣднаго царствования?»

*) Уральскимъ.

**) Траурныя.

По Москвѣ шопоть о неудачахъ, о пораженіяхъ и... объ измѣнѣ.

Послѣ часовъ — шла заупокойная обѣдня. Объ убіенныхъ на браняхъ боярахъ, князьяхъ и простолюдинахъ... О вѣ пыткахъ замученныхъ.

Громче стали плачъ и стenanія.

Хоръ запѣлъ протяжно и печально. Мужскіе голоса звучали въ ладъ съ мрачною торжественностью.

— Житейское море воздвигаемое зря, напастей бурею, къ тихому пристанищу Твоему притекъ, — вопію Ти...

Низко опустилъ голову Өедя. И мысли!.. Мысли!.. «Гдѣ тихое пристанище? Смерть?.. Искать ратной чести?.. Что будетъ у Строгоновыхъ? Неужели опять считать мѣха, записывать въ книги?.. Сушить шкуры, поднимать волосъ?.. Не надо мнѣ тихаго пристанища — хочу боевъ!.. Хочу побѣды, какъ была у Степана Филипповича — Казанская славная побѣда!.. Боже пошли мнѣ смерть на ратномъ полѣ чести!»

Өедя посмотрѣлъ туда, гдѣ стояли Марья Тимофеевна и Наташа. Первый разъ подумалъ о томъ, что вѣдь Наташа — его невѣста. Давно такъ было рѣшено между его отцомъ и Степаномъ Филипповичемъ. Давно-то давно — да было рѣшено тогда, когда былъ онъ сыномъ богатаго купца, къ самому царскому двору поставлявшаго мѣха, когда заботливо подбирали родители лучшихъ, съ серебряной искрой, собольковъ — Наташѣ на шубу — Өединъ свадебный подарокъ. Теперь, когда въ страшную январьскую ночь, лишился Өедя и родителей и всего богатства, когда сгорѣли сундуки съ тѣми собольками, жениховскими подарками и сталъ Өедя голъ, какъ мосолъ, нищимъ, дадутъ-ли еще ему Наташу Исаковы? Все на немъ чужое. И синій стаметовый кафтанецъ и легкая на собачьемъ мѣху шубка, и шапка въ опушкѣ изъ потертой выдры — все это бѣдное и чужое, съ чужого плеча — подарки Исакова и Селезнеева.

Наташа точно почувствовала на себѣ пристальный взглядъ Өеди. Краска покрыла блѣдныя щеки. Она при-

жала въ двуперстномъ сложеніи пальцы ко лбу и долго держала руку у лба. Подъ рукою въ синей тѣни дрожали густыя рѣсницы.

Прелестъ Наташа!

Только теперъ, когда почувствовалъ Одея, что можетъ быть, въ тоже «одночасье» когда лишался родителей и богатства, лишился и Наташи, понялъ какъ она хороша.

Да вѣдь онъ любитъ ее!..

Одея видѣлъ, какъ глубоко вздохнула, крестясь, Наташа. Щеки стали пунцовыми.

«Вчера, когда я утромъ выписывалъ изъ книгъ разныя слова для неграмотнаго Исакова и сидѣлъ у окна, я слышалъ, какъ она ласкала Восю... «Собаченька моя милая!» — говорила она... «Собаченька». Какое ласковое слово! Да не то, что бы ласковое, а просто: — милое слово. И придумаетъ же она! Не любила бы — не ласкала бы его Восю, не говорила бы такъ нѣжно и мило».

«Ну что же, что бѣденъ?.. Что нищій?»

Одея повелъ плечами, расправилъ грудь.

«Да за то я сильный, молодой?! Поѣду къ Строгоновымъ, накоплю богатства, заслужу въ бояхъ съ вогулами и остяками великую славу, пріѣду и къ ножкамъ ея положу: — вотъ тебѣ, свѣтъ Наталья Степановна и богатство и слава!..

И не слышалъ, какъ тянулъ его за кафтанчикъ Исаковъ.

— На колѣнки, Одея, становись! На колѣнки. Святые Дары выносятъ!..

Въ Москвѣ нечего дѣлать. Въ Москвѣ ни богатства не наживешь, ни славы не заслужишь... И правда надо ѣхать на Каму!

Эта мысль крѣпко засѣла въ Оединой головѣ. Страшна стала Москва.

Въ тотъ вечеръ сидѣли въ горницѣ Исаковъ и Селезнеевъ, ковыряли шильями въ троечной сбруѣ, нанизывая на нее желѣзныя, оловомъ крытыя бляшки. Одея читалъ.

Надъ большими, тушью писанными листами горѣла въ ставцѣ лучина.

Въ густомъ сумракѣ, гдѣ чадно пахло сосновымъ дымомъ, звонко раздавались страшныя и радостныя слова. Вдыхали Исаковъ съ Селезнеевымъ.

— Воскреслъ еси отъ гроба, всеильне Спасе, и адъ видѣвъ чудо ужасеся и мертвіи восташа.

— Да, такъ было, — прошепталъ Селезнеевъ, старательно разжигая новую лучину. — Возстанутъ мертвые и мы, когда умремъ, будемъ ждать Спаса Нашего, Господа Иисуса Христа!

— Тварь-же видящи срадуется Тебѣ, и Адамъ свеселится...

— Всякая тварь, Ѳедея, отъ Господа. Всякая тварь Господу радуется. И конь и песъ Господомъ даны на радость человѣку. Жалѣй, Ѳедея, всякую тварь земную...

Пока мѣняли лучину въ горницѣ было тихо. Съ крыши упалъ пластъ снѣга и слышно было, какъ онъ, шурша, рассыпался. Таять стало и по ночамъ. Близилась весна.

Ярко вспыхнула желтымъ пламенемъ свѣжая лучина. Ѳедея, набравшись голоса, съ силою прочелъ:

— И міръ, Спасе мой, воспѣваетъ Тя присно...

По всей Москвѣ царила торжественная предвесенняя ночная тишина. Днемъ мела метель. Намела сугробы. Какъ въ мягкомъ пуху были московскія улицы. Не слышно было шаговъ пѣшехода. Да и кто пойдетъ въ ночную пору? Добрые люди давно сидятъ по домамъ.

— Да веселятся небесная, да радуются земная, яко сотвори державу мышцею Своею Господь!..

— Да радуются земная... Подлинно такъ, — не разжимая рта прошепелявилъ Селезнеевъ. Онъ закусилъ дратву зубами и шиломъ пропускалъ другой ея конецъ въ дырочку желѣзной бляшки. — Радости на землѣ то сколько отъ Господа положено. И кто мѣшаетъ? — Человѣкъ! Онъ всему злему заводчикъ!

И точно подтвержденіе его словамъ, въ мертвой, густой тишинѣ, разрывая ее, раздались дикіе пьяные крики:

— Ай!.. ай!.. лови... держи!... Улю-лю-лю!.. А та... та... та!...

Исаковъ проворно задулъ лучину

— Опричники царскіе за кѣмъ то погнали, — прошепталъ онъ.

— Потѣха царская, — проговорилъ Селезнеевъ, — по-притчилось что-то царю батюшкѣ! Послалъ крамолу искать.

— Подлѣ нынѣ, Ѳедя, народъ сталъ въ Москвѣ, — сказалъ Исаковъ. — Все на кого-то доносить. Нечего тебѣ тутъ дѣлать... И правда, поѣзжай на Каму, къ купцамъ Строгоновымъ. У нихъ вольнѣе тебѣ будетъ дышать!

Лучину не засвѣчивали. Селезнеева оставили спать у Исакова. Ложились въ темнотѣ. Въ тихой Москвѣ все мерещились пьяные крики, вопли опричниковъ и рѣзвый скокъ ихъ быстрыхъ коней...

XI.

РУКОБИТЬЕ

Исаковъ побывалъ въ Московской палатѣ братьевъ Строгоновыхъ и узналъ, что большой караванъ товаровъ пойдетъ только лѣтомъ, когда вскроются рѣки, и пойдетъ медленно. Онъ будетъ заходить въ Нижній Новгородъ и въ Казань и вездѣ будетъ закупать товары для Строгоновскихъ городковъ. Но до вскрытія рѣкъ, санями до Волги поѣдетъ довѣренный челоуѣкъ Карлъ Залить. Онъ ѣдетъ одинъ и, конечно, можетъ доставить Ѳедю.

Въ Строгоновской палатѣ Чашниковъ знали и тамъ приняли участіе въ судьбѣ Ѳеди. Старшій прикащикъ, сказалъ Исакову:

— Хорошее дѣло надумали, Степанъ Филипповичъ, Чашниковскаго сына къ Строгоновымъ послать. У нихъ онъ и ратному дѣлу научится и свое мѣховое не забудетъ. А тамъ, какъ ему полюбитъ, такъ и станетъ. То-ли сотникомъ будетъ въ Строгоновскихъ дружинахъ, то-ли скупать будетъ мѣха, разбирать ихъ и въ Москву доставлять. У на-

шихъ купцовъ дѣло огромное. Молодому человѣку тамъ работа найдется всегда. А сами Строгоновы не то что купцы, а почище и познатнѣе другихъ бояръ и князей будутъ.

Видалъ Исаковъ и Залита. Крѣпкій, широкоплечій, рыжій, съ огненной, курчавой, короткой, больше по щекамъ, бородою, со шрамомъ на лбу, точно клейменный каторжникъ, Залитъ не понравился Исакову. Онъ хмуро выслушалъ прикащика и сказалъ:

— Доставить парня можно... Доставлю.

— У него, у Ѳедора то, — ласково сказалъ Исаковъ, — собака есть... Я знаю, ему бы такъ хотѣлось и собаку взять. Не стѣснить вѣдь собачка то васъ въ дорогѣ.

— Это... нѣтъ... это невозможно... — рѣшительно сказалъ Залитъ. — Никакой собаки я брать не желаю. Мальченокъ дѣло другое. Мальченка доставлю. А куда тамъ съ псомъ поганымъ возиться. У Строгоновыхъ и своихъ собакъ цѣлая стая! Санки у меня малыя, еле вдвоемъ сѣсть.

— Да зачѣмъ собакѣ ѣхать. Она и такъ добѣжить.

— Ну, а потомъ, — рѣзко сказалъ латышъ. — Я челнокомъ пойду по рѣкамъ. До самаго городка ихъ Канкора, въ устьѣ Чусовой... Тамъ и совсѣмъ нѣтъ мѣста собакѣ. И не люблю я ихъ, псовъ поганныхъ.

Прикащикъ поддержалъ Залита.

— И точно, — сказалъ онъ. — На что въ дорогѣ собака?

— Да не возьму я собаки, — крикнулъ латышъ. — Ни за что не возьму. На дьявола нужна она, твоя собака!

— Любить ее очень мальчикъ то нашъ!

— Любить — разлюбить... Собака!.. Эка невидаль... Зарѣжу я собаку и все!..

Исаковъ больше не настаивалъ. Онъ рѣшилъ въ умѣ: — Ну поплачетъ Ѳедя, разставаясь съ Восяемъ, да вѣдь Восяю не худо будетъ и у него. Наташа какъ полюбила Восю! Останется онъ ей на утѣху. Хорошо ему будетъ. А лѣтомъ — видно будетъ. Можно будетъ Восю отправить съ караваномъ товаровъ. Авось тамъ люди будутъ поласковѣе и подобрѣе, а то этотъ — вонъ какой серди-

тый, — чуть что не по немъ — сейчасъ, какъ ершъ иглами покроеся. Такой колючій!..

Горько было Ѳедѣ разставаться съ Восеємъ, но горечь была смягчена тѣмъ, что Восея онъ оставлялъ на попечение Наташи, а Наташа...

Про то уже вся дворня знала, про то весело чирикали воробьи по Исаковскому двору: — Наташа будетъ женою Ѳедору Гавриловичу Чашнику!

Не измѣнилъ своему слову Исаковъ. Ну и Селезнеевъ, крѣпко любившій Ѳедора, помогъ ему въ этомъ дѣлѣ.

Когда зашла объ этомъ рѣчь, былъ семейный совѣтъ. На томъ совѣтѣ были Марья Тимофеевна, Исаковъ и Селезнеевъ.

Исаковъ повелъ рѣчь о томъ, что, когда живъ былъ Чашникъ, а Ѳедя и Наташа были совсѣмъ малыми дѣтьми порѣшили они между собою, чтобы имъ породниться.

— Ну, а теперь, — поглаживая сѣдѣющую бороду, — говорилъ Исаковъ, — теперь, когда, значить, Ѳедоръ остался безъ ничего... Вотъ и хотѣлъ я... Значить...

Нелегко шли у него слова. Совѣстно было досказать свою мысль до конца.

— Наташа у насъ, слава Те Господи! безъ обмана какого!... По чистой по совѣсти!.. Не увѣчна... Очами, или тамъ рукою, али ногою... Все на своемъ мѣстѣ... Собою красива... Не глуха... Не нѣма... Рѣчью истолнена. А уже рукодѣльница!..

— И нравомъ послушна, — вставила Марья Тимофеевна, поджимая значительно губы.

Марья Тимофеевна.

Наташа.

— Не безприданница... Мы ей сундукъ какой наложимъ, — продолжалъ Исаковъ. — Всего есть. И холстовъ и бѣлья, и одежды, и шубы какія... Монисто, камни самоцвѣтные... Колець сколько... Такъ я и думаю... Что жъ... Говорили мы съ Чашникомъ — это точно... Я не отказываюсь. Говорили... Такъ вѣдь, когда говорили-то — Наташѣ тогда пятое лѣто шло. И Одея того и не знаетъ... Вотъ я и думаю... Не такого жениха, можетъ быть, Наташѣ надо... Ей можно какого боярскаго сына просватать... Князя какого... а... Марья Тимофеевна?

Марья Тимофеевна сочувственно кивала головою. Но тутъ вскочилъ со скамьи Селезнеевъ. Покраснѣла, побурѣла вся его голова-рѣпка, сѣрыми морщинами покрылась. Онъ забѣгалъ по комнатѣ. То подниметъ надъ головою руки съ растопыренными пальцами, то заложитъ за спину, фыркнетъ, какъ разъяренный котъ. Наконецъ остановился противъ Исакова и, задравъ голову кверху, такъ что борода стала поперекъ лица вскрикнулъ визгливо:

— А слово?

— Слова, мы прямо сказать, — не давали. Ни сговора, ни рукобיתья не было...

— Еще бы, — завизжалъ Селезнеевъ. — Еще бы! Дѣвчкѣ пятый годокъ, а онъ — рукобитье... Сватовъ засыпать!

— Да чего ты ершишься? Ишь взгомонился какъ!

— Чего... чего? Охъ не рѣчисть я, не рѣчисть... а того... того... этого...

— Чего этого?.. Запутался, Ярославичъ.

— Любятъ они другъ друга... А что бѣденъ?.. Велика бѣда... Поѣдетъ къ Строгоновымъ. Какая тамъ его судьба будетъ, кто знаетъ?.. Можетъ быть еще и княземъ какимъ вернется! Мы съ тобой подъ Казань простыми жильцами пошли, а теперь стрѣлецкіе сотники!.. А, что? Не рѣчисть я, а правду тебѣ скажу: — не хорошее дѣло затѣялъ. Оедора собаки лишилъ... а нынче и невѣсты любимой лишаешь.

— Да постой?! Елова голова! Откуда ты взялъ. Любимой!.. Да почему ты знаешь, что они любятъ другъ друга.

Моя Наташа воспитанія строгаго. Изъ терема никуда... Изъ воли родительской не выйдетъ... Гдѣ же успѣли они слюбиться?

— Гдѣ?... гдѣ... Да ты въ церкви на нихъ посмотрилъ бы когда! Гдѣ глядѣлы-то твои были?.. Ѳедя на свѣтъ Наталью Степановну, какъ взглянетъ, та ажъ полымемъ заляется!

— Грѣхъ-то! Грѣхъ-то какой, — воскликнула Марья Тимофеевна.

— На масляной, качели наладили... Стали качаться, доска то летаетъ, Наташа визжитъ, а Ѳедя — румяный, счастливый... Я смотрю: — совѣтъ да любовь!..

— Охъ, грѣха то, грѣха то... — стонала Марья Тимофеевна. — Дѣвчьяго стыда не жалѣютъ... Эти мнѣ качели! Симу ихъ проклятыхъ.

— Такъ вѣдь, чаю, покаяться! — напустился на нее Селезнеевъ. — Вы, матушка Марья Тимофеевна, помогите мнѣ.. Какъ можно ихъ другъ друга лишать.

— Бѣденъ уже очень Ѳедоръ Гавриловичъ-то, — растерянно сказала Марья Тимофеевна.

— Бѣденъ, да уменъ. И читаетъ, и пишетъ, и ариѣметику знаетъ... Онъ чего достигнетъ, Господу одному извѣстно.

— Не на Каму же ее отправлять?

— И на Камѣ, матушка, люди русскіе, православные! Тамъ, пожалуй, еще поспокойнее будетъ, чѣмъ въ Москвѣ...

Долго еще препирались они. Визжалъ и фыркалъ Селезнеевъ, оправдывался Исаковъ, отстаивала Наташино богатство Марья Тимофеевна. Наконецъ, Селезнеевъ набросился на нее.

— Вы, матушка, все о богатствѣ, а о счастья своей дочери не подумаете... А если она за Ѳедоромъ счастлива будетъ, а за кѣмъ другимъ можетъ съ горя зачахнуть!

— О, типунъ тебѣ на языкъ!.. Тьфу!.. тьфу!..

— Пусть мнѣ типунъ, лишь бы имъ, голубкамъ нашимъ, счастье!

Эти слова вдругъ разстрогали Исакова.

— Ну ладно,— сказалъ онъ: — Я отъ стараго слова не отказчикъ. Порѣшимъ такъ: никому ничего объявлять не будемъ. Сватовъ пусть Ѳедоръ не засылаетъ. Будемъ ждать вѣстей отъ него съ Камы. Какъ его судьба обернется. Будетъ достоинъ свѣтъ Натальи Степановны — его и Наташа. Если кто безъ него зашлетъ сватовъ — скажемъ: — молодца дѣвка. Не примемъ сватовъ. Ладно?

— Ладно... А сколько ждать будемъ?

— Наташѣ пятнадцать... Ну... три года еще подождемъ. Если она другого сама не захочетъ...

Селезнеевъ успокоился. Онъ про себя рѣшилъ рассказать обо всемъ Ѳедѣ, да какъ-нибудь и Наташѣ сказать, чтобы ждали другъ-друга...

XII.

ПРОЩАНЬЕ

Тягостно было прощаніе Ѳеди съ Исаковыми и Селезнеевымъ. Прижились они за это время другъ къ другу, и сталъ Ѳедя имъ, какъ родной. Прощались еще затемно. Солнце не вставало. Наташу позвали сверху изъ терема. Нижняя горница была скупю освѣщена одною свѣчою, да у иконы Спасителя въ красномъ веницейскомъ стаканѣ металось лампадное пламя. Въ печкѣ жарко пылали дрова. Заслонка была раскрыта и красные отблески ложились на полъ и на ноги собравшихся проводить Ѳедю. Челядь толпилась у дверей. Залить уже пріѣхалъ и возился на дворѣ, устанавливая кульки — подарки Исакова на дорогу и небольшой ларецъ Ѳеди въ маленькія легкія санки. По просьбѣ Ѳеди привели со двора Вося. На него уже надѣли цѣпь и держалъ его рослый жилецъ.

Долго и горячо молились передъ иконами. Потомъ дали Ѳедѣ выпить стрелянную пѣннаго вина. Выпили съ нимъ Исаковъ съ Селезнеевымъ, присаживались всѣ, по обычаю, на лавки, вставали, а какъ настала пора разставанью, свѣтъ Наталья Степановна не выдержала. Бросилась на шею сво-

ему суженому, охватила его руками и стала покрывать мокрыми отъ слезъ поцѣлуями, куда попало: — въ щеки, въ лобъ, въ шею.

Всѣ были такъ растроганы, что никто не обратилъ вниманія на эту, по тогдашнему времени, неприличную выходку.

Селезнеевъ зашелъ въ уголъ за печку и самъ заплакалъ.

— Ну... ну! — отрывисто говорилъ, точно хрюкалъ Исаковъ. — Вотъ оно какъ нынче-то... Мать... а мать... ты чего же смотришь-то!

Марья Тимофеевна разливалась слезами въ три ручья.

— Пусть нацалуются, голубочки, въ послѣдній разъ, — сквозь всхлипыванія проговорила она. — Богъ одинъ вѣдаетъ, увидятся-то еще когда.

Восяй, давно примѣчавшій какія то приготовленія, казалось понялъ въ чемъ дѣло. Радостно взволнованный всѣ эти дни онъ вдругъ сталъ необычайно грустный, взвизгнулъ, и такими печальными, большими, укоряющими глазами посмотрѣлъ на Оедю, что у него сердце перевернулось.

— Марья Тимофеевна, свѣтъ Наталья Степановна, — сказалъ Оедя, — берегите мнѣ Восяя!

Восяй бросился ему на грудь. Жаркимъ языкомъ лизалъ Оедино лицо и скулилъ, скулилъ, скулилъ...

— Ну, пора! — рѣшительно сказалъ Исаковъ.

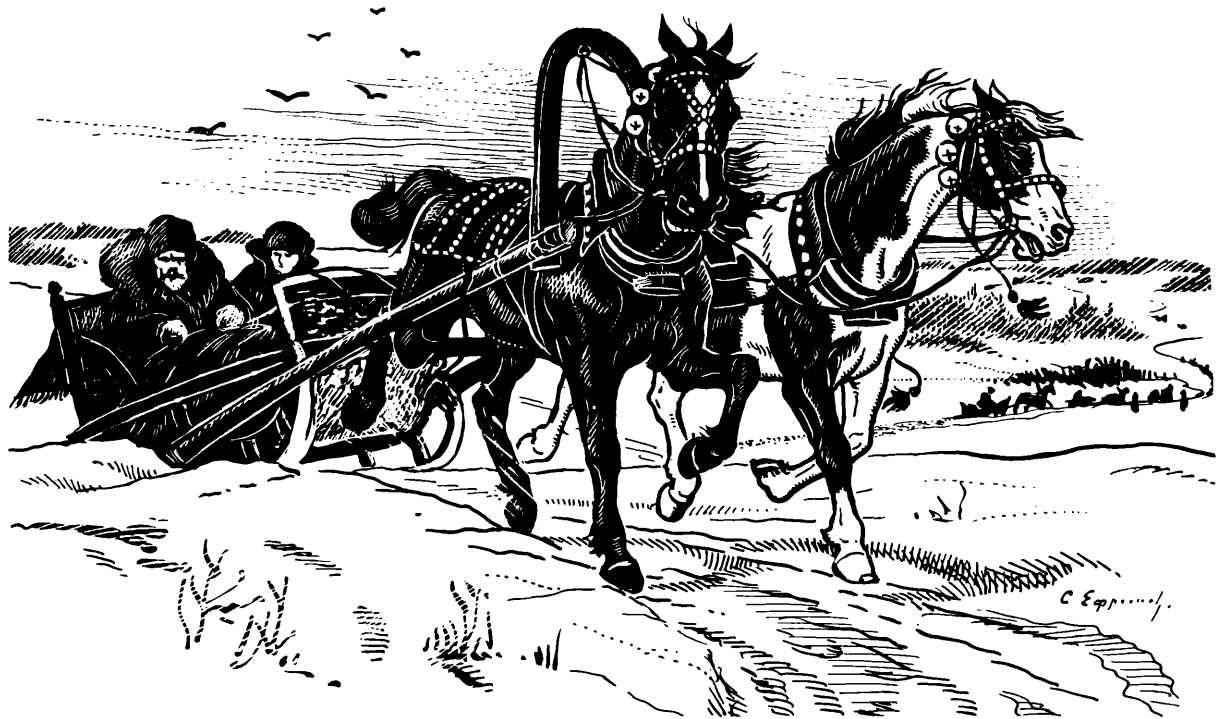
Всѣ задвигались, закрестились. Присѣли еще разъ и пошли къ дверямъ въ сѣни.

— Наташа, останься съ собакой, — приказалъ Исаковъ.

Наташа приподняла оконце и смотрѣла, какъ усаживался ея Оедя рядомъ съ рыжимъ латышемъ. Селезнеевъ заботливо подвернулъ ему полы шубы, уложилъ подлѣ дорожную саблю — вчерашній его подарокъ Оедѣ и крѣпко поцѣловалъ Оедю въ губы.

Подлѣ Наташи, пристально глядя въ щель окна, визжалъ, скулилъ и метался Восяй. Жилецъ едва сдерживалъ его на цѣпи.

Латышъ шагомъ тронулъ за ворота, всѣ пошли за нимъ. Никого не осталось на дворѣ. Голуби, шумя крыльями,

Пара съ пристяжкой покойно бѣжала спороу рысью (стр. 59).

ми слетѣли на снѣгъ, сбились пестрой стаей надъ просыпаннымъ овсомъ. Пахло со двора мокрымъ снѣгомъ, оттепелью, сѣномъ и дымкомъ. Казалось Наташѣ, что пахнетъ дальней, дальней дорогой, пахнетъ тяжелой разлукой.

— Восяй?! — сквозь слезы проговорила она, — собаченька моя милая! Что же это такое! Сердце мое! Сердце какъ ноетъ!

Восяй положилъ переднія лапы на колѣни Наташѣ, легъ грудью къ ней, смотрѣлъ въ ея заплаканные синіе глаза своими черными, умными собачьими глазами и жалобно повизгивая плакалъ...

Точно жаловался ей на свое собачье горе.

ХІІІ.

ВЪ ДОРОГѢ. НЕЧИСТАЯ СИЛА

Залить сидѣлъ крѣпко, вытѣснивъ собою съ сидѣнья Оедю. И Оедѣ, чтобы не выпасть изъ саней на раскатѣ пришлось выставить ногу и поставить ее на санный отводъ.

Пара съ пристяжкой не крупныхъ, сильныхъ Вятскихъ лошадей съ хвостами, коротко, по ямщицки завязанными узломъ, покойно бѣжала спорою рысью. Подъ дугою у коренника мѣрно позванивалъ колокольчикъ, три бубенчика на ожерелкѣ у пристяжной ему вторили.

Только - только вставало зимнее солнце. Поднималось изъ густыхъ тумановъ блѣдножелтымъ шаромъ и плыло къ голубымъ просторамъ. День обѣщалъ быть ясный, теплый, хорошій.

Москва просыпалась. Кремлевскія церкви гудѣли колоколами къ ранней обѣднѣ. Изъ домовъ появлялись люди. Изъ пекаренъ вкусно пахло горячими калачами и сайками.

Сани попрыгивали съ легкимъ грохотомъ по разѣзженнымъ московскимъ улицамъ, проваливались въ сугробы, гдѣ темнѣла уже вода, шелестѣли по рыхлому разбитому снѣгу.

Навстрѣчу тянулись деревенскіе обозы. Лохматые мел-

кія лошади, въ запотѣвшей курчавой шерсти мѣрно шагали, и имѣ въ ладѣ позванивали колокольцы подѣ дугами. Подѣ рогожами лежалѣ деревенскій припасѣ. Мужики въ просторныхъ азиямахъ и валенкахъ шли рядомѣ съ санями.

Все въ это утро въ Москвѣ казалосѣ Ѳедѣ новымѣ, невиданнымѣ и прекраснымѣ. Никогда не была ему такѣ дорога Москва, какѣ теперь, когда онѣ съ нею прощался. Больно сжималосѣ сердце, когда Ѳедя вспоминалѣ Наташу и готовѣ былѣ плакать, думая о Восѣѣ. Не подозрѣвалѣ Ѳедя ,что онѣ такѣ полюбилѣ собаку, и понялѣ, что онѣ самѣ былѣ для Восѣя.

«Подѣ ѣсть не будетѣ отѣ горя», — думалѣ Ѳедя. — «Сѣ голода подохнетѣ».

Латышѣ молчалѣ. Такѣ было лучше и Ѳедѣ думать свои думы подѣ мѣрно отзванивающіе колокольцы.

Дорогая сабля касаласѣ его бока. Онѣ нѣжно гладилѣ ее рукою. Точно съ нею онѣ сталѣ старше, болѣе взрослымѣ.

Проѣхали Московскія ворота. Стрѣльцы въ потрепанныхъ красныхъ кафтанахъ провѣрили пропуски, и развернуласѣ передѣ Ѳедей далекая ширѣ полей и холмовѣ, пахнуло свѣжимѣ роднымѣ запахомѣ лѣсовѣ, дорога стала глаже, лошади прибавили рыси, свѣжій вѣтерокѣ обвѣвалѣ лицо. Казанскій шляхѣ упирался въ холмы, надѣ которыми еще рдѣло восходными огнями небо.

На второй день пути съ большого широкаго шляха, свернули въ узкій лѣсной проселокѣ. «Почему свернули?» — развѣ Ѳедя зналѣ? Латышѣ все молчалѣ. За весь вчерашній день онѣ и двухъ словѣ не сказалѣ. Ѳедя хотѣлѣ спросить латыша, почему они покинули Казанскую дорогу и углубились въ дремучіе темные лѣса, но посмотрѣлѣ на хмурое, угрюмое лицо съ рыжими клочьями бороды и понялѣ, что отвѣта отѣ латыша не добьешся.

Отдохнувшія за ночь на постояломѣ дворѣ лошади легко бѣжали по мало потаявшей лѣсной дорогѣ. День былѣ

сумрачный. Небо грозилося снѣгомъ. Лиловыя тучи низко нависли надъ лѣсомъ. Рано стало темнѣть.

Уже въ сумеркахъ подѣзжали къ одинокому двору, стоявшему въ лѣсной чащѣ. Сердитая собака глухо залаяла за заборомъ и загремѣла цѣпью. На деревянномъ крыльцѣ съ привязанной къ нему елкой появился старикъ въ рубахѣ и портахъ, въ накинutomъ на плечи бараньемъ тулупѣ.

— Карлъ что-ли? — сиплымъ голосомъ спросилъ онъ.

— Я, — отвѣчалъ латышъ. — Они заговорили по латышски.

Залить приказалъ Оедѣ убрать и поставить лошадей. Когда Оедя пришелъ въ избу, онъ замѣтилъ латыша въ оживленной бесѣдѣ съ хозяиномъ. На столѣ стоялъ горшокъ горячихъ щей и лежалъ буханокъ хлѣба.

— На вотъ, поѣшь, — сказалъ Залить. — Поди усталъ. Заморился.

— Нѣтъ, я ничего, — сказалъ Оедя и принялся за ѣду.

Но за эти два дня пути на свѣжемъ зимнемъ воздухѣ Оедю разморило. Едва онъ кончилъ ѣсть, какъ глаза его сами стали слипаться, заломило и плечи и ноги и потянуло лечь на широкую лавку, накрыться шубою и заснуть.

— Я вамъ не нуженъ, Карлъ Ивановичъ? — спросилъ Оедя.

— Нѣтъ. Лошадей я самъ напою.

— Тогда я лягу.

— Ложись. Отдыхай.

Въ избѣ было темно. Хозяинъ не зажигалъ лучины. Оедя улегся на лавкѣ Изъ широкой печи тянуло тепломъ. Было видно, какъ въ ней подъ пепломъ краснѣли уголья. Будто кто смотрѣлъ изъ печки кровавыми глазами. Маленькое оконце, заклеенное плотной бумагой чуть намѣчалось на темной стѣнѣ. За нимъ глухо шумѣли высокія сосны дремучаго бора.

Оедя лежалъ подъ шубою, открывъ глаза. Ему все слышалось: — «дини-дини-динь-динь» — звонъ колоколицевъ, все казалось — шуршать полозьями сани, глухо постукиваютъ на обледенѣлыхъ ухабахъ, да мѣрно топчутъ бѣгу-

щія лошади. Въ углу подлѣ печки тихо говорили латыши. Хозяинъ въ чемъ то убѣждалъ Залита, Залить отговаривался.

Подъ ихъ разговоръ — Одея и не замѣтилъ — какъ крѣпко заснулъ.

Ты знаешь, кого везешь? — спросилъ Залита старый латышъ.

— Знаю... Купеческаго сына Оедора Чашника... Поручили доставить къ Строгоновымъ. Будетъ учиться торговому дѣлу.

— Не бреши, Карлъ. — Старикъ засмѣялся безубымъ ртомъ.

— Чего мнѣ брехать? Собака брешетъ. Я не собака.

— Такъ говоришь: — купеческаго сына Чашника везешь?

— Ну, да.

— Ты Карлъ большой дуракъ.

— Отъ такового слышу.

— Ты везешь не Чашника... Вчера проѣзжали здѣсь царскіе опричники. Остановливались у меня. Коней кормили. Ищутъ: — отъ царскаго гнѣва укрываютъ какого-то молодого боярскаго сына. Князя... знатнѣйшаго рода.

— Не похоже на то. Я самъ вывезъ мальчика изъ дома стрѣleckаго сотника.

— Не похоже... Ты саблю замѣтилъ?.. Ка-а-кая сабля!.. Это у купеческаго сына, что въ ученіе ѣдетъ, такая сабля!.. А лицо...

Старикъ засвѣтилъ, раздувъ уголекъ, лучину и поднесъ её къ спящему Оедѣ.

— Видалъ? Этотъ красавецъ — купеческій сынъ?

— Князя бы такъ не отправили. Съ нимъ были бы слуги.

— Когда укрыть то надо!.. Лошадей онъ заводилъ, распрягать, супонь отпускать нагнулся, а на груди мѣшокъ монетами брякнулъ!.. Казны съ нимъ!.. Уйма.

— Ну, дальше что?

— Дальше... Казна эта наша.

— Я тебя не понимаю.

— Спать.

— А ты подойди, тронь его. Сейчас за ножъ хватается. Онъ молодой, сильный, ловкій. Ты старикъ, у меня нога поврежденная... Да и не люблю я мокраго дѣла *). Кровь никуда не спрячешь. Говорить человѣческая кровь. Вопіеть о мести.

— Я самъ не люблю, чтобы слѣды оставлять. Кто тебѣ говорить, чтобы это здѣсь дѣлать. Сдѣлаемъ по иному.

— Царь не шутить съ разбойниками. Самъ говоришь — опричники близко.

— Да онъ то кто? Крамольникъ! Еще награду получишь... На опричниковъ скажешь! Они не отрекутся.

Залить покосился на спящаго Ѳеодю. Тотъ, точно почувствовалъ на себѣ взглядъ латыша, откинулъ со лба щекотавшій его волосъ.

— Не справлюсь, — прошепталъ латышъ.

— Со спящимъ?

— Вскочить... Опрокинуть... Ты не смотри — онъ кроткій такой, да вѣжливый. По горлу ножомъ полоснетъ — мое почтеніе.

— Я тебѣ дамъ зелья, понимаешь.

— Ну?

— Бирючій оврагъ знаешь?

— Бываль.

— Завтра, какъ на Клязмино поѣдешь — будетъ тебѣ три дуба. Вотъ какъ тѣ три дуба минуешь, пойдетъ внизъ въ оврагъ лѣсовозная дорога. По ней спустишься. Заночуешь... Тамъ и...

Ѳедя неясно замычалъ во снѣ. Рукою потянулся къ поясу, гдѣ былъ ножъ.

Залить вздрогнулъ и показалъ старику.

— Видаль?.. Какія силы стерегутъ его!

*) «Мокрое дѣло» на воровскомъ языкѣ — убійство.

— Я тебѣ сказалъ, — прошепталъ, наклоняясь къ самому уху Залита старикъ, — зелья дамъ... Ничего не услышитъ. Подъ лѣвую лопатку ножъ... А то вожжей затянешь... Все твое... Мнѣ половина.

— Нѣтъ, ты мнѣ дай такого, чтобы на совѣмъ... Безъ ножа.

— Понимаю... — старикъ, скрививъ глазъ, смотрѣлъ на лавку, гдѣ едва обрисовывался его молодой постоялецъ, крѣпко закутавшійся шубою. — Можно и совѣмъ... Но съ ножомъ всегда лучше.

Залить не отвѣчалъ. Долгое и тяжелое было молчаніе. Наконецъ Залить, чуть слышно, проговорилъ:

— Не люблю я съ ножомъ... Слѣдъ оставляетъ. Закровянишь одежду.

— Первый разъ дѣйствительно страшно, — прошепталъ старикъ, — потомъ ничего... Такъ дать настоящаго крѣпкаго зелья?

Опять наступило долгое молчаніе. Послѣдній отблескъ догоравшаго дня погасъ на бумажномъ оконцѣ. Въ избѣ стала непроглядная тьма. Проснувшійся Одея лежалъ съ открытыми глазами. Онъ слышалъ, какъ глухимъ не своимъ голосомъ сказалъ Залить старику по латышски непонятное короткое слово. Старикъ злобно засмѣялся и, отвѣтивъ утвердительно, ушелъ за перегородку.

И почему то отъ этихъ непонятныхъ словъ стало Оедѣ страшно одиноко и жутко въ этой темной избѣ, въ глухомъ лѣсу, съ чужими людьми. Онъ сталъ горячо молиться. Молился онъ долго и молитва его успокоила, но заснуть уже до самаго утра онъ не могъ.

Выѣхали поздно. Залить ѣхалъ шагомъ, сдерживая порывавшихся впередъ хорошо кормленныхъ лошадей. Опять оба молчали. Нѣсколько разъ Одея хотѣлъ спросить латыша, почему они бросили большой, широкій Казанскій шляхъ и стали путаться кривыми проселками по дремучему лѣсу, гдѣ могли быть и волки и медвѣди, что это за лѣсъ? ско-

ро-ли будетъ какой-нибудь городъ? Но взглянетъ на рыжіе ключья бороды своего спутника, на его хмурое, злое лицо, отъ шрама на лбу казавшееся зловѣщимъ, и замолчитъ.

«Гдѣ получилъ онъ шрамъ?», — думалъ Ѳедя. — «Въ бою? Если въ бою, на чьей сторонѣ онъ былъ — на нашей, или на Ливонской? Можетъ быть дрался вмѣстѣ съ врагами нашими, былъ взятъ въ плѣнъ и поступилъ на службу къ Строгоновымъ?.. Бывалъ-ли онъ раньше на Камѣ и на Чусовой? Ёдетъ онъ увѣренно, видно, что хорошо знаетъ эти мѣста. Спросить?»

Посмотритъ Ѳедя на лицо латыша и пойметъ, что не отвѣтитъ ему латышъ. Скривитъ презрительно и злобно свое лицо, скоситъ стальной, блестящій глазъ и такъ станетъ отъ этого обидно и непріятно Ѳедѣ! Онъ привыкъ къ ласкѣ. Исаковъ и Селезнеевъ всегда охотно отвѣчали на его вопросы. Ну да они были русскіе, свои, православные.

Нѣтъ! Лучше молчать, затаивъ въ себѣ свои вопросы, чѣмъ увидѣть это презрѣніе взрослого къ юному. Примѣтитъ нелюбовь чужеземца къ русскому!

Они ѣхали часа три, никого не встрѣчая, — ни пѣшаго, ни коннаго. Лѣсъ былъ глухой. Зимняя птица не пѣла, и если-бы не путанное кружево узора заячьихъ слѣдовъ на зарыхлѣвшемъ снѣгѣ, можно было бы подумать, что лѣсъ никѣмъ не обитаемъ.

День былъ сырой и теплый. Небо сѣрое, низко спустились темныя тучи къ земли. Легкій подувалъ съ юга вѣтерокъ. Съ одной стороны лѣсъ кончился, была ширь полей и нигдѣ ни дымка, ни избы, ни деревушки.

Въ сторонѣ стояли три старыхъ корявыхъ дуба. Они раскинули кривыя вѣтви, переплелись ими и точно три страшныхъ великана шли на встрѣчу Ѳедѣ. Противъ нихъ латышъ опять свернулъ въ лѣсъ и поѣхалъ шагомъ по старому, уже засыпавшемуся санному слѣду.

Была ли тамъ дорога? Ѳедя чувствовалъ, какъ сани натыкались на пеньки и толкались. Лошади похрапывали, настороживъ уши и шли неохотно. Латышъ покрикивалъ на нихъ:

— Но!.. Но!.. Впер-ротъ! Впер-ротъ!

Темнѣло. Дорога спускалась въ оврагъ. Лѣсъ кругомъ былъ молодой и густой. Сѣрыя сосны стояли часто. Вездѣ лежалъ валежникъ. Кое-гдѣ попадались расчищенныя поляны и на нихъ стояли полѣнницы дровъ. Но нигдѣ не было слышно стука топора, и не было видно человѣческихъ слѣдовъ.

На небольшой прогалинѣ показался шалашъ. Залить направилъ лошадей къ нему.

— Тпру!.. Слѣзай Ѳедоръ... Здѣсь заночуемъ. А завтра опять на шляху будемъ. Верстъ тридцать мы выиграли, спрямили лѣсами.

Эти слова объяснили Ѳедору, почему плутали они по лѣсамъ и успокоили его. По приказанію латыша Ѳедя набралъ валежника и дровъ и разжегши огнивомъ трутъ раздулъ большой костеръ.

Желтое пламя вспыхнуло и загудѣло. Оно освѣтило переднія сосны и еще гуще показался за ними мракъ спускавшейся на землю ночи.

Латышъ устроилъ треногу, навѣсилъ на нее два чугуна и сталъ заправлять похлебку.

Лошадей не отпрягали. Онѣ стояли въ сторонѣ и косились на пламя костра. Когда похлебка стала закипать, латышъ, помѣшивая ее деревянной ложкой, сказалъ Ѳедѣ:

— Поди-ка, Ѳедоръ, напой и задай корма лошадямъ.

Ѳедя пошелъ отъ костра. Залить внимательно слѣдилъ за нимъ. Когда Ѳедя, отвязавъ лошадей, повелъ ихъ съ саними внизъ къ темному ручью и скрылся во мракѣ, латышъ проворно досталъ изъ-за пазухи тряпочку и, развязавъ ее, всыпалъ зеленый порошокъ въ кипѣвшую похлебку. Похлебка зафѣнилась и зашипѣла. Латышъ сталъ ногою раскидывать костеръ и притушивать его въ снѣгу. Лицо его было искажено злобою и страхомъ. Онъ пугливо осматривался по сторонамъ. Въ наступившей мглѣ совсѣмъ скрылись сани и Ѳедя.

Залиту показалось, что сзади него кто-то крадется.

Дрожащій, онъ не смѣлъ оглянуться. Онъ напрягъ свой слухъ.

Что-то шуршало между низкихъ прямыхъ и сухихъ тонкихъ вѣтвей частаго сосняка. Сломалась съ легкимъ трескомъ вѣточка. Этотъ шумъ былъ едва слышный, но Залиту онъ показался громче пушечнаго выстрѣла. Онъ быстро оглянулся. Двѣ огненныхъ точки блистали въ лѣсной чащѣ.

— Чортъ!.. чортъ!.. прошепталъ латышъ и выхватилъ изъ ножонъ кривой ножъ.

Рѣдкіе волосы зашевелились на макушкѣ его головы и встали дыбомъ. Холодный ознобъ охватилъ его тѣло.

— Э! Чепуха!.. Померещилось!.. Еще чугуны перепутаю.

Онъ снова нагнулся къ чугунамъ. И опять сзади упала затрещавшая вѣточка. Отчетливо стали слышны шаги.

Залить быстро оглянулся. Черная тѣнь метнулась въ лѣсной гущѣ. Вспыхнули и погасли огоньки чьихъ то невѣдомыхъ глазъ. Страхъ заставилъ Залита задрожать.

— Ѳедоръ! — крикнулъ онъ въ какомъ то изступленіи. — Ѳедоръ! скорѣе!.. ко мнѣ!... На помощь!..

— Э-ге-пъ!.. Я... — совсѣмъ близко отозвался Ѳедя.

Въ тоже мгновеніе черная тѣнь стремительно прыгнула изъ чащи, опрокинула въ своемъ прыжкѣ оба котелка, залила похлебкой догоравшіе угли и исчезла въ вдругъ наступившей мглѣ.

Залить, какъ сумасшедшій, кинулся туда, гдѣ погромыхивали бубенцы лошадей. Изъ тьмы ночи донесся его дикій крикъ, неистовый звонъ бубенцовъ, трескъ саней... потомъ все стихло...

XIV.

ЧЕТВЕРОНОГИЙ ГОНЕЦЪ

Въ тотъ день, когда уѣхалъ Ѳедя, уже вечеромъ, послѣ ужина, въ женскомъ терему, какъ всегда засвѣтили двѣ восковые свѣчи. Наташа стала раскладывать изъ шкатулки пе-

стрѣ индѣйскіе шелка, чтобы по черному плату кievскимъ мѣткимъ швомъ вышивать сказочные, чудесные цвѣты.

Три сѣнныя дѣвушки помогали ей. На столѣ, на блюдѣ, лежали сласти: — медовый постный сахаръ, каленые орѣхи, изюмъ, пряники и жамки.

Было слышно, какъ поскрипывалъ подъ иглою туго натянутый шелкъ, да иногда какая-нибудь дѣвушка тяжело вздохнетъ и тихо скажетъ: — о, Господи!..

— Скучно мнѣ дѣвушки, — сказала Наташа, — вотъ какъ мнѣ грустно теперь...

— Еще бы не быть скучно, — отвѣтила черноглазая бойкая Дуня, любимица Наташи. — Уѣхалъ суженый въ чужедальную сторонушку... Что тамъ его ожидаетъ.

— И въ Москвѣ не сладко, — сказала другая, дѣвушка постарше, съ худымъ, темнымъ лицомъ. — Сегодня ходила въ церковь... Опять бояръ пытать везли. На шести санняхъ. Съ дѣтями.

— О, Господи!..

— Спойте мнѣ, дѣвушки, какой-нибудь хорошій стихъ, — сказала Наташа.

— Что же спѣтъ то тебѣ, свѣтъ Наталья Степановна? — сказала Дуня.

Она оторвалась отъ работы, вынула изъ рта прикушенный зубами шелкъ и задумалась. Темные глаза ея устремились въ далекое пространство, точно искали въ углу тѣсной горницы образы и слова хорошо знакомой пѣсни.

Полный, грудной голосъ ея вдругъ наполнилъ всю горницу и задрожала слюда въ маленькомъ волоковомъ оконцѣ.

— Во святой землѣ, православной

Нарождается желанное дѣтище

У тоя-ли премудрыя Софіи...

Пѣла Дуня и каріе глаза ея блистали золотистыми огоньками. Марфа, та дѣвушка, что ходила утромъ въ Москву, пристала къ Дунѣ негромкимъ низкимъ голосомъ и два дѣвичьихъ голоса, сплетаясь, понеслись по терему, ста-

ли слышны внизу, гдѣ сидѣли за брагой Исаковъ съ Селезневымъ, въ сосѣдней тѣсной боковушѣ, гдѣ прилегла Марья Тимофеевна, на деорѣ, гдѣ въ сумракѣ, у колодца жильцы поили лошадей.

— Соизволь родимая матушка,
Осударыня премудрая Софія
Ѣхать мнѣ ко Землѣ свѣтло-Русской
Утверждать вѣры христіанскія.

— Вотъ такъ то, — качая красивой головкой, сказала Наташа, — поѣхалъ и нашъ Ѳедоръ Гаврилычъ.

— Наѣзжаетъ онъ, Георгій храброй,
Ко той землѣ свѣтло-Русской,
На тѣ лѣса, на темные,
На тѣ лѣса, на дремучіе.

— Охъ, и гдѣ то онъ теперь? — вздохнула Наташа.
Дѣвушки продолжали согласно пѣть.

— Наѣзжаетъ онъ, Георгій храброй,
На тѣхъ звѣрей, на могучихъ,
На тѣхъ звѣрей, на рогатыхъ...
Ой вы, звѣри, звѣри могучіе!
Ой вы, звѣри, звѣри рогатые!
Заселитесь звѣри могучіе
По всей землѣ свѣтло-Русской!..

На мгновеніе пѣніе прервалось, задрожавъ на высокомъ, красивомъ звукѣ. И въ тишину терема донесся со двора протяжный, печальный вой.

— Это Восяй плачетъ по своему хозяинѣ, — сказала Наташа.

— Онъ, боярышня, сегодня, какъ Ѳедоръ Гавриловичъ уѣхалъ, ни крупиночки не ѣлъ, и воды даже ни капли не пилъ, — сказала Дуня. — Полная кошелка у него костей и

даже мяса ему жильцы положили, а онъ только морду воротить. Запищить жалобно, словно ребенокъ заплачетъ, носъ въ лапы уткнетъ и такъ посмотреть, только что не скажетъ.

— Да вотъ, — сказала пожилая, — и песъ, а тоже чувство какое сильное. Все понимаетъ!

— Да песъ, прости Господи, — сказала Дуня, — онъ вѣрнѣе человѣка будетъ. Песъ и простить и забудетъ, если кого полюбитъ, а человѣкъ обиду то, что камень за пазухой носить... Ишь скулить, какъ жалостно!

— Ну, пойте, дѣвушки, да и бай-бай пора, чай, боярышнѣ, — сказала Марфа и завела своимъ густымъ, точно струна звенящимъ голосомъ:

— Егорій ты нашъ храбрый,
Ты спаси нашего Федора.

Дуня, улыбаясь, пристала къ ея голосу:

— Федора, свѣтъ, Гаврилыча
Во полѣ и за полемъ,
Въ лѣсу и за лѣсомъ,
Подъ свѣтлымъ подъ мѣсяцемъ,
Подъ краснымъ солнышкомъ,
Отъ волка отъ хищнаго,
Отъ медвѣдя лютаго,
Отъ звѣря лукаваго.

— Отъ человѣка злого уберегъ бы моего Федора Гавриловича святой Георгій, — сказала Наташа, вставая изъ-за пяльцевъ. — Ну спасибо, милыя, на бесѣдѣ.

Дѣвушки собирали работу и, кланяясь, уходили изъ горницы. Наташа подошла къ своей постели и мягко опустилась на стеганое одѣяло. Дуня, всегда раздѣвавшая ее, стояла подлѣ.

Руки Наташи безсильно упали на колѣни, голова по-

никла, длинные русые косы сползли на грудь. Наташа стала их расплетать дрожащими пальцами.

— Господи!.. Какъ воетъ!.. Спать не смогу... Плачетъ собака-то...

— Пойди унять его?

— Не уймешь, Дуняша. Пусть выплачетъ свое горе! Такъ то легче... И ему... и мнѣ... Хотя бы вѣсточку какую ему послать? Финиста ясна сокола съискать, чтобы слеталъ къ нему?..

Дуня расплела Наташины косы. Мѣднымъ гребнемъ расчесывала золотистыя волны.

— Боярышня, какъ думаешь, если его теперь пустить, вѣдь онъ найдетъ Ѳедора Гавриловича?

— Кого пустить, Дуня?

— Восяя... Съ цѣпи снять и за калитку выпустить?

— Такъ что же будетъ? Онъ убѣжитъ. А Ѳедоръ Гавриловичъ наказывалъ, чтобы намъ Восяя беречь.

— Онъ, свѣтъ Наталья Степановна, умный. Никуда онъ не убѣжитъ. Слѣдомъ пойдетъ и пойдетъ. И найдетъ Ѳедора Гавриловича.

— Ну найдетъ... А толку то что?

— Какъ что. Да ты же ему напиши какую ни есть записку — онъ и прочтетъ, возрадуется.

— Какъ написать-то, — вздохнула Наташа. — Я читаю, не пишу — писать въ лавочку хожу.

— А мы вотъ, какъ сдѣлаемъ. Ты по церковному то въ книгахъ маленько разбираешь?

— Такъ... больше по памяти, какое мѣсто упомяла.

— Вотъ и выбери какое мѣстечко вразумительное, чтобы Ѳедоръ Гавриловичъ понялъ, что отъ тебя Восяя прибѣжалъ. То то радости будетъ! Да и тебѣ спокойнѣе. — Отъ волка отъ хищнаго, отъ медвѣдя лютаго, отъ звѣря лукаваго, да и отъ человѣка убережетъ собака Ѳедора Гавриловича. Она сильная. Утромъ то два жильца еле сдержатъ

на цѣпи могли. Прямо цѣпь рветъ, ажъ трещить... А зубища-то!.. Что у волка!

— Не собака убережетъ человѣка, а молитва ко Господу.

Наташа глубоко вздохнула.

— Достань, Дуня, съ полочки подъ иконами, псалтырь. Знаешь, въ кожаномъ переплетѣ, самая малая книга.

Наташа листала тяжелыя пергаментныя страницы рукописнаго псалтыря. Она вглядывалась въ пеструю вязь крупныхъ славянскихъ буквъ, въ многочисленные титлы, точно черныя птицы летавшія надъ строками. Разглядывала узорныя тушью, киноварью и купоросомъ расписанныя заглавныя буквы и, едва умѣя читать, различала каждый псаломъ, которые всѣ знали наизусть.

Сколько разъ читалъ ихъ батюшка, отецъ Георгій, а въ молитвенной тишинѣ ихъ слушала вся семья. А послѣдніе мѣсяцы ихъ почти каждый вечеръ читалъ Ѳеодъ и по тому, гдѣ больше замусолены были и почернѣли углы страницъ, гдѣ самыя строчки потемнѣли отъ усердныхъ пальцевъ и отъ восковыхъ капель можно было судить, какіе псалмы были наиболѣе почитаемыми.

— Вотъ, — сказала Наташа, — хорошій стихъ... Ты думаешь, Восяй найдетъ Ѳеодю?

— Найдеть, свѣтъ Наталья Степановна. Теперь тихо — Василій Ярославичъ домой убрались, я слышала, какъ ворота запирали. Батюшка вашъ спать полегли. Никто не услышитъ. А онъ... Слышите, какъ скулить, воетъ и плачетъ и мечется на цѣпи, ажъ сердце надрывается. Вы, какой стихъ надумали, вырѣжьте, мы его зашьемъ въ шелковую ширинку, да на ошейникъ накрутимъ и навяжемъ. Вотъ то хорошо будетъ! А уже за собаку не безпокойтесь. Такъ то побѣжить по слѣду, причуивая, найдетъ Ѳеодора Гавриловича, а ему съ вашей молитвой и совсѣмъ ладно будетъ.

— А латышъ?

— Что же, боярышня? И латышъ не звѣрь — человѣкъ. Покуражится, покочевряжится, а уже ничего не по-

дѣлаешь. Собака отъ нихъ не отстанетъ. Не убьетъ онъ собаки.

Наташа, молча, смотрѣла, то на Дуню, то на псалтырь, то на занавѣшенные голубою занавѣской окна. Весь домъ спалъ глубокимъ, крѣпкимъ сномъ, заливался различными храпами, стоявшими по всѣмъ его спаленкамъ, людскимъ, жилецкимъ, дѣвичьимъ, боковушамъ и клѣтямъ. На дворѣ непрерывно виль, стоналъ и визжалъ, точно рыдалъ Восяй.

— Ну, хорошо, — наконецъ, прошептала Наташа. — Дай мнѣ, Дуня ножницы!

Полный мѣсяцъ ярко свѣтилъ на дворѣ. Густыя, синія тѣни отъ домовъ, сараевъ и высокаго забора легли по хрустящему, подмерзшему ночью снѣгу. Длинные, витые, толстыя въ основаніи, тонкія на концѣ ледяныя сосульки алмазнымъ кружевомъ свисали съ крышъ. Высокія березы въ глубинѣ двора казались въ лунномъ блистаніи живыми. Таинственны были качели между ними и Наташѣ показалось, что тихо покачивается ихъ тяжелая доска.

По синему, темному небу въ яркомъ сіяніи мѣсяца точно души усопшихъ плыли серебряныя, воздушныя, легкія облачка и Наташѣ казалось, что мѣсяцъ стремительно мчится имъ навстрѣчу, все оставаясь на мѣстѣ.

Было смертельно страшно.

Никогда Наташа въ этотъ зимній ночной часъ не выходила изъ своей горницы, никогда не видала она своего двора въ обманчивомъ лунномъ свѣтѣ.

Какъ только скрипнули деревянные, густо посыпанныя пескомъ ступени подъ ногами у Наташи собака замолкла. Звякнула натянувшаяся цѣпь. Легкой побѣжкой Наташа подбѣжала къ Восюю и опустилась на колѣни. Восяй положилъ ей голову на руки и съ такимъ отчаяніемъ посмотрѣлъ на нее, что въ Наташѣ укрѣпилась увѣренность, что Восяй найдетъ Оедю.

— Восюшка, собаченька милая, — тихо сказала На-

таша. — Отыщи ты намъ нашего свѣтъ-Федора Гавриловича.

Восяй глубоко вздохнулъ и забилъ по снѣгу пушистымъ чернымъ хвостомъ.

— Постой, боярышня, я навяжу ему ширинку.

— Дай, Дуня, мнѣ. Я съ молитвою привяжу ее.

Поднявъ къ небу большіе, заплаканные, первое горе познавшіе дѣвичьи глаза, отразивъ въ ихъ глубокой синевѣ ясный мѣсяцъ, Наташа шептала молитву. Потомъ тонкими пальчиками укручивала и увязывала шелковую ширинку, хрустящую бумагой.

Дуня осторожно сняла цѣпь.

— Пойдемъ, Восяй.

Собака точно понимала, что отъ нея требуютъ. Она послушно пошла подлѣ Наташи, державшей ее за кольцо ошейника.

Дуня неслышно отодвинула дубовый засовъ и, пріоткрывъ калитку, выглянула въ нее.

Серебрянымъ полотномъ тянулась улица и темныя избы съ крутыми крышами въ сіяніи мѣсяца казались теремами царевень изъ сказки.

— Можно, боярышня, — поманила она рукою, Наташу. — Никогошеньки никого на всей на Москвѣ!

Наташа подошла съ покорно шедшимъ рядомъ съ нею Восяемъ къ калиткѣ.

«Можно-ли перекрестить Восяя», — подумала она. — «Песъ вѣдь... Поганый песъ... Ну, какой-же онъ поганый? Съ молитвой гонцомъ идетъ къ моему жениху!»

Съ вѣрою перекрестила собаку. Поцѣловала ее въ голову. — Съ Богомъ, Восяй!..

Вынула пальчикъ изъ кольца. Собака посмотрѣла въ глаза Наташѣ, вильнула хвостомъ, опустила морду, нагнулась, и вдругъ понеслась широкимъ собачьимъ наметомъ,

сначала, виляя хвостомъ, потомъ опустивъ его низко «полѣномъ», по волчьѣ.

Обѣ дѣвушки вышли за калитку и слѣдили за Восяемъ. Черная точка неслась по серебряному холсту озаренной луною улицы, домчалась до угла и свернула, скрывшись за домомъ.

— А вѣдь вѣрно пошелъ Восяй, свѣтъ Наталья Степановна, — говорила Дуня, ведя подъ руку Наташу. — Ну увидалъ бы кто изъ людей насъ теперь! Господи! Чего не наплели-бы и на васъ и на меня.

— Никто насъ не видалъ, -- улыbnулась въ первый разъ за день Наташа. — Вотъ развѣ луна?

Дуня погрозила пальчикомъ мѣсяцу.

— Не скажи никому, лунушка-луна, какъ дѣвки по ночамъ гуляютъ.

Обѣ неслышно прокрались въ свѣтелку Наташи.

XV.

НАВСТРѢЧУ СОЛНЦУ!

Глухой темный лѣсъ шумѣлъ надъ Оедей.Гдѣ то далеко звякнули въ послѣдній разъ колокольцы и бубенцы и смолкли. Угольки разбросаннаго костра, залитого похлебкой дотлѣвали въ снѣгу. Низкія темныя тучи дѣлали ночь еще чернѣй. Оеда былъ одинъ въ неизвѣстномъ лѣсу, но ему не было страшно.

Подлѣ него былъ Восяй! Развѣ не чудо было, что Восяй вдругъ очутился подлѣ него въ этомъ страшномъ лѣсу!? И это чудо наполняло сердце Оеди такою страстною глубокою вѣрою въ Промыселъ Божій, что уже не было мѣста въ его сердцѣ страху.

Онъ ласкалъ Восяя и Восяй ласкался къ нему. Восяй пригнулся къ землѣ, Восяй клалъ морду на грудь Оедѣ, вилялъ хвостомъ, тихо, сердечно повизгивалъ точно не зная,

какъ лучше показать Оедѣ всѣ свои собачьи ласки. Оедя рассказывалъ Восюю все то, о чемъ думалъ онъ эти два молчаливыхъ дня, и ему казалось, что Восяй его понимаетъ. Внимательно глаза въ глаза смотрѣла собака, точно и правда слушала и понимала рассказъ Оеди.

Шла свѣжая ночь. И хотя и было морозно, но сквозь морозъ чувствовалось дуновение весны. Въ шубѣ было тепло. Оедя не разжигалъ костра. Онъ усѣлся на потаявшей землѣ, на мѣстѣ костра, на грудѣ обгорѣлаго хвороста и полою бараньей шубы укуталъ Восюю.

Такъ коротали они долгую зимнюю ночь.

Не было сна. Мысли неслись въ головѣ. Что дѣлать? Вернуться домой? Начинать все снова?.. Почему Залить покинулъ его? Что замышлялъ онъ? — Оедя замѣтилъ ножъ латыша, валявшійся подлѣ костра. — Что дѣлалъ Залить этимъ ножомъ? Рѣзалъ-ли хлѣбъ?.. Вонъ большая горбушка его валяется возлѣ опрокинутаго чугуна... Или... что худое замышлялъ?

Вчерашняя ночь вспомнилась Оедѣ. Да... что то подозрительное и страшное было въ томъ, какъ короткими и вѣскими словами перемолвились два латыша. И весь путь по лѣсамъ былъ подозрителенъ. Каждый часъ латышъ могъ вернуться... Или завезъ онъ Оедию нарочно въ глухой лѣсъ и бросилъ... Но... для чего?..

Вѣтеръ становился сильнѣе. Точно море шумѣлъ вершинами сосенъ лѣсъ. Въ небѣ образовались просвѣты. Медленно приближался разсвѣтъ и сквозь лѣсъ ощущался близкій ясный восходъ. Желтѣло между деревьями.

Оедя приподнялъ за переднія лапы Восюю и любовался имъ.

«Вотъ онъ какой у меня умный Восяй?!.. Нашелъ!.. Отыскалъ меня!..»

Слезы умиленія навернулись на глаза мальчика. Рукою онъ перебиралъ густой собачій мѣхъ, заглядывалъ въ темные глаза Восюю, блиставшіе, какъ два черныхъ алмаза. Его

пальцы оцупали ошейникъ, нашли шелковую ширинку*). Одея расправилъ шерсть. Малиновая ширинка?!.. Въ ней что то зашито... Шуршитъ подъ шелкомъ бумага.

Лицо Оеди стало задумчивымъ.

— Такъ ты еще и вѣстникомъ ко мнѣ прибѣжалъ, — тихо сказалъ Оедя. — Отъ кого же ты мнѣ принесъ это?

Восяй, раскрывъ пасть и обнаживъ бѣлые зубы, высунувъ алый языкъ, смотрѣлъ Оедѣ въ глаза. Оедя прочелъ его отвѣтъ.

— Самъ знаешь отъ кого. Отъ свѣтъ Натальи Степановны.

Оедя снялъ малиновую ширинку, распоролъ шовъ ножомъ, вынулъ бумажку.

Двѣ строчки изъ такъ хорошо знакомаго ему псалтыря Степана Филипповича!

Было уже совсѣмъ свѣтло.

Оедя прочиталъ дорогія, святыя слова.

— «На аспида и василиска наступиши и попереши льва и змія».. — было на одномъ отрѣзкѣ. И на другомъ стояло: — «ангеламъ своимъ заповѣсть о тебѣ, на рукахъ возьмутъ тя, да не преткнеши о камень ногу твою»...

Оедя поднималъ голову къ небу. Сквозь частоколъ стволовъ просвѣчивало золотое солнце. Въ этихъ двухъ строкахъ девяностаго псалма Давидова — онъ прочелъ отвѣтъ на всѣ свои вопросы и сомнѣнія.

Онъ всталъ. Поднималъ и положилъ за пазуху горбушку хлѣба, спряталъ за голенище ножъ Залита, гордо и смѣло выпрямился.

Безсонной ночи какъ не бывало. Оедя не чувствовалъ утренняго холода. По всѣмъ жилкамъ бодрая струилась молодая, горячая кровь. Алкала подвига ратнаго.

Оедя зналъ, что ему надо дѣлать.

Онъ раздвинулъ вѣтви деревьевъ и смѣло зашагалъ прямо лѣсомъ. Восяй покорно пошелъ за нимъ.

Навстрѣчу солнцу!

*) Узкая полоска.

XVI.

КТО ЗА КОГО?

Путь, путь!..

Безконечно долгій путь пѣшкомъ. Если нельзя было добраться до Строгоновыхъ лошадьми и на лодкахъ съ вѣрнымъ человѣкомъ, если вѣрный человѣкъ его покинулъ, оказавшись невѣрнымъ, Ѳедя доберется до самаго Каменнаго пояса пѣшкомъ. При немъ бумаги — епистолія*) къ Строгоновымъ, при немъ немного денегъ. Да, развѣ нужны были деньги путнику въ тогдашней темной, забитой, Іоанновой, православной Руси, въ Московскомъ царствѣ государствѣ?

Съ ранняго дѣтства слышалъ Ѳедя, какъ пѣшкомъ, съ котомкой, да посохомъ по всей землѣ Свято-Русской ходили богомольцы и богомолки, странники и странницы, старики и старухи, юноши и дѣвушки, землепроходцы, вольные люди и никто, никогда ихъ не обижалъ. Ходили на далекій сѣверъ въ обитель Соловецкую, ходили въ святой градъ Кіевъ, добирались черезъ чужія земли до Іерусалима и лавры святого Саввы. Гдѣ, гдѣ не бывали странники?.. Вездѣ ихъ принимали, Христа ради.

Такъ пошелъ и Ѳедя.

Постучить въ обѣдъ въ окно затерявшагося поселка; откинется рама съ бумагой, пахнетъ душнымъ запахомъ курной избы, телятами и овцами и выглянетъ темное лицо крестьянина.

Испуганно смотреть на саблю на боку у Ѳеди, на ножъ, на собаку. Не похожъ Ѳедя на странника.

— Дай хлѣбушка, добрый человѣкъ, Христа ради!..

И вотъ это то «Христа ради» открывало сердца, давало довѣріе.

*) Епистолія — письмо.

— Зайди... Не осуди на маломъ.

Въ избѣ еще внимательнѣе смотритъ хозяинъ на страннаго гостя. На ногахъ остатки сапогъ, да онучи, потрепана шуба, видала ночлеги у костровъ, рвалась въ лѣсной чашѣ. И странно на этомъ оборванномъ уборѣ лежитъ дорогая въ серебрѣ сабля.

— Отъ царскаго гнѣва что-ли бѣжалъ?

— Нѣтъ.

— Казакъ?

— Нѣтъ.

И Одея рассказывалъ, куда и зачѣмъ онъ идетъ.

Вездѣ Одея находилъ и пищу и ласковое слово. Гдѣ подвезутъ его къ Волгѣ поближе, гдѣ дорогу покажутъ, гдѣ заночуетъ, гдѣ переднюетъ, почитаетъ на память псалмы, споетъ стихиры — и всюду принять, обласканъ, обвѣянъ теплымъ русскимъ гостепріимствомъ.

Человѣкъ Божій!

Чѣмъ дальше уходилъ Одея отъ Москвы, чѣмъ ближе была такъ желанная ему Волга, тѣмъ меньше становилось дорогъ, тѣмъ рѣже были селенія, деревушки, отдѣльныя избы лѣсорубовъ и охотниковъ.

Весна наступала. Звенѣли ручьи. Изъ черной, сырой земли вездѣ пробивалась трава, лѣсъ издали казался густымъ и лиловымъ, по вербѣ бѣлыми пушинками побѣжали барашки, съ орѣшины свисали зеленые вьющіеся червячки цвѣтовъ и легче стало дышать.

На послѣднемъ ночлегѣ у охотника Зырянина ему показали лѣсную дорогу, по которой Одея долженъ былъ къ концу дня выйти на большой Казанскій шляхъ, къ городу Свіяжску.

Но, не понялъ-ли Одея, что толковалъ ему Зырянинъ, или дорога, куда онъ свернулъ въ лѣсу была не та, но только она становилась все глуше, колеи исчезли, она поросла молодою травою, бѣлые цвѣточки, росшіе по лѣсу поползли по ней и наконецъ она исчезла. Одея пошелъ ее искать, хотѣлъ вернуться обратно и окончательно запутался въ лѣсу.

Когда Одея замѣтилъ, что сбился съ пути онъ стоялъ подъ громаднымъ, кряжистымъ дубомъ. Одея запомнилъ продолговатое дупло въ немъ, исполинскія вѣтви, тянувшіяся во всѣ стороны. Ими точно растолкалъ отъ себя лѣсъ этотъ дубъ, образовавъ небольшую поляну, густо поросшую желто-коричневымъ папоротникомъ.

Въ поискахъ дороги Одея шелъ долго. Когда началъ искать, солнце было надъ головою, коротка была тѣнь, а теперь тѣни тянулись далеко и иногда сквозь лѣсную гущу просвѣчивалъ красный солнечный дискъ.

И опять тотъ же дубъ. Тоже дупло. И папоротникъ примять подъ нимъ. Видно: — лѣшій водилъ Одея по лѣсу. На суку чмокаетъ сѣрая бѣлка. Смѣется надъ Одей. Отчаяніе напало на Одея. Куда же идти? Отъ усталости стало все тѣло. Одея рѣшилъ заночевать въ лѣсу. Хлѣбъ еще былъ, вода была недалеко. Одея сложилъ небольшой шалашъ, развелъ костеръ и прилегъ на корняхъ у дуба. Усталый Восяй лежалъ рядомъ.

«Утро вечера мудренѣе», думалъ Одея, устраивая себѣ изъ сухого папоротника ложе. Онъ поѣлъ хлѣба съ водой, накормилъ исхудалаго за время пути Восяя и прилегъ.

Медленно и незамѣтно вступала ночь въ лѣсъ. Смолкали лѣсные шумы. Еще долго, почти въ темнотѣ пѣли птицы, да гдѣ то далеко, въ самой чащѣ куковала кукушка. Потомъ все стихло. Ночью кричала сова, но и она смолкла. Одея спалъ крѣпкимъ сномъ. Его сторожилъ Восяй.

Проснулся Одея, когда еще было темно. По свѣтлѣвшему небу тянула станка дикихъ лебедей. Они протяжно и печально кликали — и этотъ звукъ и разбудилъ Одея. Сырой туманъ поднимался съ земли. Лѣсъ былъ наполненъ гулкимъ шумомъ тетеревиного бормотанья. Совсѣмъ близко отъ Оеди порвалась изъ лужины старая кряква. Нѣмой и, казалось, пустой лѣсъ оживалъ.

Долго сидѣлъ Одея, прислушиваясь къ этой шумной лѣсной жизни и стараясь понять ее. Восяй лежалъ смирно подѣ него. Онъ тоже слушалъ, настороживъ уши, пригля-

дывался въ свѣтлѣющую мглу и сладко зѣвалъ, выворачивая глаза.

Тетерева и глухари смолкали. Хоръ маленькихъ птичекъ — снѣгирей, клестовъ, чижей, малиновокъ, синичекъ, смѣнилъ токованіе крупныхъ птицъ. Туманъ осѣдалъ рою на землю. На каждомъ бѣленькомъ цвѣточкѣ алмазная горѣла капля. За одну ночь, казалось Ѳедѣ, набухли на деревьяхъ и кустахъ почки и лѣсъ сталъ гуще.

— Пойдемъ, — сказалъ Ѳедя, вставая, — пойдемъ Восей, куда-нибудь, да выйдемъ. Если идти прямо — гдѣ-нибудь да будетъ конецъ лѣса...

Нелегокъ былъ прямой путь. То и дѣло сваленныя бурей громадныя ели преграждали его. Онѣ лежали косматыми чудовищами. Ихъ приходилось обходить и Ѳедя терялъ направление. Онъ старался идти на востокъ. И пока солнце было низко это ему удавалось, но по мѣрѣ того, какъ солнце поднималось, Ѳедя невольно уклонялся къ югу и боялся, что снова закружитъ.

Голодъ давалъ себя чувствовать. Туже подтягивалъ поясъ Ѳедя, жевалъ сухія листья, кору, стараясь себя обмануть. Восей былъ счастливѣе его. Онъ что то находилъ во мху, за кѣмъ то гонялся. Хрустѣли на его зубахъ чьи то косточки и онъ помахивалъ хвостомъ.

То густая поросль кустовъ — ольхи, орѣха перегородить путь и надо, или обходить ее, или продираться черезъ нее, то крутой оврагъ станетъ поперекъ. Шумить внизу ручей. На сѣверномъ пристѣнѣ лежатъ пласты ноздреватаго, почернѣвшаго снѣга и изъ оврага несетъ холодомъ какъ изъ погребѣ.

Къ вечеру Ѳедя совсѣмъ выбился изъ силъ, а подвинулся ли онъ къ цѣли пути, или нѣтъ — онъ и самъ не зналъ. Все время приходилось уклоняться въ стороны.

Опять былъ одинокій, голодный ночлегъ въ лѣсу. Опять лѣсные шумы пугали Ѳедю и не давали ему спать.

И еще, и еще прошли дни. Лѣсъ точно не хотѣлъ выпускать Оедю. Голодъ мучилъ. Въ забытіи сна все снилась ѣда. Горячіе, душистые караван ржаного хлѣба, грешневые блины цѣлыми стопками, бѣлозерскій снѣтокъ, поджаренный въ маслѣ. Оедя просыпался. Ему мерещилось, что — вотъ онъ — лежитъ караван хлѣба. Протянуть только руку. Онъ протягивалъ руку, а хлѣбъ прыгалъ отъ него на дерево, висѣлъ на суку. Оедя тянулся за нимъ, а хлѣбъ былъ уже на небѣ — и Оедя просыпался въ мучительной голодной тоскѣ.

Была ночь. Которая по счету въ лѣсу — Оедя не помнилъ. Третья, или четвертая. Онъ быстро слабѣлъ и теперь долго и крѣпко спалъ, не обращая вниманія на лѣсные шумы.

Медвѣдь вышелъ изъ чащи.

Онъ проснулся отъ громкаго и злобнаго лая Вося. Оедя приподнялъ тяжелую голову.

Былъ мутный разсвѣтъ. Мелкій дождь уныло моросилъ

съ холоднаго сѣраго неба. Лѣсъ нахохлился и сталъ темнымъ и зловѣщимъ.

Въ пятидесяти шагахъ отъ Оеди Восяй съ поднявшеюся на спинѣ дыбомъ шерстью старался преградить дорогу большому бурому медвѣдю. Медвѣдь былъ облѣзлый, худой и голодный. Онъ вышелъ изъ чащи и, обнюхивая землю, шелъ къ Оедѣ. Его маленькіе черные глаза смотрѣли на мальчика и онъ то лапой, то мордой откидывалъ въ сторону собаку. И пока собака оправлялась и вскакивала, медвѣдь валкой побѣжкой пробѣгалъ шаговъ десять, приближаясь къ Оедѣ. Но на него снова со злобнымъ лаемъ кидался Восяй, старался схватить его за бокъ, или за гачи*) и медвѣдь опять останавливался, присѣдалъ и ловкимъ ударомъ лапы отшвыривалъ собаку далеко отъ себя.

Оедя созналъ опасность и вскочилъ на ноги. Смертельный ужасъ заставилъ его позабыть усталость и голодъ. Сзади него была сосна съ высокимъ и прямымъ стволомъ. Оедя бросился къ ней, влѣзъ до первыхъ вѣтвей и притаился на нихъ.

Медвѣдь, занятый борьбой съ Восяемъ, проглядѣлъ, какъ Оедя лѣзъ на дерево и теперь остановился, какъ бы недоумѣвая, куда онъ дѣвался. Восяй продолжалъ прыгать подлѣ него, злобно на него лая.

Тогда медвѣдь бросился на собаку. Восяй увернулся, стараясь ловкими прыжками отвлечь медвѣдя отъ дерева, гдѣ скрылся Оедя. Но разсвирѣпѣвшій медвѣдь сталъ необычайно ловокъ. Онъ настигъ Восяя, быстрымъ взмахомъ обѣихъ лапъ, какъ бы обнимая, подмялъ подъ себя Восяя. Оедя услышалъ жалобный визгъ, потомъ все стихло.

Ни о чемъ другомъ не думая, какъ только о томъ, чтобы спасти Восяя, Оедя спрыгнулъ на землю, выхватилъ ножъ и побѣждалъ на медвѣдя.

Медвѣдь сейчасъ же оставилъ Восяя и, поднявшись на заднія лапы, пошелъ навстрѣчу Оедѣ. Зажмуривъ отъ стра-

*) Заднія ноги.

ха глаза, выставивъ впередъ руку съ ножомъ, Оеда бросился на медвѣдя. Человѣкъ и звѣрь сплелись въ страшномъ смертельномъ объятіи и оба рухнули на землю.

Оеда очнулся отъ прикосновенія чего то теплаго и влажнаго къ лицу и къ плечу. Это прикосновеніе было болѣзненно и въ тоже время успокаивало ѣдкую, саднящую боль у лба и на плечѣ. Онъ чувствовалъ во всемъ тѣлѣ леденящую сырость все сыпавшаго и сыпавшаго мелкаго дождя и ощутилъ терпкій запахъ медвѣжьяго мѣха и крови.

Онъ приоткрылъ глаза. И сейчасъ же увидѣлъ Восяя. Собака лизала ему лицо и плечо разодранныя медвѣдемъ.

Самъ медвѣдь лежалъ подлѣ съ большимъ ножомъ, по самую рукоятку всаженнымъ въ его лѣвый бокъ. Голова Оеди была мутна. Слабость была большая. Мысль, сознаніе, соображеніе медленно возвращались къ нему. Онъ ощущалъ себя. Съ лица кое-гдѣ была содрана кожа и сочилась кровь. Плечо было разодрано медвѣжьими когтями. Оеда снялъ шубу, кафтанъ, оторвалъ кусокъ рубашки и помочивъ въ мокромъ мху перевязалъ себѣ раны. Одѣвшись онъ подозвалъ Восяя.

— А ты, Восяй?

Восяй былъ весь израненъ. Увидѣвъ, что его хозяинъ перевязался, что онъ шевелится, что онъ живъ, Восяй сталъ весело лаять и прыгать подлѣ Оеди. Потомъ улегся и зализывалъ раны.

Большое напряженіе, испытанное Оедей, только что пережитая смертельная опасность вернули ему силы и заставили позабыть голодъ и усталость. Оеда ласкалъ Восяя и думалъ о томъ, что же дѣлать дальше?

Выходило не такъ плохо. Передъ нимъ лежала громадная туша убитаго медвѣдя. У Оеди были ножи, у него были цѣлы труть и огниво. Медвѣдь его накормить, медвѣдь дастъ ему запасы на много дней, а тамъ и — Волга!

— Живо! за дѣло!

Скорняцкая выучка сказалась въ немъ. Онъ умѣло снялъ съ медвѣдя часть шкуры, отдѣлилъ заднюю ногу, развелъ костеръ и наладилъ палки, чтобы жарить медвѣжье мясо.

Вкусный запахъ жареной медвѣжатины сталъ раздражать Ѳедю. Онъ дождался, когда мясо было готово и приступилъ къ обѣду, бросая большіе куски улегшейся подлѣ него собакѣ.

И когда совсѣмъ насытился, устроился подъ деревомъ и сталъ мечтать о Волгѣ.

XVII.

ВОЛГА

«Кормилица Волга!»... «Волга матушка!.. Волга мать родная... Волга Русская рѣка!...».

Москва и Волга въ представленіи Ѳеди слились въ одно. И обѣ были святы для него. Сколько разъ въ домѣ отца, человѣка ученаго и бывалаго, смотрѣлъ онъ на чертежъ земли Московской. Какъ становой хребетъ, или какъ нѣкая животворящая жила прорѣзывала Волга всю свято-русскую землю. Начиналась въ глуши Валдайскихъ горъ, въ зеленыхъ, мшистыхъ болотахъ, гдѣ свѣтлымъ кипуномъ выбивается изъ земли ручеекъ и, огибая стороною Москву текла на югъ громадною рѣкою, пересѣкая цѣлый рядъ невѣдомыхъ прекрасныхъ царствъ. Царство Казанское, которое такъ доблестно завоевали въ 1552 году Іоанновы дружины и гдѣ сражались его отецъ, Исаковъ и Селезнеевъ, Саратовскія степи, полныя разбойниковъ и царство Астраханское.

Чего-чего не дарила Москвѣ Волга!

Зимою вдругъ длинными громадными колодами станутъ у лавокъ въ рыбномъ ряду мороженые осетры, розовыми пластами ляжетъ искрящаяся опаловымъ жиромъ, точно прозрачная бѣлуга, нарубленная толстыми полу-

довыми пластами, въ сѣрыхъ крѣпкихъ бляшкахъ на бокахъ и спинѣ навалена тонкая стерлядь, а въ корзинахъ груды покрытыхъ обледенѣлымъ снѣгомъ сѣро-зеленыхъ съ бѣлымъ брюхомъ, чернополосыхъ судаковъ... Откуда?.. — съ Волги!

Осенью, когда придуть караваны барокъ съ Оки — вдругъ наполнятся лавки желтыми мылами, розовыми конфетами, кедровыми орѣшками, фундуками, изюмомъ, фишашками, всякими восточными сладостями, шелковыми тканями, золотыми вышивками, коврами, мѣдной и глиняной татарской посудой, азіатскимъ ладаннымъ куреньемъ, — все съ Волги, съ нея кормилицы, съ нея Русской, родной рѣки!

Туда шли Русскіе люди на смѣну татарамъ и оттуда возвращались крѣпкими, рослыми, могучими — богатырями — точно не водою, а материнскимъ молокомъ кормила и поила ихъ Волга-матушка.

Три съ половиной тысячи верстъ протекала Волга и все по Московской землѣ!..

Сытый, отдохнувшій, оправившійся отъ ранъ, полученныхъ въ схваткѣ съ медвѣдемъ Одея все это вспоминалъ, собираясь въ путь — искать Волгу. Онъ отдохнулъ три дня, питаясь мясомъ медвѣдя, дождался, что подсохли и зарубцевались раны, навялилъ на дорогу медвѣжатины и бодро, окрыленный побѣдою, вѣруя въ то, что Господь и дальше защититъ и охранитъ его, пошелъ на востокъ.

Это былъ очаровательный день! Разсвѣтъ загорался за лѣсомъ и по широкому зареву солнечнаго восхода, Одея видѣлъ, что это конецъ лѣса — дальше была — ширь!

Оттуда тянуло такимъ нѣжнымъ запахомъ воднаго простора, что Одея понималъ, что тамъ Волга.

Одея всталъ со своего ночлега, шестого послѣ того, какъ онъ покинулъ мѣсто, гдѣ убилъ медвѣдя, и бодро зашагалъ впередъ.

Лѣсъ подошелъ къ крутому обрыву и кончился.

Густой туманъ лежалъ внизу и скрывалъ рѣку. Но она чувствовалась своимъ тихимъ, величавымъ теченіемъ. Иногда въ тишину утра, войдетъ тихій всплескъ волны. Точно внизу вздохнетъ рѣка.

Съ сильно бьющимся сердцемъ, опираясь на выломанный сукъ, Одея сталъ сбѣгать по почти отвѣсной песчаной кручѣ. Хватался за паутиной свисавшіе съ обрыва тонкіе древесные корни, за кусты, за камни и катился, сопровождаемый Восаемъ къ рѣкѣ.

Волга точно спала подъ тяжелымъ сѣрымъ пуховикомъ тумана. За нимъ не было видно другого лугового берега и безконечная гладь медленно неслась мимо Оеди и казалась безбрежной.

Подъ ногами у Оеди былъ серебристый песокъ, изрѣзанный тонкимъ кружевомъ волнъ. Лежали ракушки, обломки старого сѣраго камыша. Грудь распирало свѣжимъ дыханіемъ могучей рѣки.

Одея склонился къ водѣ. Въ темныхъ глубинахъ, какъ въ зеркалѣ, отразилось его черное, загорѣлое, прокопченное въ дымахъ костровъ лицо съ большимъ шрамомъ черезъ весь лобъ. Шуба и кафтанъ въ лохмотьяхъ, опорки, рваныя онучи все, какъ у нищаго, у послѣдняго человѣка, — и только сабля блистала на боку, какъ у дворянина.

Восай вошелъ по грудь въ воду и жадно пилъ.

— Восай, — сказалъ Одея, — ты понимаешь: — это Волга! Это Волжская вода!

Восай оторвался отъ воды и посмотрѣлъ на Оедю умными глазами.

— Ты радъ? — какъ будто бы сказалъ онъ. — Ну и я радъ. Твоя радость — моя радость. Ибо я твоя собака!

Одея вымылся въ ледяной водѣ, выстиралъ лохмотья своей рубахи и пока она сохла, лежалъ, закутавшись въ шубу подъ лучами поднимающагося солнца.

Что будетъ дальше онъ не думалъ. Онъ дошелъ до Волги. На Волгѣ онъ найдетъ добрыхъ людей, которые поставятъ его къ Строгоновымъ.

Христово имя накормить и проводить его опять.

Надъ его головою, въ лѣсу, пѣли птицы. Передъ нимъ, каждое мгновеніе мѣняа краски и очертанія, развертывалась никогда невиданная имъ картина могучей рѣки. Туманы таили подъ солнцемъ. Уже сталъ видѣнъ вдали широкимъ разливомъ покрытый берегъ. Опушившіяся зеленью ветлы вѣниками торчали изъ воды. За ними была безкрайняя ширь, синяя, сливавшаяся съ быстро синѣвшимъ небомъ. Туманъ бѣлыми тонкими простынями еще лежалъ кое-гдѣ надъ ставшей лилово-синей рѣкой.

Вдругъ тутъ тамъ ослѣпительно яркими огоньками вспыхнула поднявшаяся по рѣкѣ рябь. Вѣтерокъ разогналъ остатки тумановъ, рѣка просвѣтлѣла, и точно улыбнулась, сдѣлавшись серебристо бѣлой. Синь осталась только вдали. Середина горѣла на солнцѣ и часто тутъ и тамъ вспыхивали яркими огоньками переплески крошечныхъ волнъ.

Бѣлыя чайки съ рѣзкимъ чаканіемъ носились надъ рѣкою.

Волга неслась передъ Ѳедей тихая, нѣмая и совершенно безлюдная.

XVIII.

«ВИППЪ — ВУППЪ»...

Цѣлый день просидѣлъ Ѳедея на берегу. Волга текла передъ нимъ все такая же прекрасная, широкая, торжественная и безлюдная. Ни одинъ корабль, ни одна баржа, или лодка не показались на ней. Точно изъ невѣдомаго, безлюднаго царства выходила она и въ такое же невѣдомое царство исчезала.

Рѣка текла съ запада. Въ ея верхнемъ теченіи образовалась широкая заводь, покрытая старымъ сухимъ камышомъ. Передъ закатомъ тамъ зарозовѣла вода, отражая небо. Стая бѣлыхъ лебедей опустилась туда и скрылась въ камышахъ. Тише становилось на рѣкѣ. Плеснетъ на стреж-

нѣ большая рыба. Стекляннымъ, прозрачнымъ звукомъ до-несется этотъ плескъ до Оеди и опять молчаливо величественное стремленіе водныхъ просторовъ. Сладко кружится отъ него у Оеди голова.

Вдругъ разомъ, чѣмъ то потревоженные, трубнымъ возгласомъ загыкали въ камышахъ лебеди, снялись съ воды и потянули на сѣверъ. И былъ въ этомъ внезапномъ полетѣ, какой то знакъ предупрежденія.

Восяй, лежавшій подлѣ Оеди, насторожился и приподнялся на переднія лапы. Въ тишину наступавшаго вечера по задремавшей рѣкѣ понеслись слабые мѣрные звуки.

— «Виппъ — вуппъ»... — небольшой промежутокъ тишины — и опять — «виппъ — вуппъ»... и снова черезъ такое же время — «виппъ — вуппъ».

Только люди могли производить такіе мѣрные звуки. Еще ничего за поворотомъ рѣки не было видно, а уже сталъ слышенъ звенящій шелестъ раздвигаемой волны.

Оедя напряженно вглядывался въ золотистую даль рѣки. Тамъ пламенѣло небо. Красное солнце прозрачнымъ громаднымъ шаромъ опускалось къ рѣкѣ и слѣпило Оедѣ глаза.

Отчетливѣе были мѣрные звуки, легкій скрипъ и шелестъ воды. Вдругъ ясно по рѣкѣ донесся пріятный нѣжный мужской голосъ. Онъ казался совсѣмъ близкимъ. Слова легко было разобрать.

— Внизъ по Волгѣ рѣкѣ
Съ Нижня Новгорода!.. —

пѣлъ тотъ голосъ.

И разомъ грянула хоровая пѣсня: —

— Снаряженъ стружокъ,
Какъ стрѣла летить!

Совсѣмъ неожиданно, и не тамъ, гдѣ думалъ увидѣть пѣвцовъ Оедя, изъ-за поворота рѣки выдвинулась большая темная одномачтовая лодка. Паруса были убраны. Косая

рея чуть колебалась при напорѣ весель. Въ восемь паръ гребли на ней гребцы и скрипъ деревянныхъ уключинъ, мѣрно, въ ладъ вторилъ пѣснѣ: — «виппъ — вуппъ».

Въ лучахъ заходящаго солнца ладья казалась позолоченной и огневыми искрами спадала съ весель вода. Уже хорошо стали видны гребцы. Въ пестрыхъ рубахахъ, равныхъ бараньихъ и собачьихъ шапкахъ, кто въ накинутомъ на плечи рыжемъ заплатанномъ азымѣ, они гребли привычными руками подъ ладъ пѣсни, которую пѣли на кормѣ вооруженные пищалями и луками съ колчанами стрѣлъ люди. Красные саадаки*) луковъ сафьяновой кожи, золотомъ и серебромъ горѣвшія сабли на бокахъ у стоявшихъ и сидѣвшихъ людей не соотвѣтствовали ихъ бѣдной и рваной одеждѣ и Одея догадался, скорѣе почувствовалъ, что это шла по рѣкѣ разбойничья казачья вольница.

Его еще не увидали. Онъ взялъ Вося за ошейникъ и втянулъ его, скрываясь въ кустахъ.

Лодка быстро приближалась, спускаясь внизъ по теченію. Нѣжный, за сердце хватающій и точно печальный въ прохладѣ угасающаго весенняго дня голосъ продолжалъ пѣть. Каждое слово было отчетливо слышно Оедѣ.

— А на томъ, на стружкѣ,
На снаряженномъ,

четко выговаривалъ запѣвало и хоръ отвѣтилъ ему: —

— Удалыхъ гребцовъ
Сорокъ два сидить.

Пѣсня влекла и тянула Оедю. Вся тоска долгаго одиночества въ лѣсу поднялась въ немъ и залила его сердце страстнымъ желаніемъ соединиться и быть заодно съ этими, изъ невѣдомой дали появившимися и въ невѣдомую даль уплы-

*) Саадакъ — чохолъ для лука изъ тонкихъ досокъ, или кожи.

вающими людьми. И, будто приглашая Оедю и представляя ему, отчетливо и вѣско бросилъ запѣвало: —

— Удалы тѣ гребцы
Казакъи стародавніе,

и хоръ отвѣтилъ, мягко замирая: —

— Атаманъ у казаковъ
Ермолай Тимофеевичъ...

«Ермолай Тимофеевичъ», — думалъ Оедя. — Тотъ самый Ермакъ, о комъ зимнимъ вечеромъ рассказывалъ Исаковъ и къ кому съ того рассказа непонятнымъ образомъ тянуло Федю. — «Ермолай Тимофеевичъ здѣсь на этомъ мимо плывущемъ стругѣ. Не судьба-ли это указываетъ мнѣ, куда идти?.. Вору-казакъи... Да вѣдь люди же».

Уже почти напротивъ Оеди была лодка. Усталые гребцы сушили весла и отдаваясь теченію ладья плыла тихо, приближаясь къ Оедѣ.

— Есаулъ у казаковъ
Гаврила Лаврентьевичъ...

Ясно стали видны богатые сабельные уборы на казакахъ. На кормѣ грудой были навалены дорогіе мѣха. Насыпаны въ повалку, видно поспѣшно выкинутые изъ деревянныхъ ящиковъ.

Еще не замеръ въ воздухѣ голосъ запѣвалы, какъ Оедя вышелъ изъ своего укрытія, замахалъ шапкой и что было мочи крикнулъ:

— Братцы!.. Родимые!.. Спасите!.. Христа ради!

Хоръ не продолжилъ пѣсни. Казакъ на кормовомъ веслѣ спросилъ что то у сидѣвшаго подъ нимъ чернобородаго худого казака, одѣтаго богаче другихъ и лодка, описывая плавную дугу направилась къ берегу.

Казаци окружили Федю (къ стр. 92).

СОБАЧЬЯ НАУКА ПРИГОДИЛАСЬ

Казакѣ выпрыгнули на берегъ и окружили Оедю. Смущенный Восѣй жался къ Оединымъ ногамъ.

Загорѣлые, черные, съ растрепанными вѣтромъ бородами, молодые и старые, широко грудые, сильные, они разглядывали безъ стѣсненія Оедю, какъ какое то заморское чудо.

— Что за человѣкъ? — зычно крикнулъ одинъ изъ казакѣвъ.

— Я купецъ... Купеческій сынъ...

Краснорожій молодецъ, совсѣмъ юноша съ едва пробивающимися надъ пухлой черной губою свѣтлыми усами бросилъ скороговоркой.

— А ты чей молодецъ?.. Торжковскій купецъ. — А гдѣ былъ — въ Москвѣ помѣру ходить!..

— Га-га-га-га! — захохотали буйнымъ смѣхомъ казакѣвъ.

— Ловко Меркуловъ уклеилъ... Купецъ! — рожа то самая купецкая!.. Гдѣ раны получилъ?

— Это меня въ лѣсу, — смущенно сказалъ Оедя. — Медвѣдь задралъ...

— Охотникъ что-ль? — спросилъ первый.

— А саблю у кого укралъ? Гляньте, братцы, какая у него сабля.

Никита Панъ.

Изъ лодки степенно вышелъ чернобородый казакъ. Обступившіе Оедю казакѣвъ раздались и примолкли съ тихимъ шопотомъ: — «атаманъ!.. атаманъ!».

Өедя снялъ шапку и стоялъ передъ высокимъ и худымъ казакомъ въ чистой бѣлой рубахѣ, въ кафтанѣ на опашь и сапогахъ красной кожи.

— Чей ты? — негромкимъ голосомъ спросилъ атаманъ. — Я — Чашниковъ, — и Өедя, смущаясь, заикаясь и повторяясь разсказалъ всю свою исторію отъ самаго пожара, до того, какъ онъ дошелъ до Волги. Онъ досталъ изъ-за пазухи потемнѣвшій свертокъ алаго шелка и вынулъ оттуда бумаги — письмо къ Строгоновымъ.

Атаманъ внимательно выслушалъ Өедю. Толпившіеся кругомъ казаки, казалось, были тронуты злоключеніями юноши.

— Малый какой, — сказалъ кто то въ толпѣ, — а чего, чего не повидалъ на своемъ вѣку.

— Тому латышу горло надо перегрызть, — замѣтилъ Меркуловъ.

— Они такіе... самые предатели!

— Что-жъ? — не возвышая голоса, покойно и властно сказалъ атаманъ. — Какъ положите, атаманы молодцы, доставимъ молодца къ купцамъ Строгоновымъ?

— Отчего не доставить?.. Доставимъ... Не объѣстъ, не обопьетъ насъ.

— Въ добрый часъ!

— Атаманъ, — блистая наворачнувшимися на глаза слезами благодарности, сказалъ Өедя, — разрѣши мнѣ и собаку взять?

Атаманъ еще ничего не отвѣтилъ, какъ загудѣли голоса:

— Чего тамъ собаку! На что она!

— Песъ поганый на ладью съ иконами...

— Ладья, что церква, нельзя туда, атаманъ, пса пускать.

— Нѣтъ, — строго сказалъ атаманъ, — я не могу пустить пса на ладью. Казаки противъ этого. Ступай, садись,

— А какъ же собаку? — молвилъ Өедя.

— Да хвати ее, Меркуловъ, за заднія ноги да шваркни затылкомъ о землю, чтобы духъ вонъ!

— Ишь какой боя-ринъ!.. Его самого спасаютъ, такъ ему еще и собаку надо!..

— Ну, ай-да! — прикрикнулъ на Ѳедю атаманъ.

— Атаманъ! она у меня ученая!..

— У насъ тутъ, братъ, не ярмарка, чтобы ученыхъ собакъ на игрищахъ показывать! — сказалъ краснорожій казакъ.

— И мы не нѣмцы, или геновейцы*) какіе, чтобы такой пустяковиной заниматься.

— Атаманъ, — плача, говорилъ Ѳедя, — позволь показать, что она умѣетъ.

— А ну, пусть покажетъ, прикончить всегда успѣемъ.

Лодка стояла у берега. Ея корма, гдѣ навалены были мѣха, упиралась въ песокъ. На лодкѣ никого изъ казаковъ не было.

— Восяй, — показывая рукой на мѣха и на атамана, сказалъ Ѳедя, — принеси атаману лисицу.

Восяй проскочилъ мимо казаковъ на лодку, разметалъ мордой звѣриныя шкуры и, схвативъ алый лисій мѣхъ, принесъ его атаману.

— Ахъ ты! — раздалось въ толпѣ...

— Вотъ такъ песъ!.. А ну-ка еще чего?

— Восяй, подай атаману соболя.

Собака безъ ошибки достала и принесла связку соболей.

— А еще, — ревѣли, хохоча, казаки.

— Восяй... куничку!

Восяй прыгнулъ въ лодку, мордой разметалъ всѣ мѣха и сталъ у борта, лая, точно что спрашивалъ.

— А вѣдь и точно... Куницы ни одной въ добычу не попалось, — сказалъ молодой казакъ.

— Ну и песъ!.. Такого пса точно на ярмонкѣ можно показывать.

— Ну, — сказалъ атаманъ, — побаловались и буде... Ай да на лодку.

— А собака?..

*) Геновейцы — генуезцы, моряки, жители итальянскаго города Генуи. Ихъ видали казаки въ Малой Азіи и въ Крыму.

Никто ничего не отвѣтилъ. Меркуловъ взялъ Ѳедю подъ локоть и повелъ его, поталкивая на лодку. Остальные казаки толпою разомъ вспрыгнули за бортъ и размѣстились по скамьямъ. За Ѳедей, незамѣтно въ толпѣ казаковъ прыгнулъ въ ладью Восяй и улегся комочкомъ подъ его ногами.

Ни атаманъ, ни казаки не сказали ни слова. Точно не видали собаки.

Рыжій молодецъ отпихивался шестомъ отъ берега. Днище лодки скрипѣло по песку. Лодка мягко колыхнулась на глубокой водѣ. Казаки разобрали весла.

— На воду! — приказалъ атаманъ.

Мѣрно скрипнули весла у деревянныхъ уключинъ, лодка понеслась по темнѣвшей рѣкѣ. За спиной у Ѳеди молодой казакъ завелъ пѣсню.

— Гей вы думайте, братцы, вы подумайте,
И меня, Ермака, братцы, послушайте.
Зимою мы, братцы, исправимся,
А какъ вскроется весна красная,
Мы тогда-то, други-братцы, въ походъ пойдемъ...

Мѣрно, въ ладъ пѣснѣ поскрипывали весла у деревянныхъ уключинъ: — «виппъ — вуппъ... виппъ — вуппъ»...

XX.

ВОРЫ — КАЗАКИ

Ночь шли молча, безъ пѣсень. Холодною сыростью тянуло отъ рѣки. Гребли осторожно, чуть-чуть. Не скрипѣли уключины. Свободные казаки притаились за бортами лодки. Пищали и луки были на готовѣ. Маленькую чугунную пушку, стоявшую на носу будары*) зарядили каменнымъ

*) Будара — большая ладья.

ядромъ. Атаманъ Никита Панъ зорко вглядывался въ темноту.

На низкомъ луговомъ берегу показались холмы, поросшіе лѣсомъ. Еще тише стало на лодкѣ.

Өеда, напряженно смотрѣвшій туда, куда глядѣлъ атаманъ, увидалъ на темномъ небѣ восточный рисунокъ громадной башни и бѣлыя стѣны съ бойницами новой крѣпости.

— Казань, — прошепталъ сидѣвшій на днѣ, рядомъ съ Өедей, Меркуловъ. — Башня Сумбеки — въ ней 35 сажень высоты... А то новыя стѣны батюшка царь наставилъ замѣсто старыхъ деревянныхъ. И церкви православныя — все его стройки.

— Тихо тамъ! — грозно прошепталъ атаманъ. — Суши весла!

Лопаста веселъ повисли надъ водою. Лодка неслась отъ разгона и теченіемъ. Она точно призракъ плыла мимо уснувшаго города. На башняхъ желтыми огнями свѣтились бумажные фонари. Огонекъ, качаясь, подвигался по стѣнѣ, скрываясь за зубцами, и вдругъ появляясь. Проходила дозоромъ стража.

— Слушай, — донеслось съ Казанской башни.

— Слава Москвѣ бѣлокаменной! — жидкимъ, дребезжащимъ голосомъ «по Московски», какъ перекликалась стража на стѣнахъ Московскаго Кремля, — отвѣтили надъ самой рѣкой и такъ близко къ лодкѣ, что казаки круче нагнулись, пряча головы въ плечахъ. Кто то подлѣ Өеди на днѣ лодки тяжело и глубоко вздохнулъ.

— Слушай!.. прилетѣло изъ глубины, сверху, точно съ самой Сумбекиной башни, — глядѣть на рѣку!..

Алымъ кругомъ закачался фонарь, точно старался освѣтить широкую Волгу.

— Глядимъ на рѣку!.. Слава Нижнему Нову-городу!.. — задребезжалъ голосъ надъ водой. И, казалось, что человекъ стоитъ гдѣ то близко отъ лодки.

Казачій стругъ несея тихо и плавно, управляемый однимъ кормовымъ весломъ. Спящая Казань уходила назадъ.

Видны были деревянные пристани, гдѣ прозрачнымъ звукомъ плямкала волна о борта лодокъ. На лодкахъ горѣли фонари и змѣистый плавился отъ нихъ по рѣкѣ слѣдъ и трепеталъ по волнамъ.

Казанскія бѣлыя стѣны то подходили къ самой рѣкѣ, то поднимались на холмы и четко рисовались въ глубокомъ небѣ, усыянномъ звѣздами. Съ берега тянуло терпкимъ запахомъ соломеннаго дыма и пахло ладаномъ и еще чѣмъ то прянымъ, что напоминало Ѳедѣ тѣ мѣста Московскаго торго, гдѣ торговали восточные купцы.

— Прошли Казанку? — прошепталъ атаманъ, и кто то изъ казаковъ дрожащимъ шопотомъ отвѣтилъ.

— Нѣтъ еще.

И уже сзади совсѣмъ тревожный, точно испуганный, раздался голосъ:

— Кто гребетъ?

На казачьемъ стругѣ затаили дыханіе. Лодка медленно уносила теченіемъ.

— Кто гребетъ? — еще тревожнѣе донеслось съ башни.

Ѳедя видѣлъ, какъ казаки подсыпали пороху подъ кремни пищалей. Незамѣтно по бортамъ поставили сошки*).

Нѣсколько мгновеній, показавшихся Ѳедѣ мучительно долгими, была тишина.

Послѣдняя Казанская башня уходила назадъ. Совсѣмъ близко, — надъ самымъ казачьимъ стругомъ, распѣвный красивый голосъ отвѣтилъ на встревоженный голосъ:

— Слава Твери городу!..

Тотъ голосъ, что кричалъ тревожно: «кто гребетъ» — теперь успокоенно и тоже распѣвно, издали отвѣтилъ:

— Свѣяску Государеву слава!..

Казань осталась позади.

*) Въ тѣ времена ружья были кремневые. Кремень на куркѣ ударялся о стальное огниво и высѣкалъ искру. Подъ огнивомъ, у начала ствола была полка, на нее подсыпали порохъ, онъ, воспламеняясь зажигалъ зарядъ въ стволѣ. Такъ какъ ружья были тяжелыя, до 18-20 фунтовъ, ихъ для стрѣльбы подпирали желѣзными сошками.

— На воду! — сказалъ атаманъ.

Весла мягко, безъ шума упали въ рѣку.

— Навались!..

Подхваченный могучими гребками казачій стругъ точно приподнялся надъ рѣкой и полетѣлъ, шумно пѣня воду.

За Казанью Волга круто повернула на югъ. Въ темнотѣ ночи за поворотомъ рѣки исчезли бѣлыя Казанскія стѣны.

XXI.

ЕРМАКОВЫ СТАНИЧНИКИ

Эта ночь подъ Казанью тягостное оставила воспомина-
ніе у Ѳеди. Онъ задумался и припомнилъ все то, что гово-
рилъ ему въ Москвѣ про казаковъ Исаковъ.

Еще бы немного, открой Казанская стража казачій стругъ и между казаками и царскими стрѣльцами начался бы бой... На чьей сторонѣ надлежало быть Ѳедѣ?.. Ко-
му помогать?.. Казакамъ, которые его приютили, относятся къ нему, какъ къ равному и такъ просто взялись доставить его къ Строгоновымъ? Никита Панъ подарилъ ему синяго нѣмецкаго сукна кафтанчикъ и козловые хорошіе сапоги, Меркуловъ далъ рубаху, а рыжій молодой запѣвала — Се-
мень Красный — новые холщевые порты... Или стрѣльцамъ, правящимъ Государево дѣло и обязаннымъ не позволять казакамъ грабить по Волгѣ? — Тѣмъ стрѣльцамъ, въ чьихъ рядахъ въ Москвѣ сотниками служатъ Исаковъ и Селез-
неевъ.

Чьи это мѣха — добычей лежатъ на кормѣ быстрого струга? Откуда у атамана красивая и дорогая бобровая шапка и епанча, тонко расшитая серебряной канителью? Чей кафтанчикъ подарилъ Ѳедѣ — Никита Панъ?

Послѣ Казанской ночи простые казачьи лица стали ка-
заться страшными. Кровавый разбой видали ихъ каріе и сѣрые глаза и отъ кого были получены шрамы и раны — одному Господу Богу извѣстно. Шли по Волгѣ ночами.

Днемъ хоронились по глухимъ мѣстамъ, выставляли сторожевые посты, прятались по лѣсамъ и подъ утесами нагорнаго берега. Всегда были на сторожѣ, за кѣмъ то слѣдили, кого то опасались. Добрые люди никого не боятся. Значить, были казаки людьми недобрыми и Ѳедѣ, воспитанному и дома и у Исакова въ почитаніи Государя и повиновеніи его законамъ, стало не по себѣ.

Но, когда вошли въ Каму, — точно все перемѣнилось. Будто на Камѣ была какая то другая власть и эта власть не преслѣдовала казаковъ, но имъ помогала.

Поднимались по Камѣ днемъ. Каждый день, подъ вечеръ, когда за лодкой начиналъ краснѣть закатъ, а впереди туманная дымка поднималась надъ рѣкой и закутывала густые дремучіе прикамскіе лѣса, — вдругъ появлялись на берегу высокія стѣны небольшого рубленого изъ бревенъ городка. Въ рѣку давалась пристань и съ пристани бодро и весело окликали:

— Ермаковы что-ль?

— Эге! — отвѣчали со струга. — Ермаковы.

Если былъ поставленъ парусъ — его сбивали, лодка гордымъ поворотомъ заходила къ пристани. На пристань изъ городка выбѣгали ратные люди. Кто во всемъ уборѣ, въ высокой съ наушниками и назатыльникомъ бумажной, стеганной шапкѣ, въ стальномъ, плитками «колонтарѣ» съ «бармицей» на плечахъ, съ лучнымъ саадакомъ на поясѣ, кто «на простяка» въ холщевой рубахѣ и портахъ, съ босыми ногами. Русскіе, нѣмцы, обрусѣвшіе шведы обступали казаковъ, помогали имъ причалить и прибрать лодку.

Шли распросы.

— Наши прошли?

— Давѣ еще... Вы — послѣдніе, — отвѣчали городскіе люди.

— Иванъ Кольцо прошелъ?

— Когда еще! Зимою... По льду... Санями и на лыжахъ. Полтораэта человѣкъ съ нимъ. Матвѣй Мещерякъ въ самый ледоходъ попалъ. Два стружка затонули. Пяти казаковъ не досчитались.

— Канкора не узнаете. Чистый городъ сталь. Припасовъ, бочекъ съ зельемъ — цѣлыя горы навалены...

— Нью, довольна, — говорилъ нѣмецъ въ колонтарѣ — соловей на башню не сажаютъ... Пожалуйте въ крѣпость...

Өедѣ смѣшно было, какъ нѣмецъ сказалъ вмѣсто «соловья баснями не кормятъ», — «соловей на башню не сажаютъ».

Въ городкѣ для казаковъ была натоплена баня, приготовленъ сытный ужинъ. За ужиномъ — нѣмецкій начальникъ сторожевого городка, узнавъ, что Өедя изъ Москвы обратилъ на него вниманіе и приласкалъ его.

Өедя рѣшилъ его спросить о казакахъ, о Ермакѣ, о Строгоновыхъ. Хотѣлось ему разсѣять сомнѣнія, тяготившія его послѣ Казанской ночи.

Они сидѣли на лугу, подлѣ крѣпостной избы. Кругомъ возвышались стѣны и весь городокъ былъ не больше сгорѣвшей Чашниковской усадьбы въ Москвѣ. На лугу лежали казаки, пили брагу, ѣли ломти пахучаго ржаного хлѣба, намазаннаго медомъ. За городомъ темнѣлъ высокій лѣсъ. Молодая луна блѣднымъ рогомъ висѣла въ небѣ.

Нѣмецъ — Алоизій Фабриціусъ, выслушалъ Өедю и сказалъ, покручивая длинный сѣдой усь:

— Ермакъ?.. Нью что Ермакъ!.. Не такъ страшенъ чортъ, какъ его малютка. Ермакъ теперь служить у Строгоновыхъ. Ну, какъ я, скажемъ.

Сидѣвшій недалеко Никита Панъ услышалъ слова нѣмца и ввязался въ разговоръ.

— Никогда, — сказалъ онъ, — казаки къ Строгоновымъ не нанимались. Вретъ онъ — нѣмецъ!.. Казаки люди вольные. Они служатъ только одному Государю Московскому... Служатъ по своей доброй волѣ... Радѣютъ о его земляхъ, чтобы басурманская вѣра надъ ними не посмѣялась, чтобы Государевой вотчины пяди не поступиться! Казакъ на то и родился, чтобы царю пригодился! Что дѣлаетъ теперь Ермакъ Тимофеевичъ, нашъ донской атаманъ, у Стро-

гоновыхъ, про то я, Ѳедоръ, не вѣдаю. Не зря онъ живетъ у нихъ больше года, не зря приказалъ всѣмъ казачьимъ ватагамъ, что были на Волгѣ пригнаться къ веснѣ къ устью Чусовой. Что онъ задумалъ — его атаманская воля. Мы, казаки, когда выбираемъ атамана, шутимъ, и дерзкія рѣчи говоримъ, но, когда выбрали — во всемъ ему подчиняемся, а кто ослушается — того въ куль, да въ воду!

— Всякъ сверчокъ полѣзай на свой песокъ, — вставилъ опять Фабриціусъ.

Никита Панъ посмотрѣлъ на него и задумчиво и душевно сказалъ Ѳедѣ:

— Ты, братокъ, въ нашемъ атаманѣ Ермолаѣ Тимофѣевичѣ не сомнѣвайся... Были на Дону атаманы, и будутъ еще, а такого, вѣрнѣе моему казачьему слову, и не было и не будетъ. Слыхалъ, можетъ быть, какъ калики перехожіе поютъ про Владиміра Красное Солнышко, про его богатырей: матерого казака Илью Муромца, Добрыню Никитича, да удалого поповскаго сына Алешу. Вотъ такой и Ермакъ! Честный, прямой, умный. Онъ, братокъ, подъ тобой сквозь землю на аршинъ видитъ. Онъ ума палата.

— Да, — сказалъ Фабриціусъ, наливая всѣмъ въ ковши пѣнной браги, — слыхалъ и я — рыцарь!

— Да, вѣрное, нѣмецъ, твое слово: — рыцарь!.. Не бойся его!*)).

— А какъ же? — началъ было Ѳедя. Онъ хотѣлъ спросить, почему же тогда грозили въ Москвѣ Ермаку плетями и висѣлицей, и воевода Мурашкинъ гонялся за нимъ по Волгѣ? Почему же они, Ермаковы люди, такъ скрытно, по воровски, прошмыгнули ночью мимо Царской Казани?

Но не посмѣлъ спросить. Стальными, немигающими глазами посмотрѣлъ на Ѳедю ватажный атаманъ Никита Панъ, точно прочелъ мысли Ѳедины въ нихъ и твердо и рѣзко сказалъ:

*) Казаки называли по своему — «рыцарь» — и это слово ихъ не совсѣмъ точно отвѣчало понятію — рыцаря.

— А вотъ такъ-же!

Фабриціусъ жестоко засмѣялся и, поднимая чару, сказалъ:

— Быль для молодца — не укропъ.

XXII.

У СТРОГОНОВЫХЪ

Еще пять дней поднимались по Камѣ.

На шестой, послѣ полудня, вдругъ точно раздвинулись дикіе дремучіе кедровые и сосновые лѣса. Горы, обступавшія Каму отошли. Зеленые густой, весенней травой луга покрывали мягкіе холмы — увалы. Стада коровъ и овецъ привольно паслись по нимъ. И задумчиво и печально позванивали ихъ колокольцы. Въ тѣсной балкѣ, ища тѣни, у каменистаго пристѣна сбился пестрый табунъ мелкихъ широкогрудыхъ лошадей.

На холмѣ показались толстыя, двойныя бревенчатыя стѣны, башни по угламъ, тяжелыя ворота, подъемный мостъ надъ рвомъ. Ярко желтый съ чернымъ двуглавымъ орломъ царскій прапоръ весело рѣялъ на свѣжемъ вѣтру на высокомъ шестѣ надъ воротами.

Изъ за стѣнъ крѣпостцы видны были крутыя, черныя, смоленыя крыши многихъ избъ и теремовъ. Весь берегъ былъ заставленъ легкими стругами. Одни, густо просмоленные, блистали синимъ блескомъ, лежа кверху днищами, другіе еще не отдѣланные сверкали розово-бѣлыми чисто оструганными досками. Сотни три людей въ пестрыхъ рубахахъ работали подлѣ нихъ и гулкій стукъ многихъ топоровъ и визгъ пилъ отдавался эхомъ о холмы и лѣсъ противоположнаго берега.

— Вотъ онъ и Строгоновскій городокъ Канкоръ, — сказалъ Никита Панъ сидѣвшему подлѣ него Ѳедѣ. — Что-же, братокъ, Ѳедоръ Гавриловичъ, надумалъ? Съ нами, казакѣми, останешься, или къ Строгонову подашься?

— Я не знаю еще, — сказалъ Ѳедя, лаская и почесывая между ушами лежавшаго у его ногъ Восяя. — Все во мнѣ такъ смутно... Если бы меня кто наставилъ и научилъ.

Никита Панъ, смотрѣвшій, какъ ласкалъ Восяя Ѳедя, сказалъ:

— Да ты, братокъ, не бойся. Мы твоего пса больше не обидимъ. Привязались и мы къ твоему Восюю. Полюбили... Коли что — и его возьмемъ.

Максимъ Яковлевичъ Строгоновъ сидѣлъ на липовой лавкѣ (къ стр. 104).

— Спасибо, атаманъ, — тихо сказалъ Ѳедя. — Побываю у Строгонова. Поговорю съ нимъ. Что онъ мнѣ укажетъ, что онъ присовѣтуетъ: — такъ тому и быть.

— Дѣло доброе, — сказалъ Никита Панъ. — Конечно, по сиротству твоему тебѣ кого-нибудь спросить надо... А только — мой тебѣ совѣтъ. Потолкуй съ Ермакомъ. Такихъ людей днемъ съ огнемъ не отыщешь!..

Старикъ Семень Строгоновъ былъ болѣнъ и Оедю принялъ его племянникъ Максимъ Яковлевичъ.

Въ чистой сосноваго лѣса избѣ пахло смолою и лада-номъ. Широкое окно было задвинуто и сквозь прожированную бумагу мутный свѣтъ входилъ въ избу. Максимъ Яковлевичъ сидѣлъ у окна на липовой лавкѣ. Онъ былъ одѣтъ по восточному въ длинный желтый бухарскій халатъ, шитый малиновыми цвѣтами и въ мягкіе татарскіе ичеги *) темно-зеленаго сафьяна. На головѣ была черная шапочка - тюбетейка, прикрывавшая лысину.

Оедя перекрестился на иконы, съ теплящеюся передъ ними лампадой и, тряхнувъ кудрями, — ему ихъ по казачьи остригъ Семень Красный, — поклонился, дотронувшись пола руками.

— Оедоръ Чашникъ? — сказалъ, поднимая полное, бѣлое лицо, обрамленное сѣдѣющей бородой Строгоновъ.

— Я, Максимъ Яковлевичъ.

— Я прочелъ, что мнѣ написалъ о тебѣ стрѣлецкій сотникъ Исаковъ... Мнѣ всякіе люди нужны... Молодые и смѣлые особенно... Дѣла тутъ много и людей надо — нѣтъ числа... Слышалъ я о тебѣ и отъ казаковъ и... легло мое къ тебѣ сердце. Ты, слыхалъ я, съ дѣтства при пушномъ дѣлѣ росъ. Вотъ и приставлю я тебя къ пушной палатѣ, будешь мѣха разбирать каждый по его качеству... А тамъ посмотримъ. Ступай, разыщи поляка Неборскаго, скажи, что я приказалъ тебѣ быть при немъ въ прикащикахъ.

Оедя, какъ сталъ у притолки, такъ и стоялъ неподвижно. Только лицо его покрылось румянцемъ смущенія, пріоткрылся пухлый ротъ и онъ тяжело и неровно дышалъ.

— Ну, что же ты! — сказалъ уже строго Максимъ Яковлевичъ.

— Я, господинъ, — пробормоталъ Оедя и упалъ въ ноги Строгонову. — Максимъ Яковлевичъ!.. Прости, если я со-грублю тебѣ, отказываясь отъ добраго твоего предложенія!.. Не за тѣмъ дѣломъ я къ тебѣ ѣхалъ.

*) Мягкіе сапоги безъ каблуковъ.

— А за какимъ-же? Мы — купцы... Наше дѣло торговое. Соль, да мѣха, да Сибирскіе, Индѣйскіе и Бухарскіе товары — вотъ чѣмъ мы занимаемся.

— Я, господинъ, хочу искать... искать,,, — заикаясь, и краснѣя все больше, говорилъ Оеда и вдругъ, рѣшившись, выпалилъ: — ратной чести!

Сказавъ главное, Оеда всталъ съ колѣнъ и, потупившись, ожидалъ рѣшенія своей участи.

Строгоновъ посмотрѣлъ на мальчика.

— Ратной чести... — наконецъ, медленно сказалъ Строгоновъ. — Искать ратной чести пріѣхалъ ты, малый, у меня, у купца московскаго?! Лютыя, видно, настали въ Москвѣ, послѣднія времена, что такіе молодцы какъ ты идутъ за ратною честью не въ Государевы дружины, не къ Царскимъ воеводамъ и тысяцкимъ, а къ купцамъ... Что же — твое счастье... Твоя удача!.. Ты съ казаками сюда пришелъ?

— Въ ватагѣ атамана Никиты Пана.

— Вернись въ нее! Обживись... А тамъ и самъ увидишь...

Максимъ Яковлевичъ еще разъ внимательно посмотрѣлъ на Оеда.

— Славный ты мальчикъ... — сказалъ онъ, — полюбилъ ты мнѣ сиротинушка... Такъ вотъ мой тебѣ совѣтъ. Здѣсь находится донской атаманъ Ермолай Тимофеевичъ, по прозвищу — Ермакъ... Такъ того Ермака слушайся во всемъ. Онъ худому тебя не научить. Живетъ онъ у меня больше года, открылъ мнѣ свою душу и показалъ мнѣ рѣдкій примѣръ покаянія не на словахъ, но на дѣлѣ... У него найдешь, что ищешь. Либо славную могилу въ чистомъ полѣ, либо честь молодецкую... Ступай!.. Да хранить тебя Господь!..

Оеда земно поклонился Строгонову, повернулся кругомъ и, не чуя пола подъ ногами, вышелъ изъ горницы. Кровь ключомъ била въ виски, въ глазахъ темнѣло отъ волненія и счастья, отъ ожиданія чего то новаго, невѣдомаго, страшнаго, опаснаго и вмѣстѣ съ тѣмъ поднимающаго духъ и дивно прекраснаго.

ЕРМАКЪ

И еще прошла недѣля. Смолили остальные струги, грузили мѣшки съ хлѣбными сухарями, бочки съ порохомъ, лили пули, заготавливали «жеребья»*), устанавливали на лодкахъ пушки, строгаили весла, забивали уключины, упражнялись въ стрѣльбѣ изъ луковъ и рушницъ.

Өедя, въ ватагѣ Никиты Пана принимавшій участіе во всѣхъ этихъ работахъ и упражненіяхъ, видѣлъ нѣсколько разъ Ермака, но всегда мелькомъ.

Вдругъ среди работающихъ шорохомъ пронесется: — «атаманъ!.. атаманъ!..». Одни еще прилежниѣ станутъ работать, другіе, кто помоложе, оставятъ работу и смотрятъ туда, откуда раздались голоса.

Отъ рѣки по зеленому холму поднималось нѣсколько человѣкъ. Впереди всѣхъ шелъ смуглый, давно въ черноту загорѣвшій, крѣпкій широкоплечій и рослый человѣкъ лѣтъ пятидесяти.

Онъ такъ сразу выдѣлялся среди шедшихъ съ нимъ казаковъ, что Өедя, не спрашивая, зналъ, что это Ермакъ. Большіе каріе, слегка на выкатѣ глаза были прекрасны. Они были строги и были бы страшны, если бы не смягчались длинными черными рѣсницами, то и дѣло притушивавшими пламень огневого взгляда. Черная, очень густая борода въ легкой сѣдинѣ обрамляла худощавое лицо. Большая морщина, шедшая отъ носа къ губамъ и прятавшаяся въ бородѣ придавала лицу выраженіе какой то затаенной скорби и вмѣстѣ съ глазами всему облику атамана давала ту одухотворенность, которой не было въ окружающихъ его казакахъ.

*) Куски желѣза. Они замѣняли картечь.

Чуть полнѣющій. рослый и большой, Ермакъ легко поднимался на холмъ. Крѣпкія ноги въ холщевыхъ штанахъ, заправленныхъ въ высокіе бурой кожи сапоги, шутя, несли его крупное тѣло.

Онъ подошелъ къ той кучкѣ казаковъ, гдѣ былъ Оеда.

— Поторапливайтесь, ребята, — сказалъ Ермакъ. Негромкій его голосъ раздался по полю. — Весна проходитъ, лѣто красное настаеъ. Кончатъ надо-ть сборы, да работы.

Казаки засуетились съ работой. Оеда, съ Семеномъ Краснымъ забивавшій уключины, взялся за сосновый брусокъ. Семень Красный застучалъ колотушкой.

— Не такъ, станица, бабаечку держишь, — сказалъ Ермакъ, обращаясь къ Оедѣ. Тотъ залился румянцемъ, точно красная дѣвушка.

— Этакъ-то держать будешь — онъ и не хотя тебя по пальцамъ можетъ хватить колотушкой.

Атаманъ взялъ изъ рукъ Оеди уключину и показалъ, какъ ее надо держать.

— Грамотный? — пристально глядя въ глаза Оедѣ и отдавая ему дощечку, сказалъ атаманъ.

— Да... Грамотный, — прошепталъ Оеда.

Атаманъ уже шелъ дальше, за нимъ шли его есаулы. Никита Панъ изъ ихъ толпы ласково подмигнулъ Оедѣ.

— Какъ онъ тебя-то, — восхищенно говорилъ Семень Красный, глядя вслѣдъ атаману, — въ разъ угадалъ... Онъ твою душу-то наизнанку вывернулъ!.. Грамотный!.. А? Въ первый, чать, разъ на тебя глянулъ — а ну, твое почтеніе — вотъ онъ... Ровно сто лѣтъ знакомы... Ну и Ермакъ!..

XXV.

КАЗАЧІЙ КРУГЪ

Вечеромъ по всему стану звонкими «есаульскими» голосами закричали ватажные атаманы:

— На кругъ!.. На кругъ... Атаманъ приказалъ...

Казаки собирались въ сторонѣ отъ городка, на опушкѣ молодой березовой рощи. Въ станѣ жарко горѣли костры, здѣсь свѣтилъ полный мѣсяцъ и бросалъ серебристый отсвѣтъ на лица, одежду и оружіе казаковъ. Отъ костроевъ на нихъ иногда полыхалъ розовый блескъ и отъ этихъ двухъ свѣтовъ лица казаковъ казались Оедѣ торжественными, необычными, будто праздничными.

Идя на кругъ казаки надѣвали поверхъ рубахъ лучшіе свои кафтаны, подпоясывали ихъ наборными въ золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ бляхахъ поясами, надѣвали сабли, закидывали за плечи рушницы, или саадаки съ луками, у кого, что было. Многие явились въ стальныхъ бахтерцахъ и панцыряхъ.

Большая толпа, человѣкъ въ шестьсотъ казаковъ стала почти сомкнутымъ кольцомъ. Отъ городка показалось шествіе. На высококомъ древкѣ, увѣнчанномъ восьмикопечнымъ крестомъ, несли прикрѣпленную къ нему желѣзными скобами небольшую четырехъ-угольную икону. На темно-коричневой основѣ яркими свѣжими красками былъ написанъ Святой Георгій Побѣдоносецъ на темно-сѣромъ конѣ. Бѣлая узда ярко выдѣлялась на щучьей головѣ лошади. Синій плащъ вѣялъ за плечами святого, поражавшаго копьемъ извивающееся подъ ногами коня чудовище.

Казаки снимали шапки и крестились. За этой иконой-знаменемъ несли большую хоругвь. Темно-зеленое тяжелое шелковое полотнище чуть развернулось и на немъ на золотой шитой основѣ былъ написанъ Ликъ Христовъ. За знаменами, окруженный ватажными атаманами шелъ Ермакъ. Онъ тоже одѣлся по праздничному. На головѣ стальная шапка ерихонка, тяжелый панцырь въ мѣдныхъ бляхахъ на груди, поручни на рукахъ, стальные бутурлуки на ногахъ, на поясъ кинжалъ, на боку дорогая сабля, въ правой рукѣ тяжелый шестоперъ. Атаманъ убрался на кругъ, какъ въ бой. Свое тяжелое снаряженіе Ермакъ несъ легко*).

*) Шапка ерихонка — круглый стальной шлемъ съ острымъ верхомъ, бутурлуки — стальные пластины, прикрывавшія голень и привя-

Онъ шелъ не торопливо. Рядомъ съ нимъ шелъ сухощавый старикъ съ узкой монгольской бородкой и сѣдыми свисшими усами. Онъ былъ одѣтъ въ дорогой лиловаго бархата халатъ. На головѣ была бобровая шапка. Этотъ роскошный нарядъ совсѣмъ не подходилъ къ страшному лицу старика. Обѣ ноздри у него были вырваны и черное отверстіе носа надъ ртомъ было ужасно. Сѣрые глаза въ припухшихъ красныхъ вѣкахъ смотрѣли безжизненно спокойно. Точно повидалъ этотъ человѣкъ на своемъ вѣку такъ много ужаснаго, что ужасъ навсегда застылъ въ его свѣтлыхъ глазахъ. Шрамы на шеѣ и на лбу придавали лицу еще болѣе страшное выраженіе.

Снявъ шапки казаки ожидали атамана.

Ермакъ вошелъ въ середину круга и низко поклонился ему на всѣ четыре стороны. Казаки отвѣтили ему поклономъ.

Ермакъ, а за нимъ и казаки накрылись.

Ермакъ, показывая рукою на приведеннаго имъ старика сказалъ ставшему впереди самой большой ватаги красивому худощавому чернобородому казаку.

— Узнаешь, Иванъ Кольцо, Гаврилу Лаврентьевича?

Иванъ Кольцо взглянулъ въ старика.

— Царица Небесная!.. Точно онъ... Да гдѣ же тебя, родимаго, такъ изуродовали?..

Казаки съ любопытствомъ разглядывали старика. Стоявшіе сзади поднимались на носки, опираясь на плечи впереди стоявшихъ. Тихій гомонъ шелъ въ толпѣ. Меркуловъ сказалъ Ѳедѣ:

— Самый то-есть первый другъ Ермаковъ былъ этотъ Гаврила Лаврентьевичъ, когда ватажили они на Волгѣ. И вотъ лѣтъ 15 тому назадъ скрылся, невѣдомо куда пропалъ.

Когда первое впечатлѣніе отъ появленія на кругу давно пропавшаго Гаврилы Лаврентьевича улеглось, атаманъ

занные къ ногамъ ремнями, шестоперъ — тяжелый желѣзный шаръ съ острыми на немъ ребрами на палкѣ, имъ въ бою били непріятеля по головѣ.

взялся рукою за свою ерихонку. По всему кругу звонко закричали есаулы:

— Замолчи, честная станица!.. Атаманъ слово держать будетъ.

— Помолчите — ста, атаманы-молодцы!

Когда смолкъ войсковой кругъ, Ермакъ отчетливо и ясно сказалъ:

— Атаманы-молодцы, послушайте, что вамъ повѣдаетъ нашъ товарищъ Гаврила Лаврентьевичъ о царствѣ Сибирскомъ.

Ермакъ сѣлъ на траву. Казаки кто сѣлъ, кто остался стоять и въ ночной тиши, у опушки березовой рощи, гдѣ по весеннему красиво, дыша счастьемъ, пѣлъ и шелкалъ соловей, откуда вдругъ въ отвѣтъ ему прокуковала кукушка, раздался гнусавый голосъ Гаврилы Лаврентьевича. Рваныя ноздри, выбитые зубы его щербатаго рта мѣшали ему говорить. Онъ шепелявилъ, и гнусавилъ, но то, что онъ говорилъ, что онъ рассказывалъ было полно такого захватывающаго смысла, что казаки, затаивъ дыханіе, слушали его рѣчь.

XXV.

ДОКЛАДЪ О СИБИРИ

Лѣта 7075 года*), по Государеву и Великаго Князя Ивана Васильевича всея Русіи указу посланы были провѣдывать за Сибирь Государствъ атаманы и казаки Иванъ Петровъ да Бурнашъ Елычевъ... И съ тѣми атаманами и казаками ходилъ я, — такъ началъ свой рассказъ Гаврила Лаврентьевичъ.

Казался его рассказъ затѣйливой, арабской сказкой изъ тѣхъ, что рассказывали казакамъ на Каспійскомъ морѣ персидскіе сказатели.

На Каменномъ поясѣ — Уральскихъ горахъ — видѣлъ Гаврила Лаврентьевичъ самоцвѣтные камни.

*) Въ 1567 году.

— Колупнешь ногою въ камняхъ сѣрый мохъ, а подѣ тѣмъ мохомъ изумрудъ камень цѣлымъ гнѣздомъ сидитъ. Въ скалахъ, бываетъ, въ укромномъ, глухомъ мѣстѣ — лиловымъ кустомъ раскинуты прозрачныя аметисты — камень, что укрѣпляетъ память того, кто его носить. Зеленые, синіе, розовые камни — такой красоты, какой нигдѣ мы не видали стоятъ тамъ цѣлыми скалами... А какой братцы, лѣсъ! Кедровыя деревья станутъ тѣсно и подѣ ними, какъ въ церквѣ тишина... Сколько пушнаго звѣря! Это, братцы, такое богатство, что если умѣлому человѣку за него взяться — процвѣтетъ Русская земля одними этими горами. Какъ можно храмы, иконы украсить этими камнями!

Много дней шли казаки - землепроходцы черезъ тѣ великія горы, покрытыя густымъ лѣсомъ и, переваливъ черезъ нихъ, очутились въ безкрайнихъ Сибирскихъ, зеленыхъ степяхъ, гдѣ то тутъ, то тамъ серебряными блюдами сверкали озера, полныя рыбой, гдѣ стояли березовыя рощи, а у тѣхъ рощъ были идолы, священныя вогульскія могилы богатырей и хановъ, украшенныя костями, звѣриными шкурами, цвѣтными лентами, золотомъ и самоцвѣтными камнями. Стерegli тѣ могилы злые духи и могли они напасть на человѣка и навести на него всякія бѣды.

По всей степи звѣриными тропками шли натоптанныя конными людьми дорожки отъ одного татарскаго становища къ другому, а настоящаго шляха съ царевыми кружалами - кабаками тамъ не было и не было тамъ, какъ въ Московскомъ государствѣ, Ямской гоньбы.

— Охъ Бакана до Кумчаку рѣки ѣзды девять дней, — гнусавилъ Гаврила Лаврентьевичъ, рассказывая, какъ и сколько они шли. — Отъ Кумчака иная рѣка. Тамъ въ озерѣ — цвѣтной камень — и до того озера семь дней ѣзды, а кругомъ озера на конѣ ѣхать двѣнадцать дней.

Ни Гаврила Лаврентьевичъ, ни жадно слушавшіе его казаки не знали ни плановъ, ни картъ, ни компаса, не мѣрили землю ни поприщами*) ни верстами, ни милями.

*) Въ поприщѣ считали полторы версты, но считали и больше.

Въ крѣпкой казачьей памяти ихъ земля укладывалась вся со своими камнями — горами, озерами, лѣсами, рѣками и становищами. Страны свѣта познавали по солнышку и по звѣздамъ, и, не зная астрономіи и движенія небесныхъ свѣтилъ, — каждой звѣздѣ дали свое имя и знали мѣсто ея на всякое время года. Умѣли находить сѣверъ по стволамъ деревьевъ, по мху на камняхъ, по полету пролетной птицы, по берегамъ рѣкъ. Не допытывались почему это такъ, но знали твердо, что съ южной стороны дерево гуще растеть, стремится вѣтвями къ солнышку, а съ сѣверной мхомъ одѣвается, что горные скаты, видѣнныхъ имъ Алатаускихъ хребтовъ съ сѣвернаго края покрыты лѣсами, что у рѣкъ текущихъ съ сѣвера на югъ, западный берегъ нагорный, а восточный луговой, что по веснѣ птица летить на сѣверъ, а осенью на югъ. Мѣряли землю днями конной ѣзды, а за день проходили верстъ по шестидесяти.

И много сотенъ дней колесили казаки Гаврилы Лаврентьевича по Сибири. Опредѣлили ея края, и тѣ края лежали — одинъ въ вѣчной ночи у Студенаго моря, Ледовитаго окіяна, другой у Китайской великой стѣны и у Восточнаго моря, гдѣ край земли, гдѣ солнышко рождается, а третій край у высокихъ вѣчнымъ снѣгомъ покрытыхъ Алтайскихъ горъ, а за тѣми горами лежитъ песчаная степь, за тою степью великое царство Бухарское, а за нимъ Индѣйскій обезьянскій царь живетъ и люди тамъ ходятъ голые.

Давно закатилась луна и розовый разсвѣтъ игралъ красками на горахъ, а гнусавый голосъ Гаврилы Лаврентьевича все повѣствовалъ казакамъ о видѣнномъ. Онъ рассказывалъ о рѣкѣ Оби съ притокомъ прекраснымъ Иртышомъ, о Енисеѣ, что больше и шире Волги.

— Ширше Волги! — шорохомъ пронеслось по казачьему кругу. — Мать Честная, что же это за рѣка-то будетъ...

Говорилъ Гаврила Лаврентьевичъ о громадной рѣкѣ Ленѣ, гдѣ въ непролазной тайгѣ, среди болотъ видалъ онъ ручьи и въ тѣхъ ручьяхъ было чистое полновѣсное золото: — самородки и песокъ.

Рассказывалъ о рѣкѣ Амурѣ.

— А по той рѣкѣ лосось рыба, именуемая кэта, идетъ стадами — тьмы темень. И вода точно кипить отъ ея ходу — идетъ поверху. Не удержишь — такъ идетъ. Лови хоть руками. И люди тамъ отъ той рыбы все имѣютъ — и пищу и одежду. Изъ рыбьей кожи выдѣлываютъ себѣ платье. И то платье никакой дождь не возьметъ. Ъзда тамъ на собакахъ.

— Ахъ ты!.. — срывался въ толпѣ изумленный возгласъ — шутъ ихъ возьми!.. На собакахъ... Вотъ черти!

— А ты это не шутейно говоришь, Гаврила Лаврентьевичъ, не голову намъ морочишь? А?

Но Гаврила Лаврентьевичъ снималъ шапку, крестился, доставалъ съ груди черный кипарисовый крестъ и цѣловалъ его въ доказательство, что говоритъ правду.

Въ казачьихъ головахъ шла работа. Прикидывался въ умѣ свой казачій масштабъ. Если съ Раздорскаго городка на Дону легковая станица*) шла на Москву сорокъ дней и проходила пол-царства Московскаго, то во сколько же разъ, то Сибирское царство было больше Московской земли! Выходило что то чрезвычайно огромное. Упиралось въ темную льдистую ночь, прикасалось чудеснаго Индѣйскаго царства съ его обезьянскимъ царемъ, уходило въ песчанья степи.

— Д-да, земля! — вздохнулъ кто-то.

— Той земли, — сказалъ Никита Панъ, — и сынамъ, и внукамъ и правнукамъ нашимъ хватить.

— Воевать ту землю надо, — точно подсказалъ казакамъ Иванъ Кольцо.

И, отвѣчая на эту мысль, Гаврила Лаврентьевичъ сталъ рассказывать, что земля эта очень мало заселена, что живущіе по ней остяки, вогулы, самоѣды, чуваша на сѣверѣ, киргизы, буряты и монголы на югѣ и на востокѣ своихъ постоянныхъ городовъ не имѣютъ, но кочуютъ съ мѣста на мѣсто, занимая скотоводствомъ.

— А вояки, совсѣмъ плохіе. Огневого боя не знаютъ. Въ лучномъ бою — искусники большіе и стрѣляютъ изъ лу-

*) Легковая станица — нѣчто вродѣ посольства казаковъ въ Москвѣ.

ковъ знатно, а въ рукопашномъ сабельномъ бою больше галдятъ, чѣмъ бьются и такой толпой, что не приведи Богъ...

Гаврила Лаврентьевичъ замолчалъ и жадно пилъ изъ оловянного кубка остывшій въ росной травѣ медъ. Казаки тоже примолкли. Они за бесѣдой не замѣтили, какъ прошла ночь. Свѣтлый день наступалъ.

Каждый казакъ понималъ, что не напрасно призвалъ Ермакъ Тимофеевичъ ихъ на кругъ, что не ради пустой болтовни, или арабской сказки заставилъ онъ рассказывать о скитаньяхъ по Сибири своего лучшаго есаула, побывавшаго въ Мунгальскомъ плѣну и тамъ жестоко изувѣченнаго. И всѣ въ напряженнѣйшей тишинѣ ожидали, что скажетъ Ермакъ.

Ермакъ молчалъ.

XXVI.

НА СИБИРЬ !

Утро наступало. Звонче и больше становилось пѣніе птицъ въ лѣсу. По рѣкѣ прыгала, играя рыба и переплески волнъ будили въ казакахъ какое то смутное желаніе похода и дѣятельности.

Солнца не было. Былъ тотъ сѣверный, весенній разсвѣтъ безъ тѣней, когда въ олово отливаетъ набухшая росой тяжелая трава и деревья стоятъ тихо, будто усталыя отъ сна и только птицы поютъ на перебой, стараясь разбудить уснувшую за ночь природу.

Ермакъ медленно поднялся съ земли. Сидѣвшіе и лежавшіе казаки встали. Надъ Ермакомъ въ розовую краску уларилъ образъ св. Георгія Побѣдоносца, и тяжелыми складками, не шелохнувшись, свисало съ древка зеленое знамя со Спасовымъ Ликомъ.

— Атаманы-молодцы, — сказалъ Ермакъ, — настало время намъ исправить жизнь и заслужить передъ Царемъ Московскимъ его царскую милость. Заслужить великую сла-

ву казачью... Много крови на насъ невинной... Грубостями на Волгѣ мы занимались и черезъ тѣ грубости — сами, чай, понимаете, что заслужили...

— Топоръ да плаху, — вздохнулъ кто-то въ казачьемъ кругу.

— Не первый годъ стоитъ наше славное войско на Дону оплотомъ отъ татаръ, отъ Перекопскаго хана... Нынѣ, братцы, атаманы-молодцы, предлежитъ намъ совершить настоящее казачье дѣло. Великое, честное и славное...

Атаманъ замолчалъ и испытующе оглядывалъ казаковъ. Солнце выплыло изъ за горъ и яркимъ свѣтомъ озарило его крѣпкій станъ, заиграло огоньками на мѣдныхъ бляхахъ панцыря.

Точно раздвинулись дали. Синее небо въ легкихъ розовыхъ облакахъ, горы, закрывавшія озоръ — все блистало въ новомъ днѣ и точно звало въ невѣдомые просторы казаковъ.

— Завоюемъ, атаманы-молодцы, Сибирь! — съ воодушевленіемъ, будто навстрѣчу солнцу воскликнулъ Ермакъ. — Поклонимся тѣмъ царствомъ Сибирскимъ отъ полночнаго края до Индѣйской земли — Государю, Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу!!!...

— Самимъ обезьянскимъ царемъ поклонимся! — сказалъ Иванъ Кольцо.

— Скажемъ Царю-батюшкѣ, — прости, государь, въ чемъ согрублили тебѣ въ прежніе годы и прими отъ насъ царство Сибирское съ нашими казачьими головами.

— Аминь, — сказалъ Никита Пань.

Ошеломленные, всего ожидавшіе отъ такихъ большихъ приготовленій къ походу, но не этого, казаки оцѣпнѣли, и какъ одинъ смотрѣли на востокъ, гдѣ, изъ-за лѣсистыхъ горъ, изъ далекой Сибири, выплывало яркое солнце. Оно будто звало казаковъ навстрѣчу себѣ, влекло къ мѣсту своей колыбели.

Робкій голосъ раздался изъ толпы.

— Для такого похода, атаманъ, и казна нужна не малая...

Сзади, изъ за спинъ впереди стоявшихъ казаковъ, раздавались голоса.

— Войско великое, съ воеводами...

— Малую Казань сто пятьдесятъ тысячь войска брало и то сразу не взяли.

— Нарядъ пушкарскій... зелье...

— Справы нашей не хватитъ. Гаврила Лаврентьевичъ четырнадцать годовъ ходилъ по той Сибири... Поизносился...

— Всего насъ восемьсотъ сорокъ считается, — сказалъ Никита Панъ. — Не малое войско.

— И не большое, — запальчиво крикнулъ кто то, прятавшійся за спинами другихъ. — Меньше тысячи!.. Невозможное дѣло задумалъ атаманъ.

— Для Господа Бога все возможно, — вздохнулъ Семень Красный.

— Города рубить придется, караулы ставить — надо войско. Его нѣтъ, — сказалъ Матвѣй Мещерякъ.

Все больше и громче шумѣлъ казачій кругъ. Казаки спорили другъ съ другомъ, но общая мысль была: — «это невозможно!»

Ермакъ стоялъ, опутивъ голову, и точно не слушалъ круга, и думалъ свои думы. Наконецъ, онъ поднялъ красивую голову. Подъ взглядомъ его большихъ прекрасныхъ глазъ опять смолкли голоса, утихъ войсковой кругъ.

— Обо всемъ, атаманы-молодцы, подумано. Обо всемъ рѣшено у насъ со Строгоновыми. Какъ городками заняли они Прикамскій край, такъ согласились и Сибирь занимать... Вѣрите вы мнѣ, атаману вашему, Ермаку?..

— Вѣримъ... вѣримъ... — глухо пронеслось по кругу.

— Любо ли вамъ идти со мною покорить царство Сибирское?

— Любо!.. Любо!.. Веди насъ, атаманъ, — пронеслось опять ропотомъ.

— Такъ съ Богомъ! Въ добрый часъ! — блескомъ глазъ своихъ, удалымъ голосомъ, несокрушимою волею увлекая за собою казаковъ воскликнулъ Ермакъ и быстрыми шагами вышелъ изъ разступившагося передъ нимъ круга и пошелъ внизъ къ Строгоновскому городку. За нимъ понесли знамена.

Казаки сбились толпою. Тутъ, тамъ раздались выстрѣлы. Казаки стрѣляли вверхъ изъ пищалей.

— На Сибирь!.. На Сибирь!.. — кричали молодые и грозные голоса.

Шапки пестрою стаею полетѣли надъ головами. Возбужденная толпа шла, лихо ухая, по лугу и увлекала съ собою Оедея. Семень Красный обнялъ его за шею голой волосатой рукой и дико топоча по землѣ ногами оралъ во всю глотку:

— На Сиби-ирь!..

Оедея шелъ съ блестящими глазами. Случилось то, о чемъ въ самыхъ яркихъ своихъ мечтахъ никогда не смѣлъ онъ и подумать. Больше Казанскаго подвига будетъ ихъ дѣло!.. Онъ не ошибся въ Ермакѣ, о комъ мечталъ съ самаго того разсказа Исакова, какъ ходилъ Ермакъ развѣдывать Казанскую крѣпость. И Оедѣ хотѣлось чѣмъ-нибудь особеннымъ заслужить передъ Ермакомъ, совершить такой подвигъ, чтобы обратить на себя вниманіе Ермака, чтобы ласково посмотрѣли на него эти страшные влекущіе къ себѣ глаза, а его голосъ — сказалъ бы ему слова похвалы и благодарности.

Оедея не видѣлъ луга. Онъ видѣлъ у самого уже городка Ермака, уходившаго со знаменами и видѣлъ, какъ вдругъ набѣжавшій утренній вѣтеръ широко развернулъ большое зеленое знамя, заискрилось золото и свѣтлый Спасовъ Ликъ точно послалъ благословеніе казакамъ.

Въ тотъ же мигъ Ермакъ скрылся со знаменами въ воротахъ.

За Оедей кто-то молодымъ, звонкимъ голосомъ пропѣлъ задорно:

— Ну, казаки, на коней!

И айда! За славой!..

Бѣшено и радостно лаялъ Восяй на дразниваго его шапкой Меркулова.

И все это казалось Оедѣ такимъ солнечнымъ, блистающимъ, радостнымъ, ликующимъ, что этотъ день объявленія похода на Сибирь запомнился Оедѣ, какъ яркій и свѣтлый праздникъ.

НА ПОДВИГЪ !

Ермакъ разбилъ свой отрядъ на сотни, распредѣлилъ его по ладьямъ. Сотенными есаулами были назначены Иванъ Кольцо, Яковъ Михайловъ, Никита Панъ и Матвѣй Мещерякъ.

По рѣкѣ Чусовой, у устья которой теперь стоитъ г. Пермь, поднялись сколько возможно. Волокомъ перетащили лодки черезъ Уральскія горы къ рѣкѣ Турѣ и по ней спустились въ рѣчку Тоболъ.

Здѣсь Ермакъ заложилъ свою первую основу, построилъ Кокуй-городъ. Въ немъ поставленъ былъ отрядъ Строгоновскихъ людей и установлена связь на ладьяхъ и конными людьми съ городомъ Канкоромъ.

Зеленая Ишимская степь развертывалась передъ Ермакомъ. Лѣто приходило къ концу, короче становились дни. Вечерѣло. Надъ Иртышомъ, въ березовомъ лѣсу дымились костры казачьяго стана. Оттуда раздавался шумъ голосовъ, тамъ начиналась и обрывалась пѣсня, трещало дерево подъ топорами, ржали кони. На опушкѣ лѣса было тихо. Ѳедя стоялъ съ Восемь на сторожѣ и вглядывался въ безкрайнюю ярко зеленую степь. Она, ровная, разстилалась до самаго озера и тамъ, лиловѣя, незамѣтно сливалась съ темнѣвшимъ небомъ. И тамъ, далеко, чуть дымили костры громаднаго татарскаго стана и Ѳедя зналъ отъ сторожевого казака, котораго онъ смѣнялъ, что тамъ былъ самъ царь Сибирскій — Кучумъ.

Восяй насторожился, завилялъ хвостомъ и быстро обернулся. Сзади Ѳеди слышался шорохъ раздвигаемыхъ вѣтвей и на опушку лѣса верхомъ на широко-грудомъ нарядномъ текинскомъ конѣ выѣхалъ Ермакъ.

Онъ былъ въ шапкѣ-ерихонкѣ и стальномъ колонтарѣ, при дорогой своей изукрашенной золотомъ и камнями,

турецкой саблѣ, въ простыхъ посконныхъ, мужицкихъ портахъ и сношенныхъ сапогахъ. Сильною рукою онъ сдержалъ порывавшагося на просторъ кровного коня и остановилъ его на опушкѣ. Одея залюбовался Ермакомъ. Спускался тихій вечеръ и розовѣла зеленая степь. Съ бивака теперь ясно доносилась казачья пѣсня и хоръ подхватывалъ слова запѣвалы послѣ каждого пропѣтаго стиха.

— «Ой вы, Донскіе казаки, охотники,
Вы Донскіе, Гребенскіе со Яицкими...»).

Сердце Оеди билось съ неудержимою силою. Онъ смотрѣлъ на Ермака съ обожаніемъ. Ему хотѣлось теперь, сейчасъ, оказать какую-нибудь такую услугу Ермаку, чтобы онъ запомнилъ его, Оедю, навсегда и приблизилъ къ себѣ.

Ермакъ стоялъ и смотрѣлъ вдаль. Казалось, его взглядъ шелъ дальше озера, прохватывалъ и то, что было въ татарскомъ станѣ Кучума.

— Если бы знать, что у нихъ на душѣ теперь, — тихо, какъ бы про себя, сказалъ Ермакъ.

Оедя услышалъ его слова. Онъ хотѣлъ слушать дальше, но изъ лѣса опять долетѣлъ веселый припѣвъ:

— «Ой вы, Донскіе казаки, охотники,
Вы Донскіе, Гребенскіе со Яицкими»...

Оедя понялъ, что передъ нимъ случай, который никогда не повторится. Онъ одинъ, съ глазу-на-глазъ съ Ермакомъ! Ему надо что-нибудь сдѣлать! Оедя мысленно призывалъ на себя благословеніе Божіе и незамѣтно перекрестился.

Онъ сдѣлалъ шагъ къ Ермаку и сталъ противъ него.

— Атаманъ! — сказалъ онъ и голосъ его надломился и пресѣкся отъ сильного сердцебіенія.

*) Яицкіе — нынѣ Уральскіе казаки.

Ермакъ повернулъ голову на мальчика и нахмурился.
— Что скажешь, станица? — сказалъ онъ.

Пѣсня опять донеслась припѣвомъ изъ лѣса и сбила
все то, что хотѣлъ сказать Федя Ермаку.

— Атаманъ, — повторилъ онъ, и лицо его, загорѣлое
и смуглое, потемнѣло отъ смущенія.

— Что скажешь, станица, — сказалъ Ермакъ.

— Я слушаю.

Ермакъ смотрѣлъ на Восяя, ставшаго подлѣ Ѳеди и какъ будто старавшагося помочь своему хозяину сказать то, что онъ хотѣлъ сказать атаману.

— Дозволь мнѣ пойти ночью въ станъ татарскій и развѣдать, что у нихъ на душѣ лежитъ.

Лицо Ермака прояснилось. Тихая улыбка на мгновеніе шевельнулась въ углахъ его губъ.

— Молодъ ты, станичникъ, и не опытенъ, — сказалъ Ермакъ.

— Дозволь, атаманъ, испытать мои силы... А что молодъ, — торопился, смущаясь, сказать Ѳедя, — такъ и ты, Ермакъ Тимофеевичъ, чай не старше меня былъ, когда ходилъ въ Казанскую крѣпость развѣдать, гдѣ стоитъ башня съ порохомъ.

Выпаливъ сразу свою смѣлую рѣчь, Ѳедя растерялся и стоялъ теперь, опустивъ голову и теребя шапку лисьяго мѣха.

— Чаю, былъ постарше тебя, — усмѣхаясь довольной усмѣшкой, сказалъ Ермакъ. — Который тебѣ годъ?

— Шестнадцать, — пробормоталъ Ѳедя.

Ермакъ долго смотрѣлъ на мальчика и любовался его милымъ смущеніемъ. Потомъ быстро по татарски спросилъ:

— Ты говоришь по-татарски?

— Да.

— Когда смѣнишься, приходи въ мой шатеръ.

— Слушаю.

Ермакъ повернулъ круто лошадь въ лѣсъ и быстро скрылся въ листьѣ.

Въ шатрѣ у Ермака подъ иконою горѣла восковая свѣча. Ермакъ сидѣлъ на ящикѣ и о чемъ то крѣпко думалъ,

ероша густые сѣдѣющіе волосы. Очередной казакъ пропустилъ Ѳедю въ палатку и задернулъ ея полы.

— А?.. Ты?.. — отрываясь отъ своихъ мыслей, сказалъ Ермакъ и быстро заговорилъ по-татарски.

— Отъ плѣннаго мирзы Таузака я знаю, что у царя Кучума сегодня ночью военный совѣтъ. Я отпустилъ Таузака, чтобы онъ на этомъ совѣтѣ сказалъ, что мы за люди и потребовалъ покорности. Я знаю, что войско, собранное Кучумомъ во много разъ превосходить мою дружину. Но — не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ. Смѣлымъ Богъ владѣть. И мнѣ, — понимаешь ты, молодой мой станичникъ и другъ, — важно знать смѣлы-ли татары? Или колеблется ихъ сердце? Я бы могъ послать другого, болѣе стараго казака. У насъ многіе говорятъ по-татарски... Но ты своею смѣлою рѣчью мнѣ полюбілся. У тебя собака — ихъ собака. Такихъ собакъ я на Руси не видалъ. Ночь едва наступила. Я дамъ тебѣ добраго коня, ты сейчасъ поскачешь къ нимъ. У нихъ есть сторожевые псы — они увлекутся твоею собакой и пропустятъ тебя. Ты прокрадешься къ ихъ самой большой юртѣ и будешь подслушивать, что тамъ будутъ говорить. На разсвѣтъ будь здѣсь... Все мнѣ расскажешь. Не боишься?

— Не боюсь, атаманъ.

— Добрый казакъ... Дай я тебя перекрещу... Родные, близкіе есть у тебя?

— Были, атаманъ, и родные и близкіе, была и невѣста. На время похода вынулъ я ихъ изъ сердца моего, чтобы они не смущали его. Вернусь, — еще крѣпче полюблю ихъ. А не случится мнѣ живымъ быть — и ихъ покой не надо смущать моею кончиной.

— Спасибо, станичникъ. Молодецъ!.. Воинъ царевъ — Божій воинъ и не слѣдъ ему о земномъ думать. Съ Богомъ.

Ермакъ крикнулъ очередного есаула и приказалъ дать Ѳедѣ лучшаго коня изъ его атаманской сотни.

Еще черезъ полчаса Ѳедя мчался широкимъ наметомъ по зеленой степи туда, гдѣ легкимъ заревомъ свѣтились костры татарскаго становища. Восяй поспѣвалъ за нимъ.

ВОЕННЫЙ СОВѢТЪ У КУЧУМА

Ермакъ былъ правъ. Татарскія собаки засуетились было, но, признавъ въ Восяѣ своего, а въ Оедѣ, одѣтомъ въ татарскій халатъ — татарина, живо уgomонились. Начавшійся было лай смолкъ и смѣнился собачьими любезностями, обнюхиваніями, облизываніями и дружнымъ маханіемъ хвостовъ.

Вѣроятно татарскія собаки разспрашивали Восю. Что имъ плелъ про себя и про Оедю Восяй — неизвѣстно, но, должно быть, плелъ что-нибудь забавное, потому что собаки кругомъ обступили его и сидѣли и лежали, глядя внимательно на пришельца.

Восяй поспѣвалъ за Оедей.

Татарскій станъ полыхалъ кострами. Но была уже глубокая ночь. Костры догорали и Оедѣ было хорошо видно спящихъ подлѣ нихъ татаръ, имъ же — Оедя это зналъ по опыту — со свѣта въ темноту не было ничего видно. Съ сильно бьющимся сердцемъ Оедя неслышною тѣнью крался между костровъ въ середину стана, гдѣ ярче горѣли огни и гдѣ слышалось ржаніе многихъ коней. Иногда кто-нибудь спросить отъ костра:

— Кимъ геліоръ?*)).

*) Кимъ геліоръ — кто идетъ?

— Уланъ, — отвѣтитъ Одея и, охвативъ рукою рукоять ножа, скользнетъ во мракъ и притаится, не дыша.

У большой войлочной пестрой юрты было сбатовано около сотни богато посѣдланныхъ лошадей. Татарскіе наѣзники — уланы съ копьями стерегли ихъ. Одея обошелъ сзади юрты и тамъ, гдѣ не было костровъ поползъ по затоптанной травѣ къ юртѣ. Онъ подползъ къ ея краю и чуть приподнялъ войлочную полу.

Въ очень большой круглой юртѣ чадно горѣли масляные, невиданнаго Оедей устройства, китайскіе, должно быть, фонари.

Пестрые полы юрты то и дѣло распахивались и въ юрту входили богато одѣтые молодые и старые татары. Въ глубинѣ юрты на вышитыхъ золотомъ подушкахъ сидѣлъ крѣпкій старикъ въ богатой собольей шубѣ, крытой золотканнымъ шелкомъ. Онъ важно кивалъ головой входившему, отвѣчая на его низкій поклонъ. Одея догадался, что это Кучумъ. Военный совѣтъ еще не начинался. Кучумъ молчалъ. Глухое бормотаніе шло въ юртѣ.

Наконецъ, пола распахнулась послѣдній разъ и плотно задернулась. Въ юртѣ воцарилась глубокая тишина. Оедѣ, казалось, что онъ слышитъ бѣненіе своего сердца. Вцѣпившись руками въ войлокъ приникнувъ ухомъ къ землѣ, онъ слышалъ теперь каждый шорохъ, раздававшійся въ юртѣ.

Тихо потрескивали фитили лампадъ. Вдругъ громкокнулъ толсторожій вогуль и испуганно заморгалъ глазами.

Въ эту тишину невнятнымъ шопотомъ вошелъ гортанный голосъ Кучума.

— Мирза Таузакъ! — сказалъ онъ.

Изъ группы сидѣвшихъ въ юртѣ татаръ отдѣлился не старый, толстый татаринъ въ широкомъ коричневомъ аязмѣ. Онъ поклонился въ поясъ Кучуму и приложилъ ладони ко лбу и сердцу.

— Мнѣ говорили, мирза Таузакъ, — тихо сказалъ Кучумъ, — что ты видалъ какихъ-то невѣдомыхъ намъ людей,

пришедшихъ изъ-за Каменнаго пояса. Что тѣ люди взяли тебя въ плѣнъ и потомъ отпустили. Скажи намъ, что это за люди?

Мирза Таузакъ поклонился еще разъ Кучуму и заговорилъ ворчливымъ, точно лающимъ голосомъ.

— Тѣ люди, бачка, страшные... Ростомъ великіе. Глаза у нихъ быстрые... Изъ луковъ своихъ они стрѣляютъ огнемъ и громомъ смертоноснымъ. Летитъ тотъ громъ дальше стрѣлы, кинутый самымъ сильнымъ лучникомъ, ранитъ до смерти и всякіе доспѣхи и тегилiai *) пробиваетъ насквозь.

— Ахъ-ха! — пронеслось шорохомъ по юртѣ. — Быть бѣдѣ!

Старый мирза въ темно-зеленомъ халатѣ всталъ со своего мѣста и торопливо заговорилъ шипящимъ старческимъ, беззубымъ шопотомъ:

— Были намъ примѣты и указанія о томъ съ неба. Мои подданные рассказывали мнѣ, будто видѣли они этимъ лѣтомъ городъ въ небѣ. Въ томъ городѣ были христіанскія колокольни. А какъ съ неба перевели глаза на Иртышъ — глядятъ: — стала вода въ рѣкѣ кровавой.

— Ахъ-ха!.. ахъ-а-а-ахъ, — раздалось по юртѣ. — Быть бѣдѣ и неминуей.

Очень толстый татаринъ съ черными усиками стрѣлками на кругломъ, точно шарѣ, полномъ лицѣ, закачалъ головою и пропищалъ жалобнымъ голосомъ:

— Видѣлъ я и мои люди, какъ Тобольскій мысъ выбрасывалъ золотыя и серебряныя искры... А мирза Девлетбай съ Панина бугра, изъ города Бицикура**) еще кое-что видалъ такого, что и сказать то боится.

— Говори, говори, Девлетбай, не бойся, — сказалъ Кучумъ. — Мы все обсудимъ. Все сдѣлаемъ на защиту нашего славнаго царства Сибирскаго.

*) Тегилiai подбитый ватой, длинный матерчатый доспѣхъ.

**)Противъ теперешняго города Тобольска.

Девлетбай, широкоплечій татаринъ, нехотя поднялся съ подушекъ и сказалъ, недовольно оглядываясь на показавшаго на него мирзу.

— Что пустое говоришь! По степи-то ѣздишь, мало-ли чего не примѣтишь? Полна наша степь чудесъ.

— А ты не стѣсняйся, Расскажи бачкѣ, что видѣлъ и какъ видѣнное тобою тебѣ растолковали кудесники.

— Видѣлъ я: — вотъ съ Иртыша идетъ бѣлый волкъ, а съ рѣки Тобола, значить, черная гончая. И вотъ—схватились они. И гончая загрызла волка. Пошелъ я, значить, къ шаманамъ*). Сказали мнѣ тѣ шаманы: — бѣлый волкъ — наша ханская сила, — а собака, — Москва...

Кучумъ покачалъ головой. Въ юртѣ опять стало тихо и даже Ѳедя ощутилъ, какъ трепетъ пробѣжалъ по ней. Смущенно поникли головами татарскіе старшины.

— Все это, — сказалъ Кучумъ, — пустыя рѣчи... Слова лукавыя... Болтовня женщинъ, а не мужей доблестныхъ достойная... Я знаю...

Кучумъ возвысилъ голосъ и повторилъ:

— Я знаю, какъ мало казаковъ. Наша же сила собрана достаточная.

Кучумъ всталъ, — стали подниматься и всѣ татары.

— Царевичу Маметкулу, — строго сказалъ Кучумъ, — съ пятью тысячами уланъ приказываю съ разсвѣтомъ идти на бѣлыхъ пришельцевъ. Разбить ихъ!.. Прогнать за Каменный поясъ!.. Истребить ихъ всѣхъ до одного!.. Га!.. Гончая собака загрызла волка! Бабій бредъ... Стыдитесь!.. Идите, готовьте стрѣлы... Точите сабли... Огнемъ стрѣляютъ... Вратъ научились подлая собачьи души!..

Старшины и мирзы, пятась, стали отступать къ выходу изъ юрты.

Ѳедя метнулся отъ юрты, хотѣлъ встать, наткнулся на какого то татарина, бѣжавшаго съ лошадыю, чтобы подать ее мирзѣ, тотъ схватилъ его и крикнулъ:

— Держи его!.. Тутъ соглядатай?!..

*) Шаманы — колдуны.

Со всѣхъ сторонъ побѣжали люди. Въ темнотѣ они сталкивались, сшибались и въ мигъ надъ Ѳедей образовалась гора людей, то, что въ дѣтской игрѣ называется «мала-куча».

Кто-то кого-то билъ, кто-то начальнически строго спрашивалъ, кого поймали и надъ Ѳедей гомоздились тяжело дышащіе чесночнымъ духомъ татары и было видно, что никто въ этой темнотѣ ничего не понималъ.

— Факелы сюда! Освѣтитъ огнемъ! — крикнулъ кто-то.

Куча зашевелилась, тяжесть, навалившаяся на Ѳедю стала меньше. Татары вскакивали и бѣжали къ кострамъ. Освободившійся отъ нихъ Ѳедя побѣжалъ за ними.

XXIX.

ТАМАША

Татары растаскивали костры, выхватывая головни. Мракъ сталъ въ Кучумовомъ станѣ. По всѣмъ направленіямъ, спотыкаясь о колья юртъ, о коновязи, натываясь другъ на друга, на лошадей, падая и вскакивая, метались татары. Головни въ ихъ рукахъ носились, какъ громадныя свѣтляки. Потревоженные лошади ржали и прыгали, били задними ногами. Лаяли собаки. Кто то, ушибленный въ этой суматохѣ кричалъ и стоналъ, прося о помощи.

— Тамаша!.. Тамаша*), — кричали кругомъ Ѳеди бѣгущіе татары и уже никто не понималъ, кто кого ищетъ.

Татары, пробѣгая мимо Ѳеди, спрашивали его торопливо:

— Ты видалъ его?..

— Кого?

— Шайтана!.. Шайтанъ, сказываютъ, забрался въ станъ.

— И бѣжали дальше.

*) Тамаша — тревога. Шайтанъ — дьяволъ.

Не думая о томъ, куда бѣжить, Одея стремился только скорѣе выбраться изъ татарскаго стана. Онъ пробѣжалъ мимо большого, полыхнувшего отъ него табуна и, наконецъ, темная влажная ночь обступила его. Сзади остались крики поднятаго на ноги становища. Оттуда скакали по всѣмъ направлениемъ люди, посланные на поиски соглядатая.

Отбѣжавъ по степи около поприща, Одея легъ и притаился въ холодной и сырой травѣ. Гдѣ-то, шагахъ въ трехъ отъ него, рысью, возвращаясь въ станъ проѣхало два татарина. Они оживленно разговаривали.

— Ищи шайтана въ степи, — говорилъ одинъ. — Онъ тебѣ сусликомъ обернулся, въ нору юркнулъ и былъ таковъ.

— Да никого, видать, и не было. Это Джемаледдину попритчилось такъ... Изъ-за одного человѣка весь станъ всколыхнули, — отвѣчалъ другой, и оба скрылись въ степи, направляясь къ татарскому становищу, гдѣ краснымъ заревомъ снова пылали раздутые и разоженные костры. Тамъ продолжалась сумятица.

Одея приподнялся съ земли и осмотрѣлся. Кругомъ была безбрежная тихая степь. Темная ночь была въ ней. Небо сіяло и переливалось безчисленными звѣздами.

Если бы Одея умѣлъ, какъ казаки, по звѣздамъ опредѣлять свое мѣсто!? Если бы онъ умѣлъ примѣчать по вѣтру откуда и куда онъ шелъ — онъ зналъ бы, гдѣ искать станъ Ермака. Но, когда скакалъ на развѣдку, не думалъ объ этомъ. Отъ быстрого скака лошадки билъ вѣтеръ ему въ лицо и онъ не замѣтилъ откуда онъ дулъ.

Еще и еще разъ оглядѣлся Одея.

Кругомъ тьма. Погасли, видно, костры казачьяго стана, или не видно ихъ за березовой рощей. Отовсюду глядитъ чернота ночи и отовсюду равно вѣетъ сладкимъ духомъ осенней травы.

Съ разсвѣтомъ царевичъ Маметкулъ съ пятью тысячами уланъ пойдетъ на Ермака!!.. Онъ, Одея, кому Ермакъ довѣрилъ такую важную развѣдку не дастъ знать объ этомъ Ермаку.

Двадцать поприщъ*) отдѣляло ихъ станы и Одея могъ бы за ночь добѣжать и сказать Ермаку все то, что онъ услышалъ на военномъ совѣтѣ Кучума. Ну, задохся бы, ну умеръ бы отъ утомленія, но раньше сказалъ бы все это, такое важное для Ермака.

Татары колеблются... Татары боятся казаковъ... Они пугаютъ себя разными страхами... Они смущены... Смѣлѣй Ермакъ — ты сотнями побѣдишь тысячи!

Куда бѣжать?!..

Сердце мальчика разрывалось отъ тоски.

Обладать такою тайной!.. Такъ блестяще сдѣлать развѣдку и не имѣть возможности найти въ этой безбрежной степи Ермака! О! Если бы имѣть такой голосъ, что сказать тутъ, а тамъ Ермакъ услышалъ бы его!.. Но нѣтъ такого голоса!

Все было понапрасну. И опасность быть схваченнымъ и разорваннымъ на части татарами, и потерянная лошадь, и пропавшій Восяй.

Слезы полились градомъ по Оединымъ щекамъ, когда онъ вспомнилъ о своемъ вѣрномъ Восяѣ. Порвали его тамъ въ этой суматохѣ татарскія собаки.

— Восяй?! — крикнулъ Одея, и голосъ его слабо замеръ въ степныхъ просторахъ.

Одея упалъ на колѣни и скинулъ съ себя татарскую шапку. Наступить разсвѣтъ, выступить царевичъ Маметкулъ съ конною ратью, разсыпятся по степи уланскіе дозоры и скоро запримѣтятъ одинокаго пѣшаго въ степи. Поймаютъ его. Куда убѣжишь отъ конныхъ?.. Поймаютъ, привяжутъ ногами къ хвостамъ лошадей и пустятъ ихъ въ разныя стороны. Разорвутъ пополамъ Оедино тѣло тѣ лошади.

— Ну что же? Онъ шелъ на это!.. Онъ, Одея, не смерти боится, а боится того, какъ же не скажетъ онъ Ермаку всего того, о чемъ онъ узналъ въ Кучумовомъ станѣ?!

*) Точная мѣра поприща не установлена. Это и 350 и 500 и 750 сажень, въ данномъ случаѣ 750 сажень, т. е. 30 верстъ было между Кучумомъ и Ермакомъ.

А-ну поколеблется Ермакъ? Испугается тысячь татарскихъ и сдасть?!

— Пусть я умру, — повторялъ Одея, — но дай мнѣ, Господи, раньше смерти сказать Ермаку: — смѣлѣе! не бойся ихъ силы... Они боятся тебя!..

Одея билъ лбомъ землю.

— Пресвятая Богородица помоги, Пресвятая Богородица научи, ходатайствуй, проси обо мнѣ Ты, Скоропоспѣшающая въ людской бѣдѣ, приди и скажи Своему Сыну!.. Явись за меня Ермаку и благослови его на брань...

Одея лежалъ лицомъ въ росистой травѣ, уже ни о чемъ не думая. Онъ примирился съ грядущею смертью. И передъ нею онъ всталъ и нѣсколько разъ въ разныя стороны крикнулъ, позовавъ:

— Восяй!.. Восяечка!.. Восяйчикъ!.. Восяй!..

Тишина крѣпко лежала въ степи. Мертвымъ сномъ спала безкрайняя зеленая пустыня и замеръ въ ней звукъ Оедина голоса.

Ночь все шла. И нельзя было никакими силами остановить ея мѣрную, ровную поступь.

Знакомое, радостное повизгиваніе и шорохъ въ травѣ отъ быстрого собачьяго скака заставили Оедю очнуться отъ тяжелаго раздумья.

— Восяй!

Собака прыгала подлѣ Оеди стараясь лизнуть въ лицо, что означало крайній предѣлъ ея ласки. Всѣмъ видомъ своимъ, упругими изгибами мохнатого тѣла она какъ бы извинялась и оправдывалась въ своемъ опозданіи. Точно говорила:

— Ты думаешь, хозяинъ, мнѣ легко было уйти отъ собакъ такъ, чтобы онѣ не замѣтили, куда я пошелъ. Ты думаешь — это такъ просто? Онѣ такъ полюбили меня! Онѣ такъ хотѣли, чтобы я остался съ ними! Пришлось сказать, что у меня въ степи спрятана косточка и что я только сбѣ-

гаю за ней. А какъ побѣжалъ — надо было заметывать слѣды. Я прыгалъ... Я петли дѣлалъ, а самъ все искалъ твой слѣдъ... И вдругъ услышалъ: ты позвалъ меня...

Но Одея не понималъ того, что глазами, изгибами тѣла и хвостомъ торопливо рассказывалъ ему Восяй.

Одея былъ озабоченъ.

— Восяй, — сказалъ онъ. — Ермакъ!.. Понимаешь, Ермакъ... Ер-макъ!.. Мнѣ надо Ермака!..

— Ахъ только то, — будто отвѣтилъ, настораживая уши и внюхиваясь подвижными черными ноздрями въ степную даль, Восяй. — Но это такъ просто! Иди за мной!

Восяй поскакалъ по степи, оглядываясь, точно зова за собою Одея.

Одея побѣжалъ за Восеємъ.

— Скорѣй, Восяй, — скорѣй, — говорилъ Одея и бѣжалъ бѣгомъ, какъ добрая лошадь бѣжитъ рысью. довѣривъ свой путь Восею.

Свѣтлѣла ночь. Раздвигались дали.

Разсвѣтъ приближался.

XXX.

БОЙ СЪ ЦАРЕВИЧЕМЪ МАМЕТКУЛОМЪ

Ермакъ, не выходя изъ шатра, всю ночь прождалъ Одея.

Съ разсвѣтомъ онъ вызвалъ трубача и приказалъ поднимать казачій станъ. Печальные звуки хриплой трубы понесли по березовой рощѣ съ набухшими рососою тяжелыми желтыми листьями. Въ утренній куталась степь туманъ. Невидная за нимъ рѣка текла тихо. Чуть слышно было какъ лодки ударялись бортами другъ о друга.

Въ осеннюю, холодную, утреннюю сырость тяжело и неохотно поднимались казаки.

Глухой говоръ стоялъ надъ станомъ. Конныя сотни разламливали пущенныхъ въ табунъ лошадей, пѣшіе казаки протирали покрытые каплями росы стволы пищалей, суши-

ли полки, осматривали кремни. Задымили костры. Въ маленькихъ чугунахъ казаки варили похлебку.

Ермакъ пѣшій вышелъ на опушку лѣса. Онъ ждалъ того юношу, котораго такъ беззаботно просто послать вчера вечеромъ на развѣдку. Ермакъ все обдумалъ и все рѣшилъ. Онъ не колебался. Но ему надо было знать, каково настроеніе татаръ. Отъ этого зависѣло то, какъ онъ будетъ дѣйствовать.

Подъ густою пеленою тумана еще крѣпко спала степь. Туманъ спускался на землю. Вверху онъ прорывался и тамъ, какъ сквозь кисею, просвѣчивало лиловатое разсвѣтное небо. Осенній день обѣщалъ быть яснымъ и солнечнымъ.

На востокъ стали пробивать золотые солнечные лучи. День наступалъ ведряный.

Ермакъ вздохнулъ. — «Или обманулъ меня тотъ молодецъ?.. Или попался?.. Или въ степи блукаетъ?.. Неопытенъ... Напрасно, пожалуй, я послалъ его».

Онъ повернулся и бодрымъ шагомъ пошелъ въ рошу. У разобраннаго шатра его ожидали есаулы.

Ермакъ приказалъ Мещеряку съ конными сотнями слѣдовать за ладьями, укрываясь крутымъ берегомъ Иртыша.

— Вашъ бой — сабельный. Когда мы опрокинемъ татаръ — вы ихъ погоните.

Остальнымъ сотнямъ приказалъ садиться на лодки и подниматься вверхъ по Иртышу къ столицѣ Сибирскаго царства — Искеру.

Казаки разобрались по лодкамъ. Внесли на атаманскій стругъ знамена. Гребцы сѣли на весла.

Рѣка еще клубилась въ туманѣ, высокіе песчаные, обрывистые берега ея начали просвѣчивать. За ними алмазами росы блистала и будто дымилась степь.

— На воду! — приказалъ Ермакъ.

Весла ударили по рѣкѣ, и, шелестя заигравшею волною, челны вдвинулись въ стѣну тумана.

День наступилъ. Широко развернулись зеленые дали. Онѣ то скрывались обрывистымъ берегомъ, то вдругъ развертывались до самаго озера. Солнце свѣтило ярко, все выше взбираясь по голубому, безоблачному своду. Мѣрно раздавались всплески воды, разбуженной веслами и ровный скрипъ уключинъ. Далеко сзади за лодками легкой, высокой пылью пылили сотни Мещеряка.

Степью вдоль рѣки, шли рѣдкіе казачьи дозоры.

Дозорный казакъ остановился, взглянулъ въ даль и покакалъ къ рѣкѣ. Напруживъ задъ и упираясь передними ногами, храпя отъ страха, побуждаемая сильными ударами плети къ самой водѣ сползла лошадь.

— Атаманъ! — крикнулъ, маша шапкой, казакъ. — Татары! Видимо -невидимо!.. Вся степь пылитъ.

Казаки на ладьяхъ бросили грести и стали вставать. Ермакъ рукою указалъ причалить и вышелъ на землю. Онъ поднялся по обрывистому скату и сталъ смотрѣть вдаль.

Озеро было въ золотомъ сіяніи отъ легкой пыли, подымавшейся вдали. Искрами вспыхивали огоньки солнечныхъ отраженій на татарскихъ копьяхъ, доспѣхахъ и сабляхъ. Глухой топотъ неся отъ тысячъ конскихъ ногъ. Земля гудѣла.

Хмуро и озабоченно смотрѣли на надвигавшуюся орду вылѣзшіе за Ермакомъ на берегъ есаулы.

Казаки присмирѣли. Страшенъ былъ имъ бой съ надвигавшейся громадной силой.

Лицо Ермака было сумрачно, но спокойно. Внимательно, изъ подъ ладони онъ взглядывался въ степь и вдругъ лицо его просвѣтлѣло.

— Да помогите-же, помогите ему! — крикнулъ онъ.

Есаулы и казаки, столпившіеся сзади Ермака все свое вниманіе обратили на надвигавшуюся вдали и бывшую еще верстахъ въ пятнадцати, татарскую орду и не замѣтили бѣжавшаго къ нимъ по степи одинокаго человѣка.

Человѣкъ этотъ бѣжалъ, видимо, изъ послѣднихъ силъ. Онъ падалъ, вставалъ и бѣжалъ уже не прямо, но дѣлая петли.

— Григорій Недачинъ, — сказалъ атаманъ дозорному казаку. — Скачи къ нему. Дай ему лошадь!

— Татаринъ, — сказалъ кто-то.

— Ну!.. сказалъ!.. Да вѣдь это же нашъ Ѳедоръ Чашникъ... И Восяй съ нимъ, — радостно сказалъ Семенъ Красный.

— Откеля онъ?..

— Съ развѣдки! — строго сказалъ Ермакъ и быстро пошелъ навстрѣчу къ скакавшему на лошади Недачина Ѳедѣ.

Ѳедя упалъ къ ногамъ Ермака. Онъ сейчасъ же пытался подняться, но силы его покидали. Мутнѣющими глазами онъ осмотрѣлъ столпившихся подлѣ него есауловъ и, обращаясь къ Ермаку, сказалъ слабымъ голосомъ:

— Татары боятся... Ночью... Кучума... совѣтъ... Я лежалъ подъ юртой... все слышалъ... Таузакъ сказалъ объ огневомъ боѣ... Боятся пищалей... Рассказывали сны... Предчувствія... Ихъ шаманы сказали: — Москва побѣдитъ орду... Много ихъ, а сила ихъ... ничто...

Ѳедя закрылъ глаза, и впалъ въ забытье.

— Отнесите малаго въ мой челнъ, — приказалъ Ермакъ.

— Вы слышали? — обратился онъ къ есауламъ. — какъ малый Давидъ побѣдилъ великана Голиафа и съ нимъ несмѣтное войско Филистимлянское, такъ и мы сокрушимъ татаръ! Начнемъ бой съ ладей, пищальнымъ огнемъ, а какъ собьемъ — Мещерякъ со своими молодцами ихъ прикончитъ. Съ Богомъ! На челны!

Золотисто-розовое облако пыли стало рѣже и выше. Татары пошли рысью. Вмѣстѣ съ гуломъ конскаго топота стали доноситься гортанные ихъ крики.

— Ай-а!.. Гуа... га-на-на!.. Уа-а-ахъ! — несло по стени.

Быстро росли всадники. Уже зоркіе казаки различали кожаные коричневые доспѣхи татаръ, ихъ мягкія, круглыя, островерхія шапки, отороченныя мѣхомъ. Кое гдѣ блиста-

ли металломъ щиты и тяжелые доспѣхи изъ стальныхъ плитокъ, невиданной казаками работы. Пестро-окрашенные пучки конскихъ волосъ мотались подъ копьями. Отъ строя татаръ отдѣлялись, выскакивая, отдѣльные всадники и наметомъ скакали къ рѣкѣ.

Крики татаръ стали громче. Рѣзко раздавались голоса начальниковъ. Литавры забили, заглушая голоса.

Сотня Мещеряка укрылась за крутымъ береговымъ обрывомъ. Ладьи стояли въ двадцати шагахъ отъ берега. Между ними, образуя плотную цѣпь, прыгнули въ воду казаки и стали, кто по колѣно, кто по поясъ въ рѣкѣ. Пищали были заряжены. Одни казаки приладили ихъ на сошкахъ, распертыхъ на борту лодки, другіе положили на плечо товарища-односума, третьи готовились стрѣлять, богатырскими руками уставивъ въ плечо двадцати-фунтовую рушницу.

Старый казакъ-монахъ Соловецкой обители и съ нимъ два старика, на атаманской ладѣ, подъ святыми знаменами, стариковскими голосами запѣли молебное пѣніе.

— Пресвятая Богородице спаси насъ!

— Святый Великомучениче и Побѣдоносче Георгій моли Бога о насъ!..

Казаки сняли шеломы, стальные шапки, бараньи папахи и собачьи треухи и крестились.

Татарская орда подошла къ берегу. Начальники скакали вдоль нея, отдавая приказанія. Алымъ пламенемъ сверкнули на солнцѣ обтянутые краснымъ сафьяномъ саадаки. Татары вынули луки. Туча стрѣлъ съ приближающимся коварнымъ свистомъ понеслась къ рѣкѣ и упала въ воду, поднявъ за-серебрившіяся брызги. Стрѣлы не долетѣли до казаковъ. Татары продвинулись ближе.

Въ то же мгновеніе вся линія казачьей цѣпи опоясалась густымъ бѣлымъ дымомъ, сверкнуло яркое желтое пламя и съ рѣзкимъ воемъ полетѣли пули и жеребья по татарамъ. Грозный грохотъ, точно громовой раскатъ прокатился надъ рѣкой и затрещалъ, эхомъ отдаваясь о крутые берега.

Татарскіе кони поднимались на дыбы и поворачивали назадъ. Къ гортаннымъ крикамъ примкнули вопли о помо-

щи и протяжный жалобный визгъ невидимо чѣмъ раненыхъ татаръ.

Царевичъ Маметкулъ въ сіяющихъ серебромъ доспѣхахъ, въ островерхомъ шеломѣ, на статномъ сѣромъ жеребцѣ промчался вдоль строя, призывая къ порядку. Новая туча стрѣлъ понеслась на казаковъ.

Выстрѣлившіе изъ пищалей казаки сѣли на дно лодокъ и проворно засыпали изъ пороховницъ порохъ, забивали войлочные пыжи, проталкивали пули и жеребья, насыпали подъ кремь порохъ.

Ихъ мѣсто заняли другіе казаки съ готовыми пищалями и новый громъ поразилъ татаръ.

Маленькія пушки метнули ядра. — Орда смѣшалась.

Каждый татаринъ видѣлъ, что пришельцы изъ за Каменнаго пояса были необычайные люди. Они, знали съ «нимъ» — съ шайтаномъ — и дьяволъ имъ помогалъ. Они были громаднаго роста, силачи, богатыри. Отборные люди, молодцы станичники, гулебщики по Волгѣ пошли съ Ермакомъ воевать Сибирь и эти люди показались татарамъ — страшными великанами.

Татарская орда повернула. Шагахъ въ пятистахъ отъ рѣки царевичу и мирзамъ удалось успокоить татаръ и остановить ихъ. Они устроились и понеслись полнымъ скокомъ къ рѣкѣ. Точно хотѣли они спрятуть съ обрыва въ рѣку и самыя лодки затоптать конскими копытами.

Крики стономъ стояли надъ ордою. Копья, сверкая, крутились въ рукахъ у копѣйщиковъ, луки со стрѣлами были на готовѣ. Съ размаху донеслись они до крутого обрыва и пустили отсюда стрѣлы. И такъ же покойно окуталась огнемъ и дымомъ казачья цѣпь, и пули и жеребья сразили еще многихъ татаръ.

Тогда, разсѣиваясь по степи, пошли татары на утекъ.

Сотня Мещеряка бросилась за ними. Въ ней было безъ малаго сто человекъ, татаръ было около пяти тысячъ, но ихъ охватила паника и они неслись безъ оглядки по зеленой степи.

Казакѣ ихъ настигали
Сильная рука заносила сабель-
ный ударъ и обезглавленное
тѣло падало тяжело, точно
кулъ муки, шлепаясь о землю.

И долго преслѣдовали ка-
заки, пока не стали сдавать
уставшія лошади, не стали
просить пощады татары.

Ермакъ пощадилъ плѣн-
ныхъ, далъ имъ свободу и об-
ласкалъ ихъ. Онъ зналъ, какъ
и чѣмъ купить сердца азіатовъ
и какъ малыми силами завое-
вать Сибирь.

Сильная рука заносила ударъ.

Покончивъ съ плѣнными, перевязавъ своихъ раненыхъ
стрѣлами казаковъ, Ермакъ пошелъ вверхъ по Иртышу и
въ сумеркахъ дошелъ до устья рѣки Тобола, гдѣ высадился
на берегъ и устроилъ свой станъ.

Все это время Ѳедя въ тяжеломъ не то снѣ, не то за-
бытѣи пролежалъ на днѣ ладьи и сквозь забытѣе неясно
слышалъ грохотъ выстрѣловъ, гортанные крики и протяж-
ное молебное пѣніе.

Очнулся онъ ночью. Надъ нимъ былъ холстъ шатра,
освѣщенный свѣчею. Ѳедя сѣлъ и увидѣлъ Ермака.

— Атаманъ! — воскликнулъ Ѳедя, — прости меня... Я
совсѣмъ не помню, какъ забрался я сюда.

— Это. я приказалъ тебя принести ко мнѣ. Тотъ, кто
показалъ себя храбрымъ, смышленнымъ и неутомимымъ ка-
закомъ, кто сослужилъ мнѣ вѣрную службу — тотъ мой
другъ. Спасибо, Ѳедоръ! Ты много мнѣ помогъ въ сего-
дняшней побѣдѣ. Отнынѣ ты будешь моимъ есауломъ!

МЯТЕЖЪ ВЪ КАЗАЧЬЕМЪ СТАНѢ

Первая побѣда надъ конною ратью царевича Маметкула дала Ермаку много славы, но доставила ему и не мало заботъ.

То, что увидали и испытали татары въ этомъ первомъ бою съ казаками было такъ необычайно, невѣроятно и страшно, что отъ улуса къ улусу, отъ ханства къ ханству, изъ юрты въ юрту пошла страшная молва: — «Ермакъ знается съ «нимъ» и «онъ» ему помогаетъ». Нечистая сила вмѣшалась въ людскія дѣла и съ нечистой силой нельзя было бороться. Огневой бой... Страшныя раны, многія на вылетъ отъ невѣдомаго оружія, куски свинца и желѣза въ ранахъ, грохотъ — все это невиданное никогда — было непонятно. И что могли противопоставить этому татары? Луки и стрѣлы? Копья и сабли?.. Ужасъ охватилъ сибирскія племена.

Безпредѣльная степь ожила и заговорила. Всѣ надежды татаръ были на громадное пространство ихъ земли. Вогулы и остяки уходили при приближеніи казаковъ. Юрты снимались. Стада угонялись. Городки разрушались и все, что можно было увезти — татары увозили съ собою. Ермакъ не находилъ пропитанія для своего отряда. Новые припасы отъ Строгонова не прибыли. Старые сухари были съѣдены. Питались рыбой и мясомъ птицъ и джейрановъ*), которыхъ находили въ степи и убивали стрѣлами.

Приближалась Сибирская зима. Утренники стали морозные, кругомъ былъ стеклянный иней и темная дымила въ Иртышъ вода. Кругомъ безлюдье и тишина осени. Казаки стали скучать и хворать. Смолкли пѣсни. Хмурыя, недовольныя лица были кругомъ Ермака. При встрѣчѣ съ атаманомъ казаки не глядѣли ему открыто въ глаза. Смотрѣли мимо него.

*) Дикія козы.

— Заведъ чортъ знаетъ куда!.. А зачѣмъ?.. Очень нужна кому эта Сибирь!.. Говорили: — золотое дно, а что оказалось! Съ голоду помирать что-ль?..

По берегамъ Иртыша пошли сосновые, еловые и кедровые лѣса. Природа становилась дикой. Скалы смѣнялись округлыми горами — сопками. Въ тѣсныхъ ущельяхъ балокъ густо росъ дубнякъ и боярышникъ. Коричневый сухой листъ звенѣлъ, обрываясь на вѣтру. Теченіе было быстрое и тяжело было грести противъ него.

О Кучумѣ слышали, что онъ ушелъ въ свою столицу Искеръ и недалеко отъ нея укрѣпился съ несмѣтнымъ войскомъ. Всѣ вогульскіе и остяцкіе князья собрались къ нему. Посылалъ онъ будто, и за Ишимскую степь, за Алтайскія горы, поднимать киргизовъ на защиту Сибири отъ казаковъ.

Отрядъ Ермака таялъ. Изъ восьмисотъ оставалось немного болѣе пятисотъ. Ермакъ упрямо шелъ вверхъ по Иртышу и гдѣ считалъ нужнымъ закладывалъ городки, рубилъ избы, насыпалъ валы и оставлялъ тамъ охранные отряды.

22-го октября 1581 года казаки заняли городокъ Атикъ-мурзы, стоявшій въ трехъ поприщахъ отъ Искера.

Городокъ былъ пустъ. Немногія глинобитныя постройки были развалены. Каменные кошары*) были полны овечьего помета. Нигдѣ не было ни овцы, ни курицы, ни мѣшка зерна. Надъ берегомъ глухо шумѣлъ еловый лѣсъ. Глыбы гранита сѣрыми скалами выбивались изъ мха. Мѣсто было глухое и страшное.

По приказу Ермака казаки оставили лодки и вышли на берегъ. Они разставили атаманскій шатеръ, снесли къ нему знамена, себѣ построили шалаши изъ вѣтвей,

Молча сидѣли голодные казаки въ лѣсу у костровъ. Морозило. Сильно вызвѣздило холодное, точно льдистое небо. Порывами налеталъ вѣтеръ и глухо шумѣлъ вершинами деревьевъ. Съ опушки было видно, какъ вдали заревомъ костровъ и огней пылалъ Кучумовъ станъ подлѣ Искера и,

*) Загоны для овецъ.

казалось, что слышенъ былъ неясный гулъ голосовъ, ржаніе коней, мычаніе и бляеніе стадъ и ревъ верблюдовъ.

Когда Ѳедя проходилъ по стану онъ видѣлъ молчаливыя хмуряя лица. Никто не скажетъ Ѳедѣ слова привѣта, не улыбнется, не позоветъ Восея. Кто-нибудь подниметъ глаза на Ѳедю и проводить его тяжелымъ взглядомъ изъ подълобья. Отъ этого взгляда холодокъ побѣжитъ по спинѣ у Ѳеди и онъ невольно ускорить шаги.

Морозная ночь шла въ мертвой тишинѣ. Въ шатрѣ Ермака мерцала, то вспыхивая, то угасая лучина. Тамъ собрались старикъ Гаврила Лаврентьевичъ, есаулы Иванъ Кольцо, Никита Панъ и Мещерякъ.

И тамъ было тихо.

Ни вина, ни браги, ни меда у казаковъ, давно не было. Пили студеную воду изъ Иртыша — и этимъ гулебщикамъ станичникамъ было скучно безъ хмѣля и въ ихъ безшабашныя головы шли мысли о тихомъ покоѣ теплыхъ хатъ, о домѣ, о покинутыхъ соломенныхъ городкахъ на Дону, о пьяныхъ кружалахъ на Волгѣ и въ Рязани.

Осточертѣла Сибирь, непонятная и необъятная.

Перевалило за полночь.

Вдругъ по казачьему стану пронесли смоляные факелы.

— На кругъ... На кругъ!.. — раздались голоса.

— Кто приказалъ? — спрашивали кое-гдѣ, но звавшіе на кругъ не отвѣчали и проходили дальше, не громко, точно потаясь, вызывая:

— На кругъ!.. на кругъ...

Никто не шелъ къ знаменамъ. Не слышно было распѣвно-звонкихъ «есаульскихъ» голосовъ. Все совершалось необычно, и Ѳедѣ показалось: — какъ то воровски.

Казаки вставали отъ костровъ. Они пристегивали сабли, вздѣвали саадаки и колчаны и хмуρο, медленно, точно съ трудомъ отдирая ноги отъ земли, волоча пищали за дуло, шли къ Ермакову шатру и сбивались недалеко отъ него кучами.

Ѳедя вошелъ въ ихъ толпу.

Она была молчалива. Кто-нибудь скажетъ два три слова, пустить ту мысль, что всѣми владѣла и замолчить, испуганно оглядываясь.

— Идти назадъ!.. Чего тамъ... Довольно!

— Домой!..

— Не желаемъ воевать съ татарами.

— Чтобы, значить, миръ... и свободный пропускъ на Каму.

— Вотъ-вотъ, гляди, рѣки стануть. Сама зима! Какая тутъ война.

Факелы освѣщали хмурыя и, Ѳедѣ показалось, — злобныя, зловѣщія лица.

— Подите къ атаману, — скажите: войсковой кругъ требуетъ атамана.

Но никто не шелъ къ Ермакову шатру. Онъ былъ наглухо закрытъ и было видно какъ тамъ, полая, горѣла лучина, отбрасывая на полотнища подвижныя тѣни.

— Сказать атаману, чтобы велъ назадъ... Повоевали и довольно.

— Ни добычи, ни славы!

— Съ голоду пухнемъ!

Грознѣе и громче шумѣлъ казачій кругъ, тѣснѣе сдвигался въ лѣсу вокругъ атаманскаго шатра. Факелы горѣли, треща смолою и падали огромныя, страшныя тѣни въ лѣсную чашу.

— Что въ самомъ дѣлѣ! Такого атамана и скинуть — вся не долга. Воля круга, — выкрикнуть, выдвигаясь впередъ рябой, несуразый веснушчатый казакъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ палаткѣ.

Въ тоже мгновенье разомъ, пошатнувъ шатеръ, распахнулись полы и изъ внезапно потемнѣвшей палатки въ свѣтъ факеловъ широко шагнулъ Ермакъ, сопровождаемый есаулами. Онъ былъ въ бронѣ и стальной шапкѣ, при саблѣ, съ тяжелымъ шестоперомъ въ могучей рукѣ. Весь кругъ, какъ одинъ человекъ снялъ шапки. Мертвая тишина стала въ лѣсу. Нѣкоторое время такъ въ полной неподвижности стоялъ Ермакъ противъ казаковъ.

Наконецъ, онъ рѣзко, рывкомъ, кинулъ:

— Вы чего?..

Молчаніе было отвѣтомъ. И опять въ тишинѣ точно остановилось напряженное время.

— Вы что здѣсь самовольно собрались?.. Какая такая нужда заставила васъ ночью тамашу дѣлать безъ моего на то приказа? — строго сказалъ Ермакъ и орлиными властными глазами окинулъ казаковъ.

Казаки потупились подъ его взглядомъ.

Тогда рябой казакъ, вдругъ оказавшійся впереди всѣхъ сталъ говорить ни къ кому не обращаясь.

— Воля казачьяго круга: — идти назадъ по домамъ... Самъ съ нечистымъ спознался — ему ничего... А мыдохнемъ въ этой проклятой Сибири... Обрыдло... Мы воевали достаточно... Желаемъ идти назадъ на Тихій нашъ Донъ. Такова воля бойцовъ! — онъ повысилъ голосъ и хрипло и напряженно выкрикнулъ, — а не то — скидывай атамана!.. Долой Ермака!

Ермакъ терпѣливо выслушалъ несвязную рѣчь казака. Онъ сбросилъ шелома и кинулъ его къ шатру. Посѣдѣвшія кудри разметались по плечамъ. Ермакъ широко перекрестился.

— Сознался съ нечистымъ! — усмѣхнулся онъ. — Татарскія, бабьи розказни... Пустыя рѣчи... Такъ крестятся продавшіе душу свою врагу христіанскаго рода?

Онъ еще разъ перекрестился и, вдругъ сжавъ кулаки и откинувъ назадъ руки, весь порывъ и движеніе, широко шагнулъ впередъ и остановился противъ попятившагося передъ нимъ казака.

— Такова воля бойцовъ! — грозно крикнулъ онъ. — Ты то боецъ!? Я тебя, Ермолай Заяцъ, отлично знаю. По шерсти дана тебѣ кличка, презрѣнный трусъ!.. Въ кашеварахъ весь походъ былъ. Пороху не нюхалъ, сабли въ рукахъ не держалъ, а казаковъ мутишь!..

Смертельная блѣдность покрыла лицо Зайца.

— Я что-жъ! — хрипло сказалъ онъ. Я ничего. Что люди, то и я. Воля народа!

— Взять его! — рѣзко бросилъ Ермакъ.

Меркуловъ и Семень Красный схватили казака и подъ руки вывели изъ круга.

— Скидывать атамана во время похода! — грозно сказалъ Ермакъ, — вы знаете чѣмъ это пахнетъ? Въ куль да въ воду! Воля народа?.. Воля народа что-ли бросать начатое дѣло?

Онъ замолчалъ и стоялъ противъ круга, тяжело дыша. Онъ ждалъ, что ему скажутъ казаки. Но они молчали. Наконецъ сзади, кто то несмѣло крикнулъ:

— Идти домой!..

— Домой... домой... домой!.. — загудѣли голоса.

Ермакъ ожидалъ, когда поднявшійся ропотъ утихнетъ.

— Домой?.. Назадъ?.. — тихо сказалъ онъ. И какъ только раздался нарочно притушенный его голосъ, на кругу стала напряженная тишина.

— Зачѣмъ?.. Идти назадъ черезъ безлюдную и мрачную пустыню, которую мы только что съ такими трудами прошли?.. Идти черезъ горы, покрытыя уже глубокимъ снѣгомъ?.. Идти пѣшкомъ — потому что рѣки замерзнуть, а коней нечѣмъ будетъ кормить въ степи!

Ермакъ говорилъ это тихо съ большою убѣдительностью. Казаки слушали его, опустивъ головы. Въ лѣсу была такая тишина, что слышно было, какъ далеко за лѣсомъ гомонила татарская орда.

— Идти назадъ, — повысилъ голосъ Ермакъ, — когда вотъ она Сибирь передъ нами и наша! Еще одно усиліе и мы завершимъ великою побѣдою наше славное дѣло... И мы сможемъ наши прошлые грѣхи... А, если Богъ судилъ умереть...

Ермакъ приостановился и есаулъ Иванъ Кольцо весело договорилъ:

— На то казакъ и родился, что онъ царю пригодился!.. Помирать все равно когда-нибудь намъ да придется. Не на постели же намъ помирать, а въ чистомъ полѣ.

— По мѣстамъ! — сказалъ Ермакъ. — А Ермолая Зай-

ца за его смутныя рѣчи, посадя въ полѣ, забить стрѣлами на смерть..

И, круто повернувшись, шагнулъ въ свой темный шатеръ.

Казакѣ, молча, расходились по шалашамъ. Было тихо въ казачьемъ станѣ. Одея видѣлъ, какъ казаки озабоченно прочищали ружья, наполняли порохомъ пороховницы, лили пули и рубили желѣзные жеребья. Тутъ, тамъ слышался свистящій звукъ каменнаго бруска по сабельному клинку:

— Жжигъ, жжигъ!.. и опять, — жжигъ, жжигъ!..

И чей то молодой, незнакомый Одея голосъ въ тишинѣ стана ясно и спокойно сказалъ:

— Если меня убьютъ, Расскажи дома, какъ меня убили.

XXXII.

БОИ У СЕЛЕНІЯ ЧУВАШЕВА

Утро наступило хмурое. Моросилъ мелкій холодный дождь. Ледяной вѣтеръ срывалъ послѣдніе листы съ дубовъ. Сосны и ели печально шумѣли.

У Ермакова шатра появился старый трубачъ. Мѣдная труба еще вчера черно-зеленая отъ грязи и ржавчины была ярко начищена и самъ трубачъ въ чистой рубахѣ и сѣромъ заплатанномъ азымѣ выглядѣлъ молодцомъ. Онъ затрубилъ подъемъ. Хорунжіе приняли знамена. Отецъ Досифей запѣлъ со стариками:

— Богъ Господь и явился намъ!

Кучумъ укрѣпился у селенія Чувашева. Земляные валы и дубовыя засѣки было рѣшено противопоставить силѣ казачьяго огня.

Татары въ восемь разъ превосходили численно казаковъ. Но между ними не было единства. Остяцкіе князья не хотѣли воевать. Киргизы не пришли. Маметкулъ съ вогулами жаждалъ сразиться съ казаками въ чистомъ полѣ.

Когда въ сѣрой, парной завѣсѣ мелкаго дождя татары

увидали незначительный числомъ отрядъ Ермака, Маметкуль приказалъ разметать засѣлки и вышелъ навстрѣчу казакамъ.

Шедшія впереди Ермаковой дружины конныя сотни Мещеряка и Никиты Пана развернулись широкою лавою, за ними устроились для огневого боя пѣшія сотни, руководимыя самимъ Ермакомъ.

Татары съ дикими криками, въ копья бросились на казаковъ. Казаки подпустили ихъ на пятьдесятъ шаговъ и, круто повернувъ назадъ, поскакали, раздаваясь въ стороны и открывая ставшій на готовѣ отрядъ Ермака. Оттуда точно громъ грянулъ. Метнуло пламя и визгнули пули. Татарская орда повернула назадъ. Казаки кинулись за нею. Они вскочили въ самыя засѣлки, за ними ворвались пѣшія сотни и все перемѣшалось въ рукопашномъ бою. Казаки были много рослѣе татаръ. Они, — одни закованные въ броню, другіе въ овчинныхъ крѣпкихъ полушубкахъ подавались маленькими тѣсными кучками въ толпы татаръ. И были ихъ кучки, какъ подвижныя крѣпости.

Съ хрипомъ падали сабли на татарскія шеи. Казаки рубили головы до плеча и наводили ужасъ на татаръ. Схватившись руками, тѣсною стѣною шли казаки, осыпаемые стрѣлами.

Одея шелъ при Ермакѣ подъ его знаменемъ. За нимъ, ощерившійся, съ дыбомъ поднявшейся шерстью брелъ Восей, готовый перегрызть горло всякому, кто къ нимъ подойдетъ.

Бывалые были люди станичники Ермака. И на Волгѣ, когда на бордажъ брали персидскія суда и на Черномъ морѣ на берегахъ Анатоліи, гдѣ сражались съ турецкими аскерами и на Каспіѣ, гдѣ видали персидскихъ воиновъ — они смотрѣли въ глаза смерти. Но никогда не было у нихъ такого неравенства силъ. Рубили, били ослопами*) палили изъ рушницъ, стрѣляли изъ луковъ, падали сами израненные, мертвые, а татарская сила не уменьшалась числомъ.

*)Дубинами съ тяжестью на концѣ.

Были мгновенья, когда казалась побѣда невозможной, и напрасной борьба. Тогда оглядывались и видѣли надъ горами труповъ, по скользкой отъ крови землѣ медленно движется тяжелая икона св. Георгія. Рядомъ въ сыромъ воздухѣ повисла зеленая хоругвь и мягко свѣтится въ золотыхъ нитяхъ свѣтлый Спасовъ Ликъ. И тамъ увидятъ громадную широкую фигуру Ермака. Въ мокромъ стальномъ колонтарѣ, въ высокомъ шишакѣ онъ тяжело шагаетъ, и каждый взмахъ его сабли, какъ коса траву кладетъ татаръ. Тамъ увидятъ прекраснаго юношу съ румянымъ лицомъ и сіяющими глазами и чернаго пса бросающагося на татаръ со злобнымъ ворчаніемъ.

Оглянутся на нихъ и снова впередъ, туда, гдѣ подъ конскими хвостами на палкахъ, на возвышеніи стоитъ старый Кучумъ.

Прохрипитъ кто-нибудь:

— Мать честная Богородице помилуй мя...

Скажетъ среди ударовъ прерывистымъ голосомъ казакъ:

— Дай рушницу... Пальну... Рука устала.

Небо потемнѣло отъ стрѣлъ. И не чувствуютъ казаки идетъ дождь, или пересталъ. Холодно или нѣтъ.

Имъ жарко... Нестерпимо...

Все больше становилось алыхъ рубахъ, стальныхъ доспѣховъ, свѣтлыхъ азамовъ среди горъ татарскихъ тѣлъ. Таяла въ бою дружина Ермака. Не уменьшалась татарская сила.

Лѣтописецъ, описавшій этотъ бой, 23 октября, у Чувашева отмѣтилъ:

... «И бысть съча зла; за руки емлюще съчахуся»...

Конныя сотни Мещеряка и Никиты Пана, преслѣдуя Маметкула, наткнулись на дружины остяцкихъ князей.

Остяки, еще не принимая участія въ бою, въ ужасѣ толпились у Чувашева и смотрѣли, какъ казаки избивали вогуловъ. Мимо нихъ на епанчѣ пронесли раненаго царевича Маметкула. Потомъ съ дикими криками:

— Сѣкутъ!.. Сѣкутъ!.. прорвались, бросая копья, вогулы и слѣдомъ за ними показались конные казаки. Ихъ появленіе было такъ неожиданно, а натискъ такъ стремителенъ, что остяки, не принявъ боя, кинулись назадъ, увлекая за собою охрану Кучума и самого Сибирскаго царя.

Ихъ отчаянные крики, вопли и визги смутили главное татарское войско и въ то самое время, когда казаки теряли послѣднія силы, татары подались назадъ и стали отступать, очищая Чувашевъ.

Смерклось. Бой затихалъ. Иногда ударить гдѣ то въ сумеркахъ рушница, раздастся придавленный стонъ и опять станетъ казаться послѣ криковъ и возни сраженія тихо. Только все поле точно стонетъ стопами раненыхъ и умирающихъ.

Уже въ темнотѣ прозвучала призывъ труба Ермаковскаго трубача.

Подъ стягъ со святымъ Георгіемъ медленно сходились казаки. Несли тѣла убитыхъ. Ихъ было 107 человекъ. Безъ малаго четверть отряда потерялъ Ермакъ.

Ночью Ермакъ отошелъ на прежнее мѣсто къ городку Атика-мурзы.

24-го октября казаки хоронили убитыхъ. День былъ морозный. Замерзшая земля обледенѣла и неглубока была съ трудомъ вырытая братская могила.

Отецъ Досиѳей со старцами отпѣвалъ умершихъ. Ѳедя стоялъ сзади Ермака, широко крестился и слушалъ печальное пѣніе.

Москва вспоминалась ему. Церковь Воздвиженія и Наташа.

Такъ же какъ тамъ надрывно пѣли старики: —

— Житейское море воздвигаемое зря, напастей бурей...

Русь Московская пришла въ Сибирскія пустыни и принесла свою вѣру.

Отецъ Досиѣей подошелъ къ могилѣ, покадилъ пустымъ кадиломъ и сказалъ:

— Воины благочестивые, славою и честію вѣнчанные.

Поднялъ съ земли комокъ замерзшей глины и воскликнулъ:

— Земля бо еси и въ землю отъидеши!

Потомъ былъ тихій, длинный день. Конные развѣдчики пошли въ степь къ Искеру.

Наступила ночь. Въ ея морозную тишину вошелъ далекій гулъ и трескъ арбяныхъ колесъ, крики верблюдовъ и суета отступленія. Шумъ, замирая, становился тише.

На утро, ясное и морозное, съ сухимъ порхающимъ съ голубого неба снѣжкомъ вернулись развѣдчики и привезли радостное извѣстіе: — Кучумъ поспѣшно оставилъ Искеръ, столицу Сибирскаго царства...

26-го октября дружина Ермака вступила въ растворенныя настежь ворота Искера.

Дулъ ледяной вѣтеръ. Онъ схватывалъ пучки соломы и сѣна, поднималъ между домовъ пылевые смерчи и обжигалъ морозомъ зачугунѣвшія лица казаковъ.

Въ окнахъ домовъ бумага была порвана. Двери были растворены. По дворамъ и улицамъ валялись разбитые сундуки и коробка, тюки, одежда, оружіе, драгоценности, мѣха. Татары поспѣшно покидали Искеръ, бросая имущество.

Казаки нашли въ городѣ богатую добычу, хлѣбныя татарскія лепешки, кумысъ, битое мясо, скотину.

Они расходились по домамъ. Потянулъ кольцами и змѣями бѣлый дымъ изъ татарскихъ трубъ, запахло соломенной гарью и жильемъ.

Веселѣе заговорили казаки. На башни полѣзли часовые.

Зеленое знамя со Спасовымъ Ликомъ зарѣяло на морозномъ сибирскомъ вѣтру надъ главными воротами.

Отошла Сибирь къ Московскому царю.

Къ вечеру полетѣлъ, закружился со вдругъ потемнѣвшаго неба снѣгъ. Степь забѣлѣла. Завылъ Сибирскій буранъ, замель сугробами, все прибѣлая, засыпая трупы татаръ у Чувашева, заметывая кровавыя пятна.

Зимняя стужа настала сразу.

Все попряталось по домамъ. Чуть желтѣли окна отъ отблеска пламени въ печахъ. Тамъ отдыхали и отсыпались послѣ подвиговъ казаки. Съ башень доносился грубый простуженный голосъ сторожевого казака.

Все одно было, что въ Москвѣ и Рязани, что въ Орлѣ или Казани, что въ Канкорѣ у Строгоновыхъ, что въ только что занятомъ Ермакомъ Искерѣ. — Сибири.

— Раздорскому на Дону городку слава!..

Пробасили на сѣверной башнѣ.

На южной отвѣтили:

— Низовымъ черкасамъ слава!

Восточная башня отозвалась.

— Царской Сибири слава!

— Слава!.. Слава!.. Слава!..

Металась по вѣтру, подхватывалась бураномъ, уносила въ безпредѣльные Сибирскія степи — великая вѣсть о славной побѣдѣ казаковъ Ермака.

XXXIII.

ДАРЫ СИБИРИ

Все было покрыто снѣгомъ. Небо было синее, глубокое. Сибирскій морозъ трещалъ за домами. Изъ всѣхъ трубъ хвостами вился къ небу дымъ, и отъ этого дыма празднично и весело было на сердцахъ у Ѳеди.

Ермакъ, ходилъ по избѣ. Въ горницѣ было тепло. Окна заклеили бумагой и исправили печи. Цѣлый мѣсяцъ занимался Ермакъ устройствомъ своего отряда въ Искерѣ.

«Оконилъ», посадилъ на коней всѣхъ казаковъ. Далеко въ степи послалъ есауловъ оповѣстить татаръ о завоеваніи Сибири и о подчиненіи ея Московскому царю.

Съ морозами стали возвращаться изъ лѣсовъ и степей мирные татары. Они посылали съ поклонами гонцовъ и сами назначали дань. По приказу Ермака сдавали лучшее для посылки въ Москву, Царю Іоанну Васильевичу.

Отдѣльные юрты и цѣлыя кочевья и городки посылали къ Ермаку представителей заявить о вѣрности Русскому Бѣлому Царю и называли Ермака: «правителемъ добрымъ». На сотни верстъ глухою зимою ушли казачьи отряды, приводя къ клятвѣ татаръ, устраивая охранные городки, вѣтвями и соломенными вѣхами, намѣчая въ снѣжной степи булущіе широкіе шляхи.

Кучумъ отъ горя одряхлѣлъ, потерялъ зрѣніе и съ небольшимъ отрядомъ, одинокій скитался по Ишимской степи*) Оправившійся отъ ранъ Маметкулъ со своими уланами рыскалъ по степи, кругомъ Искера и захватывалъ одиночныхъ казаковъ, заставляя Ермака быть на сторожѣ.

Весь домъ Ермака былъ заваленъ товарами, присланными отъ татаръ для отправки въ Москву, въ даръ царю. По базамъ*) стояли кони.

Ермакъ въ собольей шубѣ подошелъ къ Ѳедѣ, переписывавшему за столомъ опись отобраннаго для царя, хлопнулъ Ѳедю по плечу и сказалъ:

— А ну, читай, что пошлемъ съ Иваномъ Кольцо для Москвы?

Ѳедя всталъ съ лавки, развернулъ длинный свитокъ и сталъ читать.

— Соболей темныхъ шестьдесятъ сороковъ...

— По сорокъ шкурокъ увязывали?

*) Къ югу отъ Тобольска въ верховьяхъ рѣки Ишима, въ нынѣшней Акмолинской области, около теперешняго гор. Кокчетавъ.

*) Дворамъ.

— Такъ точно, атаманъ. Самъ провѣрилъ. Всѣ полностью двѣ тысячи четыреста собольковъ, одинъ другого краше. Такихъ въ Москвѣ и не видали. Такимъ соболямъ цѣны нѣтъ.

— Ну ты-же знатокъ. Чти дальше.

— Чернобурыхъ лисицъ — двадцать.

— Маловато.

— Да вѣдь каковы лисицы то, атаманъ! Это не сиво-душки, а черны, какъ ночь. Мѣхъ въ синь отливаетъ. А нѣ-женъ какъ... Бобровъ Камчатскихъ — двадцать.

— Будетъ день, — задумчиво сказалъ Ермакъ, — ко-гда казаки Русскіе и на Камчатку заберутся. Мнѣ рассказы-валъ Бурнашъ про Камчатку. Горы тамъ есть дымныя и те-четъ изъ нихъ грязь. Занятно тѣ горы самому повидать... Ну, дальше что?

— Ларецъ березовый узорный и въ немъ литого золо-та самородковъ восемь... По двадцать и тридцать золотни-ковъ вѣсомъ...

— Это только для начала... Такъ пусть и скажутъ. Бо-гата золотомъ Сибирь...

— Ларецъ рѣзной, мамонтовой кости, китайской рабо-ты и въ немъ — изумрудовъ пятнадцать крупныхъ, амети-стовъ камней восемнадцать.

Дверь въ избу пріоткрылась, впуская клубы морознаго пара и въ нее заглянулъ казакъ въ бараньей шубѣ.

— Атаманъ, — сказалъ онъ, — привели коней, что для царя отбирали. Пожалуешь смотрѣть?

— Постой, Оедоръ. Пойдемъ посмотримъ какими ко-нями поклонится Сибирь царю Московскому.

Какъ гладкое серебряное блюдо блисталъ утоптанымъ, крѣпкимъ скрипучимъ снѣгомъ большой просторный дворъ. На немъ собрались есаулы и казаки. Пять татаръ въ теп-лыхъ, наваченныхъ халатахъ и круглыхъ мѣховыхъ шап-кахъ держали лошадей, накрытыхъ дорогами пестрыми ков-рами. У крыльца на длинной лавкѣ были разложены цвѣт-

нымъ сафьяномъ обшитыя, украшенныя бирюзою, луннымъ камнемъ, сердоликомъ и серебромъ конскія узды.

— Ну, Слѣпый, похвались, какихъ коней досталь по татарскимъ табунамъ. Зовутъ тебя Слѣпый, а ты позрячѣе любого глазастаго будешь. Гдѣ бралъ, рассказывай.

Тотъ, кого Ермакъ назвалъ Слѣпый — невысокаго роста, кривоногій, чернявый казакъ, весь заросшій бородою и усами, съ темнымъ, точно чугуннымъ, крѣпкимъ лицомъ, скинулъ шапку съ лохматой головы.

— Почти всѣ кони Маметкуловыхъ табуновъ. Онъ, сказывали мнѣ татары, самый большой заводчикъ у нихъ. Лишь первый конь пригнанъ изъ за Ишимскихъ степей, изъ за верховьевъ Иртыша, изъ за снѣговыхъ Алатаускихъ горъ. Особой породы то конь.

— Ну, похвались, похвались... Скиньте ковры, подавай коней на посмотри!

Тѣснѣе обступили казаки кругъ, гдѣ татары водили, показывая Ермаку, лошадей. Они останавливались поочереды противъ Ермака и Слѣпый докладывалъ Ермаку о породѣ и достоинствахъ коня.

— «Мунгалъ» — конь бѣлъ безъ единой отмѣтины, — говорилъ онъ, когда противъ Ермака установили широкаго сѣраго*) коня. — Ты погляди, атаманъ, — копытъ у него какой, розовый совсѣмъ. Крѣпче сердолика камня. Нога короткая, широкой кости сбоку, а спереди тонкая. Спина съ изгорбиной, а крупъ — хотъ спать ложись. Семь лѣтъ коню, а побѣжка такая, что ни одна лошадь его обогнать не можетъ.

— Надѣньте на «Мунгала» — голубую въ серебрѣ узду — такъ и подведете его Царю. Давай слѣдующаго.

Татаринъ подвелъ къ Ермаку прекраснаго солового коня. На солнцѣ онъ казался золотисто-розовымъ. Нѣжная чолка, грива и хвостъ были бѣлыя. Размытый, разобранный ру-

*) Бѣлыхъ лошадей называютъ сѣрыми. Почти всякая лошадь бѣлой становится съ годами. Бѣлыми зовутъ лошадей серебристой шерсти по темной кожѣ.

— «Только царю на такомъ конѣ и ѣздить» (къ стр. 154).

ками и расчесанный навѣсъ*) сверкалъ на солнцѣ. Конь не стоялъ и игралъ на мѣстѣ. По спинѣ и по крупу протянулся темный ремень. Три ноги были по щетку бѣлыя, четвертая — правая передняя черная. Прекрасные большіе глаза косили на Ермака. Кругомъ зачмокали отъ восторга татары.

— Це... це... це... вотъ лошадь... ай-да лошадь!..

Казакѣ качали головами.

— Красота неписанная!

— Божіе твореніе.

— Такому коню цѣны не сложить.

Дрожащимъ отъ радостнаго волненія, что такъ всѣмъ понравилась лошадь докладывалъ Ермаку Слѣпый.

— «Алтынъ» — по нашему «Червончикъ»... Эта масть, атаманъ, почитается у татаръ священной. Царская это масть. И такой конь — счастье приносить.

— Надѣньте на него зеленую узду въ золотѣ.

И какъ надѣли, еще больше залюбовались лошадью казаки.

— Дозволь, атаманъ, провести.

— А ну, проводи... Рыской.

— Не идетъ, а играетъ.

— Хозяина веселить.

— Сигаетъ то какъ!.. Ахъ ты...

— Да, только царю на ней и ѣздить.

— У кого другого такого коня увидалъ бы — ей Богу укралъ бы... Даже у тебя, атаманъ, — пошутилъ есаулъ Мещерякъ.

— Сказано въ писаніи: — не завидуй, — усмѣхнулся Ермакъ.

— Про коня, атаманъ, въ писаніи ничего не сказано. Тамъ писано — ни вола его, ни осла его... Мнѣ воловъ и ословъ — безъ надобности.

— Ни всего, елико суть у ближняго твоего, — внуши-

*) Хвостъ, грива и чолка — носятъ общее названіе «Навѣсъ».

тельно сказалъ атаманъ. — Давай дальше. Замерзнешь тутъ съ вами. Морозъ то какой лютый!

На смѣну соловому сталъ свѣтлорыжій коренастый красавецъ...

Послѣ выводки Ермакъ съ Иваномъ Кольцо и Ѳедей вернулись въ избу.

— Замерзъ! — сказалъ Ермакъ Ѳедѣ. — Кусаетъ Сибирскій морозъ то!..

Онъ скинулъ съ лавки большой воловьей кожи кубическій цыбикъ.

— Ты мнѣ сказывалъ — невѣста у тебя въ Москвѣ есть.

— Есть и невѣста, — отвѣтилъ, краснѣя, Ѳедя.

— Любишь?

Ѳедя совсѣмъ спекся.

— Люблю, — чуть слышно сказалъ онъ.

— Ну сыпь сюда ей подарки отъ меня. Скажи — посаженнымъ отцомъ твоимъ Ермакъ — донской атаманъ. Да кликни-ка братъ, Восяя.

Восяй, сѣдой, отъ заиндевѣвшей на морозѣ шерсти, радостно оживленный, вбѣжалъ въ избу. Будто спрашивалъ онъ: — «ну что еще надо отъ Восяя? На что Восяй понадобился?»

— Ишь-ты какой! Что боберъ камчатской сѣдой, — показалъ на собаку Иванъ Кольцо.

— Морозъ всякаго разукрасить, — сказалъ Ермакъ и подозвалъ Восяя къ себѣ.

По лавкамъ были разложены дорогіе мѣха.

— Ну, Восяй, — сказалъ Ермакъ, ласково глядя собаку по головѣ. — Ты своего хозяина любишь?.. Уважаешь?.. Какъ невѣсту то твою, Ѳедоръ, звать — величать, — спросилъ Ѳедю Ермакъ.

— Наталья Степановна.

— Ты, Восяй, и Наталью Степановну знаешь? Ишь хвостикомъ то своимъ завилялъ, замахалъ... Будто и правда понимаетъ о комъ говорятъ.

— Онъ, атаманъ, слова понимаетъ, — потупясь, робко сказалъ Одея.

— Ладно. Такъ ты и хозяйку свою будущую любишь? Эге! глаза то разгорѣлись... И пасть даже открылъ... Ну-ка, Восяй, принеси для нея собольковъ.

Восяй въ два прыжка былъ у лавки съ мѣхами, схватилъ сверху соболей и подаль Ермаку. Тотъ передалъ связку Ивану Кольцо.

— Клади, Иванъ, въ цыбикъ — это свѣтъ Натальѣ Степановнѣ отъ меня на шубу сибирскую. А теперь, Восяй, тащи-ка намъ лисицу.

Восяй кинулся къ краснымъ лисьимъ мѣхамъ, но Ермакъ строго окликнулъ его и показалъ толстымъ своимъ **пальцемъ на дорогахъ чернобурыхъ, совсѣмъ почти черныхъ лисицъ, лежавшихъ на низкой печи.** Восяй понялъ **указаніе** Ермака и схватилъ прекрасный мѣхъ.

— И еще одинъ! — пальцемъ показалъ Ермакъ.

— О, атаманъ! — простоналъ Одея, — за что меня жалуешь?

— Полюбился мнѣ, за то и жалую. Это на воротникъ къ той шубѣ. А теперь уже не по собачьей части. Возьми-ка вотъ тотъ темносиній китайскій шелкъ золотыми цвѣтами тканый — это ей на отдѣлку. Да вотъ это зеркальце изъ ханскаго дворца съ гладкимъ серебромъ, и ларецъ березовый съ жемчужнымъ приборомъ...

— Атаманъ, — простоналъ Одея.

— Не каждый день, братокъ, казаки Сибирское царство берутъ. Было бы чѣмъ тебѣ и молодайкѣ твоей попомнить насъ и, когда умру, помолиться за меня. И, слушай, Оедоръ! Оженишься, и съ войскомъ, о которомъ прошу Великаго Государя, поѣзжай обратно въ Сибирь насаждать обычай русскій, привѣтливою лаской въ своей семьѣ приучать и татаръ къ Русскому православному обычаю. Такъ отъ Владимира Красное Солнышко, что сидѣлъ семьсотъ лѣтъ тому назадъ въ стольномъ градѣ Кіевѣ, повелось, что въ новыя страны шель съ мечомъ богатырь казакъ, за нимъ инوکъ съ крестомъ, за ними купецъ и земледѣлецъ. Отцу Досиѣю нака-

залъ я по всѣмъ городкамъ Сибирскимъ церкви православныя изъ кедроваго лѣса рубить, да знатныхъ монаховъ изъ Соловецкой обители, да отъ Святого Сергія выписать, а тебѣ... Ты кѣмъ быть полагаешь — купцомъ или воиномъ?

— Дозволь, атаманъ, по ратной мнѣ части и дальше подвизаться? За ратной честью пошелъ, хочу и съискать ее.

— Ты, братъ, ее уже и нашелъ! Есаулъ войсковой, а нынѣ испрошу у царя тебѣ сотницкій чинъ и сядешь ты со своею свѣтъ Натальей Степановной воеводою въ какомъ ни есть новомъ сибирскомъ городкѣ. То и будетъ дѣло... Иванъ Кольцо! Ты за меня благословишь молодыхъ иконою — Спасовымъ Ликомъ...

Ермакъ помолчалъ и добавилъ, опуская красивую голову:

— Все это тогда, конечно, когда царь наши старые грѣхи простить и приметъ наше завоеваніе.

Ермакъ всталъ съ лавки и тихо, точно подавленный какими-то воспоминаніями, вышелъ изъ покоя и прошелъ въ сосѣднюю клѣтъ, гдѣ была его спальня и рабочая горница.

XXXIV.

ДОМА

Господи! какъ билось сердце у Ѳеди, да казалось и у Восья, сидѣвшаго рядомъ съ нимъ въ широкихъ розвальняхъ, было оно неспокойно, когда послѣ трехмѣсячнаго тяжелаго зимняго пути, вдругъ изъ за лѣса показалась на своихъ пяти холмахъ Москва бѣлокаменная.

Заблестали на зимнемъ солнцѣ бѣденныя Кремлевскія стѣны, купола церквей, высокія пестрыя черепицы, покрытыхъ золотистой и зеленой поливой въ клѣтку крышъ царскихъ палатъ. И надъ всѣми трубами кольцами вился, завивался бѣлый дымъ. По синему небу розовыя легли тучи. Деревья садовъ стояли въ серебряномъ инѣѣ. И уже издали гудѣли, звонили къ обѣднѣ Московскіе колокола.

Шляхъ сталъ шире и люднѣе. Чаше стали попадаться «кружалы» — Царевы кабаки — съ елкой надъ крыльцомъ и санями обозовъ у деревянныхъ колодъ.

Проѣхали городскую заставу, и Ѳедя съ казакомъ свернули по знакомымъ улицамъ къ Исаковскому дому.

Княжескій садъ, несказанно прекрасный стоялъ въ бѣломъ зимнемъ уборѣ. Восяй спрыгнулъ съ саней и наметомъ поскакалъ впередъ. Ѳедя отозвалъ его. Хотѣлъ онъ первымъ войти въ ставшій роднымъ домъ Исакова.

Вѣдь никто еще въ Москвѣ ничего не зналъ. Ни о завоеваніи Сибири, ни о славной побѣдѣ казаковъ надъ Кучумомъ ничего не слышали. Они первыми гонцами ѣхали къ царю и до нихъ никто не принесъ о нихъ никакихъ вѣстей о Ермакѣ-атаманѣ.

То-то удивятся!.. Ну, поди, и обрадуются!

Годъ тому назадъ, почти въ это время, нищимъ, съ опаленнымъ въ пожарномъ пламени лицомъ вѣзжалъ сюда Ѳедя на Исаковскихъ саняхъ съ пожарища... Давно-ли? Подъ весну выѣхалъ отсюда съ латышомъ и вотъ теперь въ ладной шубкѣ, въ шапкѣ соболиной казачьимъ есауломъ гонить онъ къ невѣстѣ съ подарками.

И какими!

Постучалъ щеколдой у воротъ, придерживая за ошейникъ повизгивающаго отъ радостнаго волненія Восяя.

Сердце билось и колотилось — выпрыгнуть хотѣло. Всѣ ли живы, здоровы?.. Дома-ли? Не уѣхали-ли куда на богомолье?.. Или Боже упаси, не случилось-ли бѣды какой! Всѣ подъ Богомъ ходимъ! Лютуешь царь со своими опричниками. Не веселая что то Москва... Можетъ быть, въ церковь убрались?

За воротами заскрипѣли по снѣгу шаги.

— Кого надо?..

Спрашивалъ жилецъ... Чужой незнакомый голосъ холодомъ обдалъ Ѳедю.

— Доложи сотнику — есаулъ Ѳедоръ Чашникъ пріѣхалъ.

— Ладно... Доложу. Обожди малость...

Еще ждать!? Восяй выль отъ радостнаго волненія. Неужели свѣтъ Наталья Степановна не слышала и не признала того воя? Казакъ оправлялъ сбруйку на лошади, похлопывалъ руками въ кожаныхъ рукавицахъ.

Время точно остановилось. Стучало въ вискахъ. А за воротами по прежнему все было тихо.

И вотъ хлопнула дверь. Откинулось на морозъ окно, забрунжало тугою слюдою. Торопливые шаги заскрипѣли по снѣгу. Пробѣжалъ кто то. Стукнулъ замокъ. Распахнулись настежь ворота.

И не разберешь, кто душить Ѳедю въ горячихъ объятіяхъ, кого теревить Восяй, на кого бросается, точно съ ногъ свалить хочеть. И только тогда опомнился Ѳедя, когда услышалъ равнодушный голосъ казака:

— Есаулъ, куда кошелку несть прикажешь?..

Тутъ уже всѣ разобрались и стали понятны.

Марья Тимофеевна, въ шубѣ повисшая на шеѣ у Ѳеди, Наташа, держащая его подъ локоть и постарѣвшій Исаковъ, что идетъ впереди и кидаетъ жильцамъ приказанія.

— Станичника принять... устроить... какъ своего!.. Лошадь завести на конюшню, сѣна задать... Да сотника Селезнеева живо ко мнѣ... Одна нога тутъ — другая тамъ... И не говори, малый, кто приѣхалъ... Пусть подивится!..

Долго спорили, что раньше — вскрыть кошелку съ женовыми подарками, или слушать Ѳединъ рассказъ, или бѣжать за отцомъ Георгіемъ служить молебень.

И не утерпѣли — Наташа уже очень на этомъ настаивала — порѣшили все сразу. Жилецъ поѣхалъ санями за отцомъ Георгіемъ, Селезнееву поручили вскрывать кошелку, а Ѳедю усадили подъ образа и заставили рассказывать все съ самаго начала, по порядку.

И Ѳедя началъ свой рассказъ съ вѣроломства латыша. Его рассказъ часто прерывался ахами. Это Селезнеевъ

доставалъ изъ цыбика мѣхъ и встряхивалъ его передъ изумленными слушателями. Всѣ вставали, щупали и гладили мѣхъ и не было конца восторгамъ.

— Царскій подарокъ... Ну и Ермакъ! Видно крѣпко любилъ онъ тебя!..

— Продолжай, продолжай Оедоръ, — первый оборачивался отъ мѣха Исаковъ.

Когда дошелъ Оединъ разсказъ до встрѣчи съ медвѣдемъ и какъ Восяй пытался спасти Оедю и самъ чуть не погибъ, и потомъ, какъ спасая Восяя, Оедя, все позабывъ, съ ножомъ кинулся на звѣря — всѣ притихли. Селезнеевъ застылъ надъ цыбикомъ и слушалъ, какъ разсказывалъ Оедя, какъ онъ свѣжевалъ звѣря и пытался имъ.

— Ай-да Оедя, Оедя, — вырвалось у него, — съѣлъ медвѣдя!

И свѣтъ Наташа, успѣвшая нарумяниться и подвести свои пухлыя губки радостно всплеснула ручками и повторила.

— Ну и Оедя! Оедя, — съѣлъ медвѣдя!..

Исаковъ погрозилъ ей пальцемъ и сказалъ притворно строго.

— Егоза! Еще и повѣнчаться не успѣла, а уже надъ мужемъ издѣваешься!.. Я тебѣ, Оедоръ, добрую плетку подаю... Стегать надо тебѣ жену... Учить уму разуму, чтобы мужа почитала... Повѣсишь ее надъ своею постелью... Такъ-то, свѣтъ Наташенька!

Марья Тимофеевна поспѣшила на выручку дочери, сквозь румяна полымемъ вспыхнувшей.

— Сказывай дальше, Оедя... Полно вамъ... Ярославичъ глупое слово сказалъ, а она, не подумавъ, повторила.

Но только Оедя сталъ продолжать свой разсказъ, какъ жилецъ доложилъ о пріѣздѣ отца Георгія.

Засуетились готовить все для молебна...

— Только все это такъ, — озабоченно говорилъ Исаковъ, — а все надо подождать, какъ приметъ Ермаково по-

солство царь... Грозень онъ нынѣ... Не было бы вмѣсто радости — бѣды!

Когда входили въ чистую горницу, гдѣ на накрытомъ бѣлыми полотенцами столѣ были положены иконы и стоялъ сосудъ со святой водой, мужчины становились вправо, женщины — влѣво. Собралась вся дворня и жильцы. Наташа улучила время, когда всѣ затолпились въ дверяхъ и, схвативъ Ѳедея повыше локтя, шепнула въ самое ухо, жарко дыша:

— Ай да Ѳедея! съѣлъ медвѣдя!..

Быль тотъ ея смѣшокъ Ѳедѣ, какъ самая милая ласка!

Царь Іоаннъ IV Васильевичъ.

ЦАРСКАЯ МИЛОСТЬ

Москва и царь Иванъ Васильевичъ приняли посольство Ермака съ радостью. Царь и народъ точно ожили. Такъ давно не было никакихъ хорошихъ вѣстей.

При царскомъ дворѣ бояре съ восторгомъ говорили:
— «Господь послалъ Руси новое царство».

Повелѣно было по всѣмъ церквамъ служить молебны и трое сутокъ звонить въ колокола пасхальнымъ звономъ. Такъ дѣлали, когда была взята Казань и отошла къ Руси Астрахань — въ дни юности царя. Забылись неудачи шведской войны.

Ивану Кольцо и его посольству сейчасъ былъ назначенъ торжественный пріемъ во дворцѣ.

28-го февраля 1582 года, въ Васильевъ день, царь Иванъ Васильевичъ слушалъ обѣдню въ Успенскомъ соборѣ.

Послѣ обѣдни въ большой дворцовой палатѣ былъ назначенъ пріемъ казакамъ.

Иванъ Кольцо, Ѳедоръ Чашникъ, Слепой и шесть станичниковъ во время обѣдни были доставлены во дворецъ и разложили и разставили противъ царскаго мѣста Сибирскіе дары.

Царскій стремянный и дьякъ посольскаго приказа указывали Кольцо что, куда ставить и учили, что говорить царю. Кольцо слушалъ ихъ съ тонкой усмѣшкой на темномъ отъ морозныхъ вѣтровъ и зимняго солнца лицѣ. Онъ былъ чисто, но небогато одѣтъ въ синей однорядкѣ и скромномъ стальномъ «юшманѣ»*), едва покрывавшемъ бока и грудь казачьяго есаула. На юшманѣ были слѣды не вытравимой ржавчины и онъ былъ помятъ сабельными ударами. Сѣрый матерчатый стеганный на ватѣ тегилай на Слепыхъ былъ за-

*) Стальной доспѣхъ изъ отдѣльныхъ плитокъ.

платанъ, а внизу пожженъ и порванъ. Синій кафтанчикъ Ѳе-ди былъ тщательно подштопанъ Марьей Тимофеевной и Наташей.

Станичники блистали только великолѣпнымъ оружіемъ. На Кольцо была драгоцѣнная Маметкулова сабля, у всѣхъ казаковъ сабли въ золотѣ и серебрѣ.

Таковъ былъ приказъ Ермака:

— Явиться царю въ томъ, въ чемъ бились съ татарами. Палата наполнялась.

Юноша царевичъ Ѳедоръ Іоанновичъ запросто подошелъ къ Кольцо и остановился, восторженно разглядывая казачьяго есаула.

— Сибирь, рассказываютъ, завоевали станичники, — сказалъ онъ, слегка заикаясь.

У царевича пробивалась по щекамъ молодая русая бородка. Жидкіе волосы упали до плечъ. Онъ былъ отъ природы застѣнчивъ и скромнень.

— Пріѣхали, царевичъ, поклониться тѣмъ царствомъ Великому Государю, — сказалъ, понижая голосъ Кольцо.

Ему все казалось, что въ этихъ красиво убранныхъ палатахъ его голосъ звучитъ слишкомъ громко. Дубовый полъ, хитрымъ рисункомъ въ цвѣтныя шашки уложенный, былъ скользче льда на Иртышѣ. Старый станичникъ не зналъ какъ называть царя, а совѣты дьяковъ посольскаго приказа не укладывались въ его головѣ, занятой обдумываніемъ, что и какъ сказать царю, какъ выгородить Ермака и казаковъ.

— На дворѣ, атаманъ, — ласково сказалъ царевичъ, — глядѣлъ я коней сибирскихъ. Сейчасъ мохнаты, ровно звѣри дикіе, а весной отлиняютъ, я чаю, весьма красавиты будутъ. «Гурмызъ», «Тайбунъ» и «Бимлей» — понравились мнѣ. Жалко батюшка теперь почти не ѣздитъ и царской потѣхой, соколиной охотой, пересталъ заниматься, а то бы порадовали его кони эти. Я думаю: рѣзвы.

— Бѣлый «Мунгалъ» самый рѣзвый, — сказалъ Кольцо. — А что, царевичъ, развѣ недужень сталъ царь?

Царевичъ не успѣлъ отвѣтить. По палатѣ застучалъ бо-

яринъ посрхомъ. Шорохомъ пронеслось: — «царь идетъ», и полная тишина стала въ палатѣ.

Мутный свѣтъ солнечныхъ лучей пробивался сквозь радугой игравшія слюдяныя пластины и ложился хитрымъ блѣднымъ узоромъ на сильно навощенный дубовый полъ. Отъ курильницъ сладко пахло ладаномъ и розовою водою. Ихъ перебивалъ терпкій запахъ мѣховъ, разложенныхъ по столамъ. Отъ этого запаха и отъ волненія у Ѳеи кружилась голова.

По широкому проходу раздались мѣрные шаги нѣсколькихъ человѣкъ и сквозь стукъ подкованныхъ каблуковъ по полу, слышна была чья то неровная шаркающая походка. Федя именно ее то и услышалъ и понялъ, что то шелъ царь.

Ѳея стоялъ, вытянувшись, напряженно глядя на широко распахнутыя двери. Въ нихъ показались юноши, боярскія дѣти, рынды въ длинныхъ бѣлыхъ кафтанахъ, расшитыхъ золотомъ, въ высокихъ шапкахъ. Они шли по два въ рядъ и несли на плечахъ топоры.

За ними «въ большомъ нарядѣ»*), поддерживаемый боярами подъ локти шелъ царь.

Царю Іоанну IV Васильевичу шелъ всего 54-й годъ, но тяжелая болѣзнь, непосильное бремя царствованія, вѣчная боязнь боярской измѣны, а, послѣдніе годы, неудачныя войны съ Польшей, Ливоніей и Швеціей, потери земель, большою кровью и трудами приобрѣтенныхъ, сокрушили его тѣло и онъ смотрѣлъ старикомъ. Золотая круглая шапка съ алмазнымъ крестомъ на ней, обшитая по краю соболемъ давила изможденное въ морщинахъ лицо. На плечахъ лежали тяжелыя золотыя «бармы» съ иконами и на нихъ съ шеи спускался большой четырехъ конечный крестъ съ изображеніемъ Распятаго Христа. Блѣдное лицо было изрыто

*) «Большой нарядъ» — полный уборъ царя — въ шапку, золотой кафтанъ и т. д. — праздничная царская одежда надѣваемая на большіе приемы.

— «Донской атаманъ, Ермакъ Тимофеевичъ, и съ нимъ атаманы и казаки, повелѣли мнѣ, атаману Ивану Кольцо бить челою Тебѣ, царь всея Руси, царствомъ Сибирскимъ! (къ стр. 166).

глубокими морщинами. Длинный съ горбиной тѣнкій носъ прорѣзывалъ его. Сѣдая бородка была неровна и жидка. И только въ большихъ сѣрыхъ, блѣдныхъ глазахъ еще сильно и ненасытно горѣлъ огонь жизни.

Тяжело опираясь на посохъ, царь поднялся на ступени царскаго мѣста и усѣлся на немъ, оправляя свой нарядъ. Онъ, молча, смотрѣлъ на казаковъ и въ его глазахъ свѣтились восторгъ и недовѣріе.

Иванъ Кольцо и казаки съ Ѳедей, отбившіе положенные по уставу поклоны, стояли противъ царя. Иванъ Кольцо, не мигая смотрѣлъ смѣлыми карими глазами въ глаза царю.

— Сказываютъ... — раздѣльно и, показалось Ѳедѣ, съ какою то злобною насмѣшкой, хриплымъ голосомъ сказалъ Іоаннъ, — станичники Сибирское... царство... завоевали...

Кольцо сдѣлалъ шагъ впередъ и, поклонившись до земли, откинувъ гордымъ движеніемъ головы назадъ сѣдѣющіе кудри, сказалъ:

— Донской атаманъ, Ермакъ Тимофеевичъ, и съ нимъ атаманы и казаки, повелѣли мнѣ, атаману Ивану Кольцо бить челомъ тебѣ, царь всея Руси, царствомъ Сибирскимъ!

Кольцо замолчалъ. Царь, опираясь на посохъ, опустивъ голову смотрѣлъ изподлобья на атамана. Было слышно сиплое Государево дыханіе.

Кольцо широкимъ взмахомъ руки показалъ на столы, гдѣ были разложены Сибирскіе дары и сказалъ:

— Приказалъ мнѣ атаманъ поклониться тебѣ на первый разъ образцами того, что производитъ и чѣмъ та Сибирь богата.

Царь равнодушнымъ взглядомъ окинулъ разложенныя по столамъ драгоценности и сказалъ стоявшему подлѣ него боярину.

— Князь Василій Ивановичъ, раскинь намъ чертежи замосковскихъ земель.

Бояринъ, имѣвшій наготовѣ большой свитокъ развернулъ его. Стоявшіе подлѣ бояре держали его за края между царемъ и Иваномъ Кольцо.

— Ты, станичникъ, разумѣешь чертежъ читать? — спросилъ царь.

— Могу, ваше царское величество.

— Покажи мнѣ, какъ завоевали вы Сибирь.

— Сейчасъ казачья дружина съ Ермакомъ стоитъ въ Искерѣ... Послалъ Ермакъ землепроходцевъ внизъ по рѣкѣ Оби къ Студеному морю... Вглубь — къ Мунгальскому царству и за Ишимскія степи — открыть дорогу къ Аральскому морю для Бухарскихъ купцовъ... Одному Ермаку не управиться. Бьетъ челомъ Ермакъ, просить помощи: воеводъ... войска... наряда... Городки рубить... Ясакъ*) накладывать... Разбои прекращать...

— Разбои!.. — прохрипѣлъ царь и гнѣвно стукнулъ посохомъ въ ступени царскаго мѣста... — Мало развѣ разбоевъ чинятъ мнѣ воры казаки на Волгѣ?.. Не тотъ ли это Ермакъ, воровской атаманушка, что разбивалъ на Волѣ и мои военные корабли? А?..

Царь гнѣвно застучалъ посохомъ и впился въ глаза Ивана Кольцо.

Казакъ смѣло и гордо выдержалъ острый взглядъ Государя.

— Былъ я, царь, вѣрнымъ есауломъ моему атаману съ младыхъ его лѣтъ. Въѣстъ служили мы тебѣ, Царь Государь, подъ Казанью, въѣстъ, что грѣха таить, гуляли по Волгѣ. И въ томъ тебѣ каемся, какъ отцу нашему, — смѣло сказалъ Кольцо.

Казаки поклонились царю до земли.

— Ну, — грозно сказалъ царь. — Дальше!

— Никогда, великій Государь, мы не трогали твоихъ государевыхъ, орленыхъ*) кораблей... Купчишкамъ, вѣрно, карманъ потрошили... Безъ того, Государь, казаку не прожить и твое Царское дѣло не справить.

*) Дань.

*) Правительственныя «царскія» барки ходили по Волгѣ подъ желтымъ прапоромъ съ орломъ. Онѣ имѣли на борту и на кормѣ изображеніе двуглаваго орла.

— Ну... ну!.. — еще строже сказалъ Государь.

— Былъ у насъ прошлою весною на Камѣ совѣтъ, кругъ войсковою... И на томъ на кругу порѣшили мы покаяться передъ тобою, Государь, не словами, но дѣломъ. И тѣ грубости, что дѣлали мы на Волгѣ заслужить передъ Русью и завоевать Царство Сибирское!.. Богъ помогъ намъ, Великій Государь... Помилуй насъ. Не вели казнить, вели миловать и прими царство Сибирское съ нашими буйными головами.

Иванъ Кольцо говорилъ это воодушевленно, съ подъемомъ, громко и просто.

Когда онъ кончилъ, во всей палатѣ стало томительно тихо и слышно было, какъ, захлебываясь отъ удущья, хрипѣлъ царь, подавлявшій свой гнѣвъ. Онъ откинулъ посохъ и опираясь на подлокотники всталъ.

Его лицо измѣнилось. Гнѣвъ и насмѣшка сошли съ него. Оно стало почти прекрасно. Расправились на немъ морщины. Легкая краска появилась на щекахъ. Бывшіе оловянными глаза заиграли стальнымъ блескомъ. Вся душа Іоаннова, такъ рѣдко проявлявшаяся, вернулась къ нему и просвѣтила и укрѣпила одряхлѣвшее тѣло любовью, добромъ и милостью.

— Мнѣ понравилась, атаманъ, твоя смѣлая рѣчь. Сталь бы оправдываться, да лгать — не пощадилъ бы тебя за прошлое... Не терплю лжи... Люблю единую правду... — сказалъ Государь.

Онъ перевелъ духъ и продолжалъ говорить рѣзко, чеканя слова, гулко раздававшіяся по палатѣ:

— Грубости ваши прошлыя на Волгѣ.. прощаемъ... не помнимъ... И о томъ будетъ наша Ермаку... Князю Сибирскому... Ермаку Тимофеевичу... наша именная грамота!.. Жалуемъ мы того князя Сибирскаго нашимъ панцыремъ съ золотымъ двуглавымъ орломъ!.. Шубою со своего плеча!.. Саблею именною за покореніе Сибири. Отвезешь все ему... Разрѣшаю тебѣ, пока ты здѣсь, набирать охотниковъ заселять Сибирское царство... На помощь князю Ермаку пошлю воеводу князя Семена Болховскаго и го-

лову Ивана Глухова со стрѣльцами принимать отъ новоположаннаго князя города Сибирскіе... Въ посольскомъ и стрѣleckомъ приказахъ немедля исполнить мое повелѣніе!

Царь, подхваченный подъ руки боярами, сталъ спускаться съ царскаго мѣста. Ему подали посохъ, Іоаннъ остановился, взмахнулъ посохомъ въ сторону бояръ, и тяжело дыша, заикаясь, гнѣвно выкрикнулъ:

— Это не князю Курбскому подобно!.. Крамольники!.. Русскій царь умѣетъ казнить измѣнниковъ и жаловать, хотя и заблудшихъ, но вѣрныхъ слугъ великой Руси... Учитесь... у... станичников!..

Ермакъ Тимофеевичъ.

Царь пошелъ, ни на кого не глядя, изъ палаты. Бояре обступили казаковъ и горячо поздравляли ихъ съ Монаршею милостью.

На дворѣ, залитомъ февральскимъ солнцемъ, ржалъ нетерпѣливо «Мунгалъ», а сверху, съ синяго неба, неслись ликующіе, пасхальные перезвоны, гнали во всѣ дома радостную вѣсть о покореніи Сибирскаго царства.

XXXVI.

ОПЯТЬ ВЪ СИБИРИ

Послѣ Пасхи, на Красную горку, торжественно, по старому обычаю, обвѣнчали Ѳедора Гавриловича Чашника со свѣтъ Натальей Степановной, а краснымъ лѣтомъ онъ, въ сотницкомъ чинѣ, съ молодою женою поплылъ на многихъ бударахъ со стрѣлецкимъ отрядомъ воеводы Семена Болховскаго и головы Ивана Глухова обратно въ Сибирь. Поплылъ съ молодыми и ихъ вѣрный Восяй.

Ѳедя нашелъ Ермака въ Искерѣ.

Горячо и радостно принялъ Ермакъ разсказъ Ивана Кольцо о царскихъ милостяхъ. Любовно осмотрѣлъ привезенный ему дорогой панцырь, надѣлъ его на себя, примѣряя и прошелся по горницѣ.

— Точно по мѣркѣ дѣлали, — сказалъ Ермакъ. — Какъ влить я въ него. А тяжеловатъ немного... или.. старъ уже я становлюсь.

И задумался.

Ѳедя, бывшій въ этой же избѣ, смотрѣлъ на Ермака съ тихою грустью. Точно за это время разлуки перемѣнили Ермака. Не было въ глазахъ атамана прежняго, всегда такъ ярко горящаго огня. Заблестали они, когда разсматривалъ онъ прекрасную чеканку золотого орла, и клинокъ драгоценной сабли съ выбитыми словами Царскаго пожалованія и опять погасли. Въ волосахъ Ермака много стало сѣдины и борода была почти бѣлая.

Не снимая панцыря присѣлъ Ермакъ на лавку, поса-

дилъ противъ себя Ивана Кольцо и Ѳедю и, положивъ руку на руку Кольцо, тихо сказалъ:

— Тяжелая, страшная вещь — власть, Иванъ. Это много тяжелѣе будетъ, чѣмъ воевать съ басурманами...

И сталъ разсказывать.

— Не унимаются, Иванъ, татары. Онъ тебѣ и «таймыромъ»*) прикинется, другомъ, братомъ станетъ, а камень за пазухой держитъ... То и дѣло гибнуть казаки! Кучумъ съ тоски и горя отъ потери Искера ослѣпъ и скитается по степямъ, неуловимый для насъ. Онъ вездѣ строитъ козни противъ Руси и самыхъ мирныхъ князей настраиваетъ противъ Москвы... Надо, Иванъ, ставить по степи города, проводить дороги, рубить засѣки, чтобы было гдѣ у своихъ, у православныхъ, отдыхать казакамъ.

Ермакъ вздохнулъ.

— Стары мы съ тобою, Иванъ, стали. Пора намъ на покой. Въ монастырь... Въ тихую келью... Грѣхи замаливать... О будущей жизни помышлять... Готовиться предстать передъ страшнымъ судищемъ Христовымъ... Обдумать свои прошлыя прегрѣшенія, покаяться, просить пощады... Вотъ кому — Ермакъ посмотрѣлъ на Ѳедю, — вотъ кому наше дѣло продолжать! Молодымъ!!! Ѳедоръ... Не покидай Сибири!.. Вѣрь мнѣ — какъ еще пригодится она Руси... Вотъ построимъ городки и поставлю я тебя воеводой на самомъ краю, за Ишимскою степью, наблюдать шляхи къ Аральскому морю. Оттуда Бухарскій купецъ къ намъ поѣдетъ. Надо ему охрану дать отъ кочевниковъ... А мы съ Иваномъ... На покой.

— Послужимъ еще, Ермакъ Тимофеевичъ, — сказалъ Кольцо, — царю батюшкѣ. Послѣ его такихъ великихъ къ намъ милостей намъ нельзя уходить.

— Годика два послужимъ, — тихо сказалъ Ермакъ, — а тамъ... на покой пора...

*) «Таймыръ» — пріятель. На Кавказѣ горцы называли пріятелей кунаками, въ Азіи — татары — таймырами.

Тяжелые это были годы.

Лѣтомъ Иванъ Кольцо съ сорока казаками поѣхалъ гостить къ мирному мирзѣ Карачѣ. Тамъ были скачки киргизскихъ лошадей на рѣзвость, киргизская «байга». Гонялись молодые киргизы за киргизомъ съ бараньей тушей и старались выхватить ее у него, играли въ «дѣвушку-волка», пѣли тягучія, гнусавыя пѣсни, объѣдались бараниной, безъ конца пили изъ плоскихъ чашекъ забродившій, прозрачный, хмѣльной кумысъ, братались съ киргизами, дарили имъ оружіе и на ночь легли спать усталые и пьяные, среди татаръ и киргизовъ.

А на утро никто не всталъ. Всѣхъ — и Ивана Кольцо — зарѣзали во снѣ слуги Карачи, всѣмъ пришелъ «карачунъ»!

Послѣ своего злодѣйскаго дѣла Карача съ большимъ войскомъ осадилъ Искеръ. Не смѣя открыто напасть на Ермака, Карача окружилъ Искеръ засѣками, обложилъ городъ и не выпускалъ ни коннаго, ни пѣшаго. Въ Искерѣ начался голодъ. Атаманъ Мещерякъ съ нѣсколькими сотнями казаковъ пробился черезъ татарскія засѣки, ушелъ въ степи, а потомъ, неожиданно вернувшись, ночью напалъ сзади на Карачу. Въ жестокомъ бою оба сына Карачи были убиты, но не мало пало и казаковъ. Ермакъ вышелъ изъ осады и съ тремястами казаковъ прошелъ внизъ по Иртышу до рѣки Оби, жалуя вѣрныхъ татаръ и казня бунтовщиковъ.

Къ зимѣ Ермакъ вернулся въ Искеръ. Зима принесла новыя бѣды. Въ Сибири не знали овощей. Ни капусты, ни бураковъ, ни моркови, ни лука, ни гороха, ни всего того, къ чему привыкли у себя, въ Москвѣ, стрѣльцы — въ ней не было. Хлѣба не доставало. Питались мясомъ. Суровая зима, плохія жилища, тоска по дому разрушали здоровье стрѣльцовъ. Среди нихъ началась цынга. Пришлось прекратить работы по постройкѣ городковъ.

Зимою 1583 года отъ скорбута умеръ князь Болховской, за нимъ послѣдовалъ въ могилу старый соратникъ Ермака есаулъ, Гаврила Лаврентьевичъ.

Никита Панъ и Яковъ Михайловъ пали въ бояхъ съ татарами. Изъ старыхъ есауловъ оставался въ живыхъ Матвѣй Мещерякъ, но и тотъ сталъ уставать.

Росли могилы на казачьемъ кладбищѣ въ Искерѣ. Каждый день старый монахъ, отецъ Досиѣей, кого-нибудь хоронилъ. Много лежало казачьихъ тѣлъ въ безкrestныхъ могилахъ по Сибирскимъ степямъ.

Таяла казачья сила.

Чаще сталъ заглядывать въ Оедину избу Ермакъ. Послѣ смерти Гаврилы Лаврентьевича и Ивана Кольцо онъ приблизилъ Оедю къ себѣ. Часами рассказывалъ, какъ и что надо сдѣлать въ Сибири, какъ обходиться съ татарами — точно хотѣлъ въ него перелить свою мудрость.

Лѣтомъ 1584 года слѣпой Кучумъ появился съ ордою на рѣкѣ Иртышѣ. Онъ заперъ путь Бухарскимъ купцамъ, ведшимъ свои караваны отъ Аральскаго моря на Ишимъ и по Ишиму на Иртышъ.

Торговля съ Бухарой прекратилась.

Надо было кончать съ Кучумомъ.

XXXVII.

СМЕРТЬ ЕРМАКА

Былъ августъ 1584 года. Оедя сидѣлъ съ Натальей Степановной на крыльцѣ своей избы и оба смотрѣли на Восюя, грѣвшагося на солнцѣ. Вдругъ Восей насторожился, завилалъ хвостомъ и поднялъ голову.

— Кого то своего учуялъ нашъ Восейчикъ, — сказала Наташа.

— Не Ермакъ-ли? — сказалъ Оедя.

— Давно что-то не заходилъ къ намъ.

— Все татаръ, вогуловъ и остяковъ допрашиваетъ. Допытывается, гдѣ Кучумъ.

— Тоска какая съ Кучумомъ!.. Вѣришь, Оедя, покоя нигдѣ не найду, когда о немъ думаю. Ужъ такой онъ ехидный, страшный. Чистая змѣя.

Восяй съ радостнымъ лаемъ бросился къ воротамъ.

— Ну, конечно, Ермакъ! — сказалъ Одея. — приготовь, Наташа, чѣмъ почествовать дорогого гостя.

Калитка распахнулась и въ нее быстро вошелъ Ермакъ. Онъ былъ въ боевомъ уборѣ. Новый панцырь съ золотымъ двуглавымъ орломъ, подарокъ Іоанновъ, сверкалъ на его груди. Шапка іерихонка горѣла на солнцѣ.

— Оедоръ, — крикнулъ Ермакъ еще на порогъ. — Снаряжайся. Ёдемъ ловить старую лисицу.

— На коняхъ? — спросилъ Одея.

— На стругахъ. Все готово.

— Мнѣ долго-ли. Голому собраться только подпоясаться, — сказалъ Одея. — Пожалуй атаманъ въ горницу.

Посрединѣ горницы уже стояла Наташа съ большимъ подносомъ съ кубками пѣнной браги и съ блюдами съ различными сладостями. Зарумянившись она нагнула красивую голову въ жемчужномъ уборѣ и сказала Ермаку.

— Дозволь атаманъ тебя чествовать.

Ермакъ взялъ чару. Одея пристегивалъ саблю и надѣвалъ широкій ремень съ пороховницей и пулями.

— Я готовъ, атаманъ, — сказалъ онъ.

— Куда это? — чуть слышно вымолвила поблѣднѣвшая Наташа.

— Лисицу ловить, Наталья Степановна, — бодро сказалъ Ермакъ.

Наташа уронила поднось. Кубки покатались по землѣ. Разсыпалось печенье.

— Надолго? — спросила она.

— Поймаемъ, — вернемся, — сказалъ атаманъ.

Одея не узналъ его голоса. Слова были бодрья, но сказалъ ихъ Ермакъ какъ то не по своему, тихо и какъ бы неуверенно.

— Сейчасъ? — прошептала Наташа.

— Мѣшкать нечего. Гребцы на веслахъ, — сказалъ Ермакъ и пошелъ къ дверямъ.

Восяй бѣгалъ, чѣмъ то озабоченный, то къ стоявшей неподвижно съ опущенными руками Наташѣ, то къ Оедѣ.

Точно онъ не зналъ съ кѣмъ ему быть? При комъ онъ нуженъе.

Ермакъ съ Ѳедей выходили за ворота.

— Къ нимъ! Къ нимъ иди, — показывая рукою на уходившихъ, сказала Наташа. — Восяй, береги мнѣ Ермака и Ѳедю!

Собака жалобно визгнула и помчалась за Ѳедей.

Пять сутокъ гребли казаки на легкихъ челнахъ вверхъ по Иртышу. Ихъ было всего пятьдесятъ человѣкъ. Немного, но отборныхъ молодцовъ взялъ съ собою Ермакъ, чтобы прикончить Кучума. Старый царь Сибирскій былъ неуловимъ. Казаки выходили изъ лодки, брали у мирныхъ татаръ лошадей и искали Кучума въ степяхъ.

Онъ былъ гдѣ то близко. Все говорило о томъ. И тревоги татаръ... И пустыя юрты, — значить, ушли татары вмѣстѣ въ Кучумомъ, и обретенная стрѣла и еще горячіе слѣды костровъ.

Казаки были измучены... Безсонныя на веслахъ ночи... Днемъ поиски подъ палящимъ солнцемъ... Иртышъ текъ въ тѣснинахъ, былъ быстрый и порожистый. Берега поросли густымъ лѣсомъ. Громадные камни валуны, обточенные водою были по берегамъ. Глухо шумѣла подлѣ нихъ рѣка.

5-го августа поднялся на рѣкѣ сильный вѣтеръ. Темныя тучи спустились надъ лѣсомъ. Вдали играли зарницы. Гроза надвигалась. До вечера то шли на веслахъ, то тащили челны берегомъ, минуя пороги.

— Не можемъ больше, атаманъ, — сказалъ, бросая весла, загребной казакъ на передовой атаманской ладѣ.

Ермакъ посмотрѣлъ на него тусклымъ взглядомъ и тихо сказалъ кормчему: — правъ къ берегу!

Ѳедя съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Ермака. Никогда раньше не прошло бы такъ даромъ казаку его самовольство. Никогда не потворствовалъ Ермакъ человѣческой слабости.

Бывало крикнетъ: — «хоть сдохни, а гребь!» да такъ крикнетъ, что морозъ подеретъ по кожѣ и точно удесѣтерятся казачьи силы.

Челны приставали къ рѣкѣ. Ихъ вязали къ темнымъ корчагамъ. Казаки входили въ лѣсъ и наскоро рубили шатры изъ вѣтвей. Гроза приближалась. Въ быстро наступившей темнотѣ глухо шумѣла рѣка.

Ермакъ сидѣлъ подѣ деревомъ.

— Атаманъ, — сказалъ Ѳедя, — ты бы снялъ панцырь. Тяжело тебѣ, поди, въ немъ.

— Не панцырь тяжелъ, — сказалъ, проводя ладонью по лбу, Ермакъ, — а тяжела забота... Плохо... Ѳедоръ... Ослабѣли людишки... Какой отъ нихъ прокъ!..

И первый разъ, кажется, не пошелъ Ермакъ самъ осмотрѣть сторожей. Ѳедя пошелъ за него. Всѣ казаки спали. Никто не остался сторожить. Вернувшись Ѳедя нашелъ Ермака все такъ же въ панцырѣ сидящемъ подѣ деревомъ.

— Атаманъ, — сказалъ онъ, — казаки не выставили охраны.

— А... — промычалъ Ермакъ. Онъ, казалось, засыпалъ... — Устали очень, родные.

— Ты бы атаманъ, доспѣхи снялъ?

Ермакъ не отвѣтилъ. Онъ, какъ бы отталкивая что то, провелъ рукою. Онъ уже спалъ.

Восяй былъ безпокоенъ. Онъ убѣгалъ куда то, возвращался и жалобно скулилъ.

Воробыная, черная, наступила ночь. Страшно шумѣлъ лѣсъ.

Кучумъ, давно слѣдившій за Ермакомъ подкрался ночью къ казачьему стану и переправился черезъ Иртышъ.

Съ большимъ войскомъ онъ остановился въ трехстахъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ спали казаки и не смѣлъ на нихъ напасть. Посланные имъ развѣдчики донесли, что всѣ казаки спятъ.

— И Ермакъ спитъ? — спросилъ Кучумъ.

— Спитъ и Ермакъ, — отвѣтилъ татаринъ.

— Не можетъ того быть, — тихо качая лысѣющей го-

ловой, проговорилъ Кучумъ. — Я знаю Ермака. Не станеть онъ спать въ такую ночь. Поди, — бродить по стану и стережеть покой своихъ казаковъ. Таковъ его обычай.

— Спать и Ермакъ, — повторилъ вогуль развѣдчикъ.

— Ступай и докажи мнѣ, что онъ спитъ!

Вогуль удалился.

Дождь лилъ широкими потоками. Гроза бушевала надъ лѣсомъ. Сухія вѣтви летѣли съ деревьевъ и щелкали о стволы — точно стрѣляли изъ пищалей. Въ блескѣ молніи вдругъ вставалъ озаренный лѣсъ и, казалось, дубы качались отъ вѣтра.

Какъ змѣи ползли по травѣ вогулы. Тихъ былъ казачій станъ и только у рѣки сердито лаяла, заливалась собака.

Вогулы подкрались къ крайнему ружейному козлу и утащили три пищали съ пороховницами.

Когда они со своею добычей вернулись къ Кучуму старый ханъ рѣшилъ. Подъ покровомъ бури онъ развелъ остяцкіе, вогульскіе и киргизскіе отряды, окружая казачій станъ и отрѣзывая его отъ берега и приказалъ перерѣзать всѣхъ казаковъ сонными.

Съ ножами въ зубахъ, съ саблями за поясомъ тихо крались татары къ казачьему стану. И, когда стихалъ на мгновеніе вѣтеръ и, удаляясь, смолкали раскаты грома, было слышно какъ шелестѣла подъ тысячью крадущихся людей высокая, мокрая осенняя трава: — шиль... шиль... шиль...

Никто не кашляетъ. Не слышно дыханія людей и только шелестятъ подоткнутые за поясъ набухшіе водой тяжелые халаты: — шиль... шиль... ши...

Восяй неистовствовалъ, стараясь разбудить Ѳедю. Онъ кидался на него съ визгливымъ лаемъ. Упрекъ и недоумѣніе, порою, гнѣвъ и брань были въ его лаѣ. Наконецъ, онъ хватилъ Ѳедю зубами за воротъ и такъ сталъ трясти, что голова Ѳеди моталась по хворосту и шапка свалилась. Ѳедя проснулся, раскрылъ глаза. Точно еще продолжался

страшный сонъ. Молнія блеснула надъ лѣсомъ, зарокоталъ, удаляясь, громъ и въ мгновенномъ свѣтѣ Одея увидалъ множество татаръ съ ножами кидавшихся на спящихъ казаковъ. Онъ вскочилъ на ноги и выхватилъ саблю изъ ноженъ. Онъ сейчасъ же увидѣлъ Ермака. Съ десятокъ татаръ навалилось на него. Ермакъ стоялъ, прижавшись къ дубу, и тяжело падалъ его закаленный булатъ по татарскимъ плечамъ. Одея бросился на помощь. Татары оставили Ермака.

— Къ ладьямъ, братцы! Къ ладьямъ! — хриплымъ голосомъ крикнулъ Ермакъ.

И прынулъ съ обрыва къ рѣкѣ. Одея прыгнулъ за нимъ.

Вѣтеръ гналъ черныя тучи. Дождь пересталъ. Открылось въ небѣ окно и мѣсяцъ заглянулъ въ него засеребривши волны. Рѣка вздулась и кипѣла, выходя изъ береговъ. Далеко на ней колыхались челны.

Ермакъ бросился въ воду. Одея и Восяй поплыли за нимъ.

Одея видѣлъ, какъ сверкнулъ на мѣсяцѣ панцырь Ермака и исчезъ... Мѣсяцъ скрылся и снова полилъ дождь. Одея доплылъ до лодки и влѣзъ въ нее.

— Атаманъ! — крикнулъ онъ.

Вѣтеръ сорвалъ его крикъ. Мѣрно шумѣли дождевыя струи по темной рѣкѣ.

— Тимофеичъ!.. Сюда!..

Никто не отозвался.

— Восяй! ищи атамана!

Собака, точно понявъ въ чемъ дѣло, бросилась въ воду и исчезла въ мракѣ. Одея сидѣлъ на лодкѣ. Мокрая одежда холодила тѣло. Вѣтеръ пронизывалъ насквозь. Никто изъ казаковъ не появлялся на берегу. Ликующій вой татаръ сказалъ Оедѣ, что все кончено. Онъ ждалъ Ермака. Темныя струи неслись мимо, вѣтеръ и теченіе натягивали причаль и онъ скрипѣлъ у кормы. У Оеди кружилась голова.

Изъ воды показался Восяй. Онъ тяжело плылъ къ лодкѣ.

— Ермакъ, — крикнулъ Одея. — Восяй, ищи, ищи атамана!.. Ермакъ!.. Ермакъ!

— Къ ладьямъ, братцы! Къ ладьямъ! — хриплымъ голосомъ крикнулъ Ермакъ. (Къ стр. 178).

Восяй повернулъ и поплылъ по рѣкѣ. На востокѣ, за лѣсомъ свѣтлѣли дали. Громы уходили къ горамъ и ровнѣ шумѣлъ дождь. Ни Ермака... Ни Восяя не было.

Стали видны бѣснующіеся на берегу татары. Они искали Ермака... Они увидали въ ладѣ Ѳедю. Свиснули стрѣлы. Нѣсколько человѣкъ бросилось къ водѣ. Ѳедя взмахомъ сабли перерубилъ канатъ и челнъ понесся по теченію. Ѳедя поднялъ парусъ и подгоняемый вѣтромъ челнъ сталъ быстро уходить отъ мѣста боя.

Въ блѣдномъ разсвѣтѣ стала видна вся рѣка. Ѳедя, стоя, правилъ весломъ и вглядывался въ волны. Ему показалось, что онъ увидалъ темное пятно... Это былъ Восяй. Онъ плылъ

Памятникъ Ермаку въ Новочеркасскѣ.

кверху брюхомъ — мертвый. Ѳедя хотѣлъ вытащить своего вѣрнаго друга. Но снова зашумѣли стрѣлы и забрызгали кругомъ по водѣ. Татары гнались за челномъ.

Свѣжій вѣтеръ и сильное теченіе уносили Ѳедю отъ татаръ. Уже не долетали до него стрѣлы. Стали казаться маленькими татары, наконецъ, исчезли за поворотомъ рѣки.

Хмурый дождливый, осенній день наступалъ.

Подъ сѣрымъ навѣсомъ тучъ безконечно печальной казалась Ѳедѣ Сибирь.

XXXVIII.

ПОКИНУТАЯ СИБИРЬ

Послѣ двухъ недѣльнаго скитанья по степямъ, пользуясь услугами мирныхъ татаръ, Ѳедя прибылъ въ Искеръ.

Онъ засталъ большой переполохъ въ столицѣ Сибири. Тамъ уже знали о гибели Ермака.

Казаки пали духомъ. Они повторяли рассказы остяковъ о смерти Ермака и о томъ, что было послѣ. Ѳедя узналъ, что 13-го августа тѣло Ермака было прибито волнами къ берегу у деревни Епанчинской въ двѣнадцати верстахъ отъ городка Абалака. Татаринъ, по имени Янишъ ловилъ рыбу и замѣтилъ въ рѣкѣ чьи-то ноги. Онъ зацѣпилъ ихъ веревкой и потащилъ. Показалось тѣло, закованное въ желѣзный панцырь, украшенный бронзой съ большимъ золотымъ орломъ на груди. Янишъ сейчасъ же по этому панцырю узналъ Ермака. Съ громкими криками радости онъ побѣждалъ въ селеніе и разсказалъ о своей находкѣ.

Вѣсть быстро распространилась по степи. Прискакалъ мирза Кандаулъ съ конными остяками. Онъ приказалъ снять съ Ермака панцырь, тѣло Ермака подняли на столбъ и установили какъ цѣль для стрѣльбы. Со всей степи съѣхались къ тѣлу донского витязя татарскіе князья. Пріѣхалъ и торжествующій Кучумъ. Шесть недѣль продолжалась гульба и пиры около тѣла и татары пускали въ него стрѣлы. Не могли достать живого — тѣшились надъ мертвымъ.. Но потомъ имъ стали мерещиться видѣнья и они устроили торжественные похороны Ермаку. Его прахъ зарыли подъ сухою сосною на кладбищѣ мурзы Белгиша. Пошла по степи страшная молва, что по ночамъ надъ могилой Ермака

видѣнъ огненный столбъ. Тогда татары отвезли шлемъ Ермака къ идолу въ Бѣлогорскѣ, панцырь взялъ себѣ мирза Кандаулъ, одежду князь Сейдекъ, а саблю съ поясомъ мираза Карача.

Всѣ эти рассказы, и все, что дѣлалось съ останками Ермака, становилось извѣстнымъ въ Искерѣ черезъ приходившихъ изъ степи людей, разстраивало казаковъ и стрѣльцовъ.

— Что же намъ дѣлать, — говорили казаки. — Ермака нѣтъ... Царскихъ воеводъ никого не осталось. У насъ и припасы и запасы всѣ вышли. Намъ ни ѣсть нечего, ни воевать не съ чѣмъ. Москва ничего намъ не посылаетъ... Пора по домамъ!

А какъ стало слышно, что Кучумъ, Сейдекъ и Карача скликають войска, чтобы идти на Искеръ, оставшійся за атамана Матвѣй Мещерякъ собралъ изъ городковъ казачьи части и выступилъ съ ними къ Уральскимъ горамъ.

Шелъ съ ними и Ѳедоръ Чашникъ съ Натальей Степановной. Съ грустью разставался онъ съ Сибирью. Тамъ осталась память о великой славѣ его, заслуженной на царской ратной службѣ съ Ермакомъ, тамъ осталась дорогая Ермакова могила, и что грѣха таить, — сжималось сердце и по милому дорогому Восяю, отдавшему свою маленькую собачью жизнь по Ѳединому приказу для спасенія Ермака.

Имѣють таинственную силу дорогія могилы и тянеть къ нимъ.

Ѳедоръ Чашникъ дошелъ съ казаками до Строгоновскаго городка и тамъ остался зимовать. Казаки пошли на Донъ.

Весною 1585 года черезъ Строгоновскій городокъ пошли на Сибирь запоздалыя подкрѣпленія. Воеводы Мансуровъ, Сукинъ и Мясной шли съ большою ратью продолжать дѣло Ермака. Съ ними пошелъ къ дорогимъ могиламъ Ѳедоръ Чашникъ. Въ 1585 году поставили городъ Тюмень, а черезъ два года крѣпко заложили города Тобольскъ, Пелымъ, Березовъ, Сургутъ, Тару и Нарымъ.

Сибирь занималась прочно.

ВЪ СИБИРСКОМЪ ГОРОДКЪ

Прошло много лѣтъ. Въ Москвѣ скончался 18-го марта, въ Кириллинъ день 1584 года, царь Іоаннъ IV Васильевичъ. Послѣ царствованія его сына Ѳедора Іоанновича и потомъ Бориса Годунова — смутное наступило на Руси время. Братъ пошелъ на брата. Поляки и шведы устремились на Москву. Въ бояхъ съ ними пали смертью храбрыхъ престарѣлые Исаковъ и Селезнеевъ. Умерла въ тѣ страшные годы, старой старухой отъ голода, Марья Тимофеевна. Поляки, занимавшіе домъ Исаковыхъ сожгли его. Много лютыхъ бѣдъ перенесла Москва. Видала чаны съ человѣческимъ мясомъ, видала людей, похожихъ на тѣни, видала злобу, казни и пытки.

Всѣ эти годы, почти ничего не зная, не слыша о томъ, что происходитъ въ Москвѣ, прожилъ съ семьею на границѣ Ишимской степи въ маленькомъ городкѣ Ѳедея.

Впрочемъ, какой же это былъ Ѳедея? У Наташи и языкъ бы не повернулся сказать: «ахъ ты Ѳедея, Ѳедея, съѣлъ медвѣдя»!

Крѣпкій и кряжистый, сѣдобородый, рослый старикъ былъ Ѳедоръ Гавриловичъ Чашникъ, лихой атаманъ Сибирскаго городка. Старики сибирскіе говорили, что онъ лицомъ напоминалъ Ермака. А науку его превзошелъ въ совершенствѣ. Былъ ласковъ съ мирными татарами, неукротимо жестокъ съ хищниками и разбойниками. Держалъ порядокъ по своей линіи до самаго Аральскаго моря.

Трое сыновей — и все уже женатые — были при немъ есаулами. Трехъ схоронилъ въ степяхъ. Дочь меньшую, Марьяну, недавно отдалъ за татарскаго князя, принявшаго православіе.

Какъ выйдетъ съ семьею въ воскресный день, чтобы идти въ высокую бревенчатую церковь — залюбоваться мож-

но! Самъ въ свѣтлой бронѣ, въ суконномъ кафтанѣ, свѣтъ Наталья Степановна въ шубѣ соболиной, Ермаковомъ подаркѣ, съ широкимъ воротомъ черныхъ лисицъ, рослая, полная, сѣдая, бѣлолицая, что пава плыветъ. А за ними сыновья съ женами, дочь съ мужемъ. Чинно, по старшинству, медленно идутъ подъ дребезжащій звонъ стараго колокола. Новый давно заказали въ Москвѣ — да Смутное время задержало доставку. Какое оружіе на сынахъ! Какіе доспѣхи! Какіе мѣха, шелка, да бархаты на ихъ женахъ — все сибирячкахъ! А за ними — второе поколѣніе идетъ — внуки! Старшему Оедѣ — уже шестнадцатый годъ пошелъ... Поглядываетъ на него дѣдушка. Думаетъ, не пора ли его снаряжать къ Восточному морю океану, царю Михаилу Оедоровичу новыя земли развѣдать?..

Но и то сказать, это благополучіе, эта радость тоже не даромъ дались. Есть что вспомнить свѣтъ Натальѣ Степановнѣ.

Сибирскій Ермаковъ городокъ... Бревенчатыя низкія стѣны квадратомъ... Башни по угламъ... Къ башнямъ подѣланы земляные подъемы — апарели. На башняхъ пушки. Надъ воротами желтый прапоръ треплется вѣтромъ... Синее небо безъ облака. Высокое, далекое и точно-чужое... Въ городкѣ ряды низкихъ избъ — казачьи покои. Посерединѣ изба побольше: — въ ней живетъ атаманская семья Чашниковъ. Между казачьихъ покоевъ площадь, и на ней церковь.

Пыльно... Безлюдно... Нигдѣ нѣтъ ни деревца, ни куста. Подниметъ свѣтъ Наталья Степановна утромъ волоковое окно... Въ раскрытыя ворота степь видна — безъ конца и безъ края. Чуть темнѣютъ по рѣкѣ Тургаю камыши.

Тамъ тигры... кабаны... И еще лютѣ тигровъ и кабановъ тамъ немирные кочевники, нападающіе на караваны... Рѣдкій мѣсяцъ пройдетъ безъ боевъ. Рѣдкій мѣсяцъ не хоронятъ на погостѣ стрѣлою сраженнаго казака.

Какъ выйти съ семьею — залюбоваться можно (къ стр. 183).

Въ городкѣ никого... Вѣтеръ завываетъ по пыльной площади смерчи. Душень весенній воздухъ. И мужъ — Ѳедоръ Гавриловичъ — и сыновья давно ушли провожать бухарскіе караваны.

Благополучны ли?

Въ розовомъ маревѣ дрожить степной озоръ. Поднялась тамъ золотая пыль. Народилась и стала слышна такъ знакомая пѣсня.

Мальчикъ внукъ — сынъ меньшого — прибѣжалъ съ площади.

— Мама!.. Мама!.. Бачка идетъ съ казаками!..

Слышнѣе пѣсня. Звенить, заливается степовой подголосокъ, струною звенить.

— Утромъ рано весной,
На редуть крѣпостной,
Разъ поднялся пушкаръ посѣдѣлой!..

Помнить, помнить свѣтъ Наталья Степановна, какъ все это бываетъ. Какъ уходить сыны... и не возвращаются... Трехъ такъ потеряла.

Слышнѣе и ближе пѣсня.

— Я на пушкѣ сажу,
Самъ на крѣпость гляжу,
Сквозь прозрачныя волны тумана...

Знаетъ Наталья Степановна эти прозрачныя волны далекаго марева. Такія обманчивыя. Что несутъ онѣ? Печаль новой потери, или радость возвращенія цѣлыми и невредимыми?

— Громъ раздался волной,
Звукъ пронесся стрѣлой
И по крѣпости гулъ прокатился.

Ахъ, слыхала, сколько разъ слыхала, Наталья Степановна этотъ гулкій ударъ пушки, поднимающій весь городокъ по тревогѣ.

— Живо сабли на ремень,
Живо шапки на бекрень,
Не въ походъ намъ идти собираться?

Видѣнъ въ степи отрядъ и караванъ. Длинной цѣпью идутъ, колыхаются большіе двугорбые верблюды, сбоку сверкаетъ доспѣхами, горитъ наконечниками стрѣлъ, золочеными колчанами и саадаками, стволами рушницъ казачья сотня. И такъ ясны дорогія слова:

— Какъ сибирскій буранъ,
Прилетѣлъ атаманъ,
А за нимъ есаулы лихіе.

Тутъ, тамъ хлопнули двери. Невѣстки бросили пекарни, кладовки, оставили вышиванье и тканье и побѣжали на площадь къ воротамъ — встрѣчать лихихъ есауловъ.

— Мамынька!.. Что же вы!.. Наши идутъ!.. Ворочаются. Совсѣмъ у воротъ пѣсня. Соловьемъ свистить, заливается могучій посвистъ:

— Я бы радъ на войну,
Жаль покинуть жену,
Съ голубыми, какъ небо очами...

Прижала платочекъ къ голубымъ глазамъ свѣтъ Наталья Степановна, оправила сѣдые волосы подъ повойникомъ и спѣшитъ, маленькими «московскими» ножками чуть касаясь земли.

Старуха вѣдь!

Господи!.. всѣ-ли благополучны? Всѣ-ли вернулись?.. Не виситъ ли чье тѣло поперекъ шеи коня? Не ведутъ ли чьего коня безъ всадника, въ окровавленномъ сѣдлѣ? А на передней лукъ повѣшены сабля, рушница, да саадакъ съ лукомъ?..

Выбѣжала въ ворота и остановилась.

Навстрѣчу ей точно вся Сибирь раскрыла объятія. Сладкій степной духъ весеннихъ цвѣтущихъ травъ кружилъ голову. Свѣжесть утра, безконечная ширь захватили ей духъ.

И кругомъ необъятный, дивный просторъ.

До студенаго Ледовитаго моря — окіана... До далекихъ Китайскихъ земель... До Индѣйскаго царства съ его обезьянскимъ царемъ!

Чудная, безконечная, несказанно прекрасная — Ермакова Сибирь!!!

Апрѣль-іюль 1929 года

дер. Сантени.

Франція

ОГЛАВЛЕНІЕ:

	стр.
I. Пожаръ въ Москвѣ въ 1581 году	5
II. Ѳеда и Восяй	10
III. Восяй умница	15
IV. На пожарищѣ	18
V. Воспоминанія	23
VI. «Преданья старины глубокой»	26
VII. Ермолай Тимофеевичъ — по прозванію Ермакъ	30
VIII. Штурмъ Казани	34
IX. За ратною честью	41
X. Угнетенная Москва	45
XI. Рукобитье	50
XII. Прощанье	55
XIII. Въ дорогѣ. Нечистая сила	58
XIV. Четвероногій гонецъ	66
XV. Навстрѣчу солнцу	74
XVI. Кто за кого	77
XVII. Волга	84
XVIII. «Виппъ-вуппъ»	87
XIX. Собачья наука пригодилась	92
XX. Воры-казаки	95
XXI. Ермаковы станичники	98
XXII. У Строгоновыхъ	102
XXIII. Ермакъ	106
XXIV. Казачій кругъ	107
XXV. Докладъ о Сибири	110
XXVI. На Сибирь!	114
XXVII. На подвигъ!	118
XXVIII. Военный совѣтъ у Кучума	123
XXIX. Тамаша	127
XXX. Бой съ Царевичемъ Маметкуломъ	131
XXXI. Мятежъ въ казачьемъ станѣ	138
XXXII. Бой у селенія Чувашева	144
XXXIII. Дары Сибири	149
XXXIV. Дома	157
XXXV. Царская милость	162
XXXVI. Опять въ Сибири	170
XXXVII. Смерть Ермака	173
XXXVIII. Покинутая Сибирь	181
XXXIX. Въ Сибирскомъ городкѣ	183

ТОГО-ЖЕ АВТОРА.

Зарубежные изданія.

Отъ Двуглаваго Орла къ красному знамени. Романъ въ 4-хъ томахъ.

Имѣется на: англійскомъ, голландскомъ, итальянскомъ, нѣмецкомъ, финскомъ, французскомъ, хорватскомъ, шведскомъ и чешскомъ языкахъ.

Опавшіе листья. Романъ. Имѣется на нѣмецкомъ и польскомъ языкахъ.

Понять — простить. Романъ. Имѣется на англійскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и итальянскомъ языкахъ.

Единая — недѣлимая. Романъ. Имѣется на нѣмецкомъ языкѣ.

Бѣлая Свитка. Романъ. Имѣется на англійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Амазонка пустыни. Романъ. Имѣется на англійскомъ, нѣмецкомъ, польскомъ, французскомъ, итальянскомъ, хорватскомъ, чешскомъ и шведскомъ языкахъ.

За чертополохомъ. Фантастическій романъ. Имѣется на нѣмецкомъ языкѣ.

Степь. Восьмидесятый. Разказы. Имѣется на нѣмецкомъ и хорватскомъ языкахъ.

Терунешъ. Аска-Мириамъ. Разказы. Имѣется на хорватскомъ языкѣ.

Поѣздка на Ай-Петри и др. Разказы. Имѣется на хорватскомъ языкѣ.

Все проходитъ. Историческая повѣсть въ 2-хъ книгахъ. Имѣется на нѣмецкомъ языкѣ: «Kostja der Kosak».

Съ нами Богъ. Историческій романъ въ 2-хъ томахъ. Имѣется на нѣмецкомъ языкѣ: «Ervica».

Мантыкъ, охотникъ на львовъ, повѣсть для юношества.

Тихіе подвижники. Очеркъ.

Душа арміи — психологическій этюдъ.

Казачья самостійность. Очеркъ.

На внутреннемъ фронтѣ. Въ самовольномъ совѣтскомъ изданіи Гос-издата.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

LARGO. Романъ.

Imprimerie «PASCAL», 13, Rue Pascal, PARIS.

Складъ изданія:
Книжный магазинъ Е. Сіяльской.
2, Rue Pierre-le-Grand
PARIS (8^e)